Человек из оркестра

БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК ЛЬВА МАРГУЛИСА

ЛЕНИЗДАТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Лениздат» представляет книгу «Человек из оркестра. Блокадный дневник Льва Маргулиса». Это записки скрипача, принимавшего участие в первом легендарном исполнении Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича в блокадном Ленинграде. Время записей охватывает самые трагические месяцы жизни города: с июня 1941 года по январь 1943 года.

В книге использованы уникальные материалы из городских архивов. Обширные комментарии А. Н. Крюкова, исследователя музыкального радиовещания в Ленинграде времен ВОВ и блокады, а также комментарии историка А. С. Романова, раскрывающие блокадные и военные реалии, позволяют глубже понять содержание дневника, узнать, что происходило во время блокады в городе и вокруг него. И дневник, и комментарии показывают, каким физическим и нравственным испытаниям подвергались жители блокадного города, открывают неизвестные ранее трагические страницы в жизни Большого симфонического оркестра Ленинградского Радиокомитета.

На вклейке представлены фотографии и документы из личных и городских архивов. Читатели смогут увидеть также партитуру Седьмой симфонии, хранящуюся в нотной библиотеке Дома радио. Книга вышла в год семидесятилетия первого исполнения Седьмой симфонии в блокадном Ленинграде.

Открывает книгу вступительное слово Юрия Темирканова.

- ЧЕЛОВЕК ИЗ ОРКЕСТРА
  - Вступительное слово
  - Голос очевидца
  - Лев Маргулис
    -
    - Первая тетрадь
    - Вторая тетрадь
    - Третья тетрадь
  - Документы и материалы
  - Репертуар симфонического оркестра
  - Иллюстрации (вклейка)
  - Как создавалась эта книга
  - Благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60

- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104

- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148

- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192

- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236

- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280

- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324

- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368

- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412

- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456

- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474

ЧЕЛОВЕК ИЗ ОРКЕСТРА
Блокадный дневник Льва Маргулиса

Вступительное слово

Седьмую симфонию Дмитрия Дмитриевича Шостаковича я исполнял много раз — и за границей, и в Большом зале Петербургской филармонии. Мысль о том, что ее ленинградская премьера состоялась здесь, в блокадном городе, 9 августа 1942 года, подсознательно всегда во мне присутствует. Музыкантов шесть или семь из того, легендарного, коллектива еще играли и в филармоническом оркестре, который я возглавил в 1968 году. Мне было 29 лет.

Поразительно, но музыканты, участвовавшие в блокадном исполнении, не оставили дневниковых записей ни о репетициях, ни о премьере симфонии. Вы не найдете их и у скрипача Льва Маргулиса, чей дневник сейчас будете читать. Это остается для меня загадкой. Но и позже, спустя много лет после войны, оркестранты не часто рассказывали о тех днях. А ведь они попали в Дантов ад блокады. Это было существование, не имеющее ничего общего с человеческим. Наверное, в том ужасе, в том блокадном кошмаре работа над симфонией оказалась для них способом выживания, сохранения себя как личности. Эта работа, столь привычная для них в мирное время, в чудовищных условиях блокады вдруг оказалась единственным *нормальным* проявлением жизни. Мне кажется, музыканты, ее исполнившие, даже не осознавали в полной мере, какой это был поразительный поступок, какое это было поразительное мужество.

Трудно представить, что на самом деле чувствовали сидящие во фраках на сцене люди, переживающие унижение голодом, холодом, страхом смерти. Отступал ли у них этот страх во время игры?

Когда началась война, мне было очень мало лет, но я совершенно отчетливо помню, как в наше село входили немцы. Я помню, как в нашем домике жил комендант со своим денщиком, я помню, как они уезжали… Это очень странно, но какие-то вещи необъяснимым образом запоминаются навсегда. Я помню, как, уже после ухода немцев, на санях привезли моего расстрелянного отца, он был командиром партизанского отряда…

Наверное, дирижируя Седьмой, я обо всем этом не думал. Но воспоминания детства, вся жизнь, которая тобой прожита, она остается навсегда в твоих генах, и, когда нужно, они работают.

Поставить себя на место музыкантов блокадного оркестра невозможно. Никто из нас не знает, как поступал бы в тех условиях. Мы можем только предполагать. Но им удавалось подняться над блокадным адом. В этом и заключался их героизм.

Большой зал филармонии, где впервые была исполнена Седьмая, Ленинградская, симфония — зал для нашей страны особенный, намоленный. Здесь русская музыка выстроила фундамент своего будущего. В этом зале за девять дней до смерти дирижировал своей Шестой симфонией Чайковский. Здесь в годы гражданской войны и разрухи была открыта первая русская филармония. Здесь в годы Отечественной войны состоялось блокадное исполнение Седьмой симфонии Шостаковича. И это тоже стало частью фундамента нашей культуры.

Юрий Темирканов

Голос очевидца

Еще один блокадный дневник. Еще один человек из тех, кто «были там… тогда». Записи открываются первым днем войны и продолжаются — с разной степенью регулярности — до прорыва блокады в 1943 году. На заполненных аккуратным почерком страницах предстают город и горожане в летние месяцы 1941 года, когда в одночасье прекратил существование налаженный мирный быт и каждому предстояло найти свое место в новой действительности. Затем возникают драматичные картины осени, когда враг оказался у самых стен Ленинграда, окружил его и начал — силами авиации и артиллерии — систематически разрушать дома, убивать жителей. Потрясают страницы дневника, где речь идет о голодной зиме 1941/42 года, о днях, когда выражение «люди мрут как мухи» стало обиходным. И далее — к лету 1942 года, когда надежда на спасение стала казаться реальной.

О блокаде написано много. Общая картина трагической эпопеи уже сложилась. Но каждое описание того времени носит свои особенные черты. Уникальны сведения из первых уст. Публикуемый дневник — индивидуальный голос в общем хоре. Особую ценность дневнику придает тот факт, что автор был «человеком из оркестра» — занимал одно из ведущих мест в коллективе, прославившемся на весь мир исполнением в осажденном Ленинграде 9 августа 1942 года Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича.

Ведение дневников, чтение книг, исполнение и слушание музыки — эти и другие проявления духовной, интеллектуальной жизни становились средством самозащиты, противодействия смертоносной обстановке блокады. В культурных традициях великого города люди искали поддержку. Впрочем, вряд ли они осознавали это. Блокада заставляла их сосредоточиться на будничных проблемах.

Ленинград — Блокада — Музыка и музыканты — главная тема данного издания.

Лев Михайлович (Менделевич) Маргулис родился 12 января 1910 года в городе Бельцы (Бессарабия, теперь — Молдавия). Политические бури последующих лет вынудили семью (в нее — помимо Льва — входили отец, мать и новорожденный брат) менять места проживания. Жили в Тифлисе. Потом несколько лет семья жила в Николаеве. Здесь Лев завершил общеобразовательную семилетку, здесь же, в так называемой

Народной консерватории, началось его серьезное обучение игре на скрипке[1]. Следуя за семьей, он в 1926 году переехал в Москву, где поступил в консерваторию, а вскоре все объединились в Ленинграде, и в 1927 году Лев стал студентом Ленинградской консерватории. «Намерен стать профессиональным скрипачом-исполнителем», — написал он в заявлении о приеме[2]. Учение шло очень успешно. В 1929 году талантливый юноша, продолжая учиться, прошел конкурс и был принят в оркестр Государственного академического театра оперы и балета (Мариинский театр). Повышая свой профессиональный статус, он вскоре, опять-таки по конкурсу, перешел в группу первых скрипок Малого оперного (Михайловского) театра. Затем (в 1936 году) стал аспирантом Консерватории, параллельно участвуя в качестве солиста в деятельности Концертного бюро Филармонии. Окончив аспирантуру, поступил в лучший симфонический коллектив города — в оркестр Ленинградской филармонии.

Однако при этом сократились возможности его сольных выступлений, и в 1940 году Маргулис стал концертмейстером (то есть первым лицом после дирижера) симфонического оркестра в Филиале Театра оперы и балета (в помещении Народного дома).

Уже само движение его карьеры говорит о масштабе Маргулиса как музыканта. Прямым свидетельством достигнутого им уровня исполнительства служит характеристика, выданная ему как аспиранту Консерватории в апреле 1938 года: «Очень даровит, обладает отличными виртуозными качествами. Звук его теплый, выразительный, техника смычка и пальцев разнообразна, очень хорошо развита; в исполнении благородство, музыкальность, хороший вкус и темперамент. Маргулис может быть использован как концертант, солист симфонического оркестра и ансамблист». Характеристика подписана И. Р. Налбандяном — одним из выдающихся профессоров Консерватории, воспитавшим ряд скрипачей мирового уровня[3].

Красноречива и программа аспирантского концерта Маргулиса, прошедшего 10 мая того же года в Консерватории, в Малом зале им. А. К. Глазунова. В нее вошли сочинения Бетховена и Паганини (I отделение), Венявского, Крейслера, Мендельсона и Франка (II отделение). В музыкальный мир Ленинграда входил зрелый, высококлассный исполнитель, музыкант, амбициозность которого гарантировала дальнейший творческий рост.

В советские годы каждому студенту, аспиранту, работнику приходилось заполнять анкеты, которые составлялись с целью выяснить социальное происхождение и положение человека, его

«общественное лицо». В общественной области у Маргулиса амбиций не было: в 1927 году вопрос анкеты «Выполняли ли общественную работу до поступления в Консерваторию?» он оставил без внимания, а на вопрос «Желаете ли нести общественную работу в Консерватории, и какую именно?» уклончиво ответил: «По мере способности».

Из анкет также выясняется, что младший брат Маргулиса, работавший в редакции газеты «Ленинградская правда», погиб в Финскую войну и что в конце сороковых годов Маргулис женился, и у них родилась дочь.

22 июня 1941 года жизнь изменилась коренным образом. Каждый день вносил в нее что-то новое. Хотелось запечатлеть эти новые черты, сохранить их в памяти и на бумаге. Фиксируя происходящее с ним и вокруг, Маргулис пишет об обычных, рядовых, даже заурядных вещах — в дни войны «мелочи» приобретали особое значение. Свидетельства такого рода имеют свою ценность — История требует сложить возможно полную картину блокадной драмы Ленинграда. Описания Маргулиса подробны, правдивы, естественны — «он пишет, как дышит». Излагает события, мысли, чувства без малейшей деланости, не беспокоясь о мнении посторонних лиц.

Меньше всего внимания в дневнике он уделяет работе. Он оставался музыкантом-исполнителем (хороший скрипач понадобился и в военное время), но даже слова «репетиция», «концерт», «выступление» встречаются редко, а подробности и того реже: такого рода деятельность не представляла чего-то нового. Для музыканта-профессионала систематическая игра в ансамбле или в оркестре — почти рутинное занятие. Пришел, поиграл и отправился дальше по своим делам, вновь окунулся в проблемы и хлопоты быта.

Все же если вчитаться в дневник, то по разрозненным упоминаниям можно узнать, что Маргулис почти ежедневно участвовал в выступлениях на мобилизационных пунктах, в местах формирования, позже — в воинских частях, госпиталях. Из отдельных записей видно, что авторитетные люди хорошо отзывались об его искусстве, что его были готовы привлечь к работе (и привлекали) солидные учреждения. Проскальзывает в записях и другое — затаившаяся в глубине души тоска по тому времени, когда музыка была главным делом жизни, когда можно было в повседневных занятиях (необходимых, как для обычных людей зарядка) остаться с музыкой один на один.

Его блокадная жизнь сложилась так, что он постоянно перемещался по городу, общался с десятками (а может быть —

сотнями) людей — то мельком, то длительно. В дневнике возникает целая галерея «моментальных фотографий», словесных портретов — то сделанных эскизно, штрихом, то прорисованных более тщательно. Складывается сложная полифония характеров, мнений, судеб. Одни люди сосредоточивались на своих, эгоистических проблемах, другие не забывали о близких, жертвовали своими интересами. Кто-то искренне верил в скорую победу, кто-то проявлял скептицизм. Многие стремились эвакуироваться, но немало людей категорически отказывалось уехать. Среди коллег Маргулиса были и юноши-добровольцы, и музыканты, идущие по призыву, и их товарищи, стремящиеся заменить отправку в действующую армию работой в музыкальных коллективах. Описывается поведение людей во время бомбежек и обстрелов города, на оборонных работах — иногда (особенно поначалу) паническое. Однако ленинградцы довольно быстро пообстрелялись, начали вести себя спокойнее.

Дневник пронизан разного рода приметами времени. Даже я, «стопроцентный блокадник», находил на его страницах что-то для себя новое. Приведу не очень серьезный, однако о многом говорящий эпизод. Объявлена воздушная тревога, вой сирен извещает о том, что к городу приближаются немецкие самолеты. Водитель трамвая — по терминологии тех лет вагоновожатый — останавливает вагон, предлагая всем выйти и укрыться. Но люди хотят скорее попасть домой. К тревогам они уже привыкли, а идти пешком тяжело. И пассажиры начинают убеждать вожатого, что он ослышался, что никакой тревоги нет…

Естественно, на первом месте в дневнике жизнь самого Маргулиса — события, мысли, переживания. В описаниях проявляются особенности его натуры, его характер. На агитацию идти добровольцем он не откликнулся. Получая повестки военкомата, каждый раз являлся куда следует. Мобилизован он не был. Сыграло, видимо, свою роль его активное участие в концертных бригадах, обслуживавших армию, ходатайства с места работы. Мобилизации другого рода, как и иные предписания, охватывавшие всех ленинградцев, коснулись и его: впечатляющие страницы дневника посвящены летним оборонным работам под Кингисеппом, дежурствам в составе команд Местной противовоздушной обороны (МПВО). Маргулис участвовал в изготовлении маскировочных сетей, в уборке города. Короче говоря, был одним из десятков тысяч ленинградцев, в чью жизнь вторглась война.

Маргулис стремился уехать из Ленинграда. Но это не сложилось. Судьбой ему было определено вынести все испытания, выпавшие на долю города. Он постоянно ощущал висевшую над

ним, как дамоклов меч, опасность стать жертвой бомбы или снаряда. Познал муки голода. Проблема еды — главная тема осенних и, особенно, зимних записей. В них регулярно сообщается о нормах выдачи продуктов, о ситуации в магазинах и столовых, о ценах на рынке, об обменных операциях (деньги утрачивали свое значение, и процветал «натуральный обмен». Сообщается также о поступавших со стороны «подкреплениях». Артистов, приезжавших с концертами в воинские части, обычно «подкармливали» (ходовое выражение военных лет). Обеденные талоны в свою столовую давал, кроме того, посылавший бригады Дом Красной армии (ныне Дом офицеров Западного военного округа). Однако самую значительную и постоянную помощь Маргулис получал от Нюры, женщины, еще до войны вошедшей в их семью (видимо, няни дочери). Теперь она работала в столовой и взяла на себя заботу о музыканте, обслуживая его и снабжая своего рода дополнительным пайком. Романтических отношений между ними, судя по всему, не было, и действовала она бескорыстно.

О политике — местного и мирового масштаба — Маргулис почти не пишет. Видно, что он следил за ней, эмоционально реагируя на отдельные факты, особенно связанные с Ленинградским фронтом. Отмечал умолчания в сводках, с сомнением принимал уверения официальных докладчиков в скорой ликвидации блокадного кольца (однажды обозвал эти сообщения «болтовней»). Хотя в его круг входили люди, чуть ли не до смертного часа готовые уверять себя и других в благополучном завершении всех испытаний, их влияния он не ощущал. Впрочем, не мог понять и тех, кто (в буквальном смысле слова) сходил с ума от страха оказаться в лапах гитлеровцев. Позволял себе критику партийных начальников («живут себе неплохо и создают невыносимые страдания огромному, подавляющему большинству»), неоднократно приводил примеры бюрократической неразберихи и нечеткости в работе учреждений.

Филиал Театра оперы и балета им. Кирова, концертмейстером которого Маргулис вступил в войну, был в первый же месяц закрыт. В поисках работы и возможности эвакуироваться он вступает в контакт с другими организациями. Кратковременная связь возникает с Областной филармонией, более длительная с ТЮЗом (Театр юного зрителя)[4]. С конца 1941 года музыкант закрепляется в Большом симфоническом оркестре (БСО) Радиокомитета и разделяет с этого момента его блокадную судьбу.

В дни войны люди не выключали радио, прислушивались к нему. Ведь в первую очередь из его сообщений жители узнавали о

событиях на фронте, о выдаче продовольствия, о налете вражеской авиации и артиллерийском обстреле, о новостях политики, науки, промышленности, литературы, искусства. Когда — в критический момент блокады — радио стало говорить все тише и с перебоями, а в некоторых районах умолкло (не хватало электроэнергии, трудно было ликвидировать повреждения от бомб и снарядов), — это воспринималось как тяжкая утрата. Постепенно трансляция восстанавливалась, и вновь в домах и на улицах слышались голоса дикторов и артистов, звучала музыка.

Большой симфонический оркестр был главным музыкальным коллективом и Радиокомитета, и всего города. Без его участия не могло состояться ни одно крупное музыкальное событие, включая симфонический концерт или оперный спектакль, — другие коллективы такого уровня были эвакуированы. Далее будут приведены основные сведения о творческой деятельности Большого симфонического оркестра, о знаменитой премьере Седьмой (Ленинградской) симфонии Дмитрия Шостаковича. Сейчас лишь напомню, что одну из первых скрипок в этой деятельности (в прямом и переносном смысле) играл автор публикуемого дневника.

Центральное место в записях Маргулиса занимают страницы, правдиво отражающие состояние города и его жителей в кульминационный момент блокады (зима 1941/42 года). Введено так называемое «казарменное положение», и Маргулис живет то в общежитии Радиокомитета — в комнате № 30 на шестом этаже, то дома — в коммунальной квартире № 4, дома № 10, по 5-й линии Васильевского острова. Легко проследить его маршрут: с 5-й линии через один из мостов — Лейтенанта Шмидта (ныне Благовещенский) или Дворцовый — в центр города, на Невский проспект (официальное название — Проспект 25 октября), по улице Ракова (ныне Итальянская) или улице Пролеткульта (Малая Садовая, на их пересечении находился Радиокомитет), через Моховую (здесь ТЮЗ) на Литейный проспект к Дому Красной армии. В наши дни большинство этих мест входит в излюбленные маршруты прогулок жителей и гостей города. Но вот какими они описаны на одной из страниц дневника: «… Жуткое зрелище представляет город своими руинами от авиабомб, забитыми окнами, подбитыми трамваями и оборванными проводами от обстрелов, баррикадами, с бледными, качающимися, еле идущими, хмурыми жителями его, идущими, исхудалые донельзя, по улицам десятки верст от дома на работу и обратно или на промысел съедобного, типа дуранды, с постоянно встречающимися гробами и покойниками без гробов, с его громадными очередями». В подобных фрагментах

бытописание проникнуто антивоенным пафосом. Исполнены драматизма и страницы, связанные с общежитием в Радиокомитете. Голодные, слабеющие, умирающие мужчины. Пронизывающий холод. Хорошо, если сосед ушел домой или на дежурство, — можно использовать его матрас, одеяло. Люди моются лишь изредка. Работы нет — большинство обитателей оркестранты, а оркестр не функционирует — условия блокады вынудили прервать его деятельность. Наконец поставили печку, начали ломать мебель — стало теплее. На печке что-то готовили — каждый сам для себя. «Здесь как в бреду все было смещено. Здесь умирали, стряпали и ели», — писала о тех днях Ольга Берггольц (она тоже жила в Радиокомитете — этажом выше). Запах приготовляемой пищи был тяжким испытанием для тех, кто ничего не имел. К весне 1942 года в оркестре умерло двадцать семь человек — почти треть состава.

Весной жизнь полегчала. Отмечает это и Маргулис, как и ранее оставаясь в основном на уровне бытовых подробностей. Оркестр получил от властей города продовольственную поддержку, возобновил свою деятельность. Возвращение к музыке было возвратом к жизни. Вместе с обновленным коллективом скрипач вновь приобщился к повседневной трудовой жизни человека из оркестра, вернулся на концертную эстраду, получил также возможность сольных выступлений. Пережил триумф блокадной премьеры Седьмой симфонии и других значительных премьер. Дождался прорыва (январь 1943-го), а затем (январь 1944-го) и полного снятия блокады. Не сразу поверил в прочность перемен.

По мере того как пульс жизни стал биться ровнее, ослабевал интерес Маргулиса к дневнику. Ощущение новизны и драматизма происходящего, стимулирующее появление записей, притупилось. Все реже он доставал заветную тетрадь. Последние записи в ней — 7 мая и 2 сентября 1942 года, 29 января 1943-го.

Годы блокады врезались в память ленинградцев. Оставили глубокий след как время высокой трагедии, где гибельному началу противостояло предельное напряжение сил, мобилизация духовных резервов, активизация творческой энергии. Многие свидетельствовали о том, что 900 дней осады были в их жизни особым, по-своему ярким периодом, своего рода «эпохой пик». Образно выразила это корреспондентка Б. Пастернака, его двоюродная сестра О. Фрейденберг (письмо написано 7 августа 1942 года — как бы специально в преддверии премьеры Седьмой!): «…Казалось, душа изомнется. Так нет! Одна страница настоящего искусства, две-три строчки большой научной мысли: и жив курилка! Поднимается опять страсть, и пеплом пылится

отвратительная псевдореальность, и мираж как раз она»[5].

Два примера из области музыки. «Живем полной жизнью как никогда», — написала на Большую землю С. П. Преображенская (любимая ленинградцами певица 12 апреля 1942 года выступила в сопровождении оркестра Радиокомитета и имела большой успех). «Как бы распелась ты здесь, в Ленинграде», — такие слова адресовал другой вокалистке 17 ноября того же года ее поклонник. Он чуть ли не сожалеет, что она эвакуировалась![6]

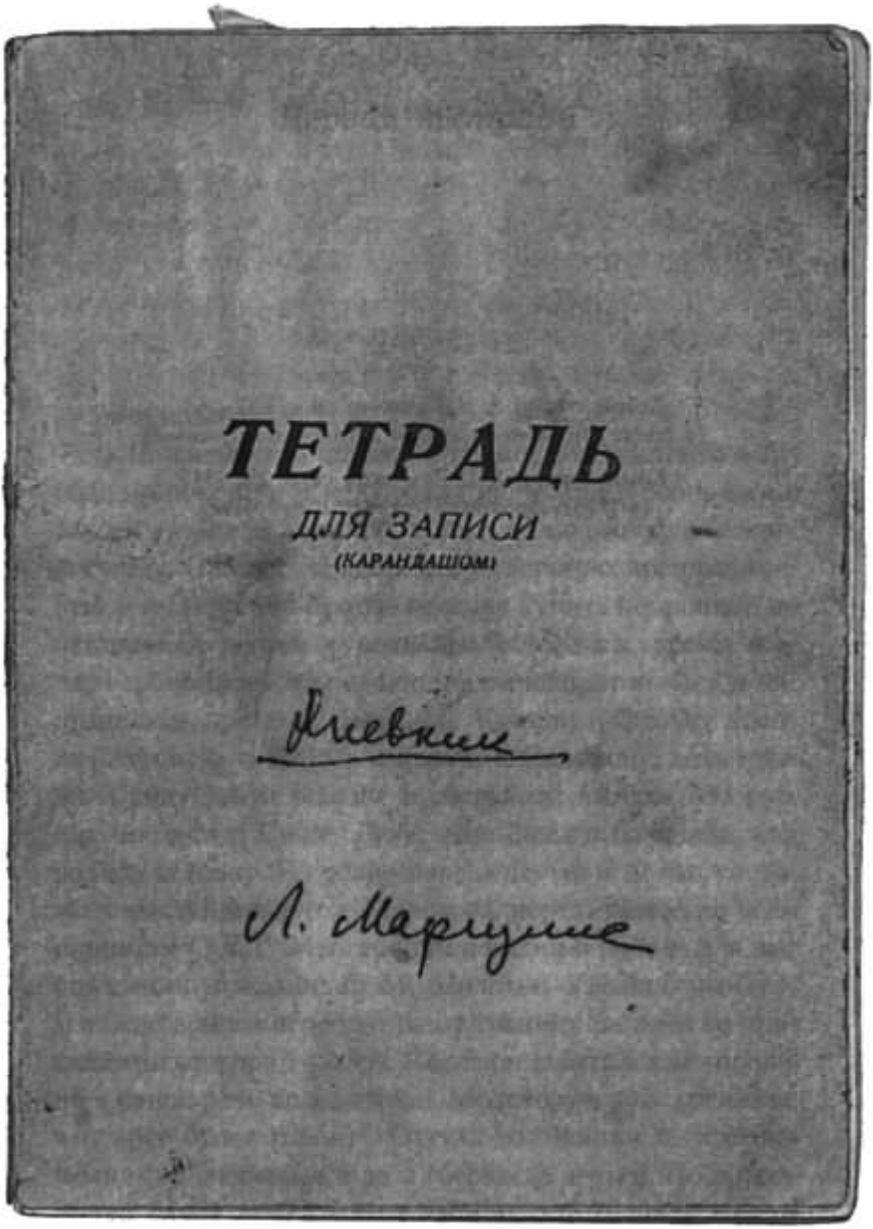
Период блокады был яркой страницей и в истории Большого симфонического оркестра Радиокомитета, и в творческой биографии Льва Маргулиса. Пережив трагедию первой зимы, возобновив затем свою деятельность, коллектив приобрел мировую известность. В городе он находился на особом положении, участвовал в самых ответственных концертах, был на столь высоком уровне единственным. Ощущали свое особое положение и музыканты. Заменить каждого из них было нелегко. Они составляли ансамбль «штучных» специалистов, и это льстило артистическому самолюбию, удовлетворяло амбиции (сколь бы скромен ни был человек). Маргулис являлся одним из ведущих музыкантов коллектива. В составе оркестра он выступал на лучших концертных площадках, постоянно участвовал в радиопередачах. Приобрел известность и вне общих выступлений — его приглашали в качестве солиста в большие афишные концерты, и его имя (хоть и написанное несколько мельче) стояло в анонсах рядом с именами самых популярных артистов.

С освобождением города от блокады ситуация изменилась. Из эвакуации вернулось множество первоклассных музыкантов. Приехали прославленные коллективы (в их числе — оркестр Филармонии). Число «штучных» специалистов резко возросло. Время шло вперед, выстраивалось по-новому. И оркестр Радио, и Маргулис нашли свое место в послевоенной жизни, работали вполне успешно[7]. И все же годы блокады освещены в их пути особым светом[8].

Как отмечалось, о творческой стороне своей блокадной жизни Маргулис писал предельно лаконично. Архивные источники позволяют воссоздать более полную картину — и общую, и ту, что касается музыки. Сведения такого рода — конкретизирующие, расширяющие, углубляющие текст дневника — сосредоточены в разделе «Документы и материалы», а также в комментариях. Они позволяют понять истинный масштаб блокадной деятельности и оркестра, и одного из лучших его музыкантов.

А. Н. Крюков

Лев Маргулис
ДНЕВНИК



Текст дневника печатается по оригиналу, который в настоящее время передан на хранение в Центральный

государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ СПб).

Дневник представляет собой три тетради в бумажном переплете.

«Общая тетрадь» размером 169х208 мм. «Тетрадь для записи (карандашом)» 140х198 мм. «Тетрадь для записи (карандашом)» 140х198 мм.

Листы линованные, без полей. Некоторые страницы незначительно повреждены. Часть страниц третьей тетради не заполнена. Записи, с некоторыми зачеркиваниями и вставками, сделаны синими, черными и лиловыми чернилами.

Часть записей в дневнике делалась по памяти, спустя некоторое время после событий. Этим объясняются разнобой в датировках.

Текст дневника печатается с незначительными сокращениями.

Первая тетрадь

22-е июня 1941 г.

В 10 часов утра позвонил папа и сообщил, что в городе неспокойно. Я не обратил внимания и собирался с Мусей{1} пойти на Невский, купить ей кофточку к белому костюму. Она хотела непременно дорогую, крепдешиновую, а я бы ничего против не имел купить попроще, а на оставшиеся деньги купить продуктов, т. к. время все-таки тревожное{2}. Мы вышли в одиннадцатом часу и направились прямо на Невский. Купили кофточку крепжоржетовую за 60 руб. и пошли к Соломону, хотя имели в виду зайти раньше в сберкассу, вынуть 700 руб. для поездки в Сочи{3}. Люба{4} еще была в больнице, она родила девочку. По радио передали, что в 12 час. состоится выступление тов. Молотова, передаваемое по всем станциям СССР. Мы строили догадки о поводе для выступления и ждали. В. М. Молотов объявил, что германские войска перешли нашу границу на всем ее протяжении от моря до моря. Соломон схватился за голову, но в конце речи аплодировал Молотову в знак согласия, что враг будет разбит{5}. Оттуда мы пошли и, постояв немного в очереди, взяли в сберкассе деньги. По дороге домой Муся высказывала свои мысли о никчемности теперь и костюма, и кофточки. Ночью тревоги{6}.

23 июня.

Объявление мобилизации{7}. Я был в театре{8}, сбор в котором должен был состояться 29 числа. Узнавал насчет спецучета{9}. Днем (в 4, 5 час.) стоял у Мариинского театра. Встретил Славу, потом Шретера{10}, и вместе звонили в Филиал, чтоб приехала Ольга Николаевна{11}, и взяла листки спецучета. В Мариинке такие листки были выданы на руки оркестрантам. Ольга, видите ли, дежурила и никак не могла приехать. Звонили Боярскому{12}. Наконец около 5-ти часов она изволила приехать. Мы увивались вокруг нее, изъявляя, как могли, свое неискреннее к ней расположение. Поехали вместе с ней в Филиал, и там выяснилось, что листок есть только на Славу. Мы с Сашей ушли несолоно хлебавши. Дома Симочка{13} нервничала и боялась тревог{14}, но ночью, когда ее будили, быстро одевалась, как никогда днем, и торопила нас в убежище.

24 июня.

Не помню, какой был день. Наверное, беспокойный. Но самое важное то, что я, очевидно, в этот день пошел устраиваться к

Юхнину[15]. Он меня принял и сказал, что, если б я был свободен, он принял бы меня в оркестр. Я побежал «освобождаться» от Филиала. Боярский наотрез отказался отпустить меня. Волнуясь и кипя, я после больших трудов и советов друзей по телефону добился Радина[16] (директ[ор] Мариинки). Он сказал, что ничего против не имеет. Я вспомнил, в этот день была гроза. Я бегал за Боярским, чтоб он, т. к. он не хотел брать на себя мое увольнение, спросил об этом Радина. Он обещал, но я видел, что ему не до меня. Раздался гром, совершенно явный гром после молнии. Он стал серым и нервно сказал: «Вы слышите?» Я ответил, что это гром. «Нет, милый, это бомбы», — прошептал он громко и бросился в трамвай.

25 июня.

Боярский, после долгих пререканий наконец принял мое заявление, но к вечеру выяснилось, что Юхнин не может меня взять. Я звонил Боярскому, чтобы он не показывал моего заявления Ольге Николаевне, он обещал.

26 июня.

Днем был в театре и взял обратно свое заявление из рук Ольги. Она подала мне его с ехидной усмешкой. Это Боярский обещал мне его никому не показывать.

Пристал к Мусе написать знакомому ей инспектору оркестра ЦДКА[17] в Москве. Поругались. Но все-таки она письмо написала.

Симочку должны были эвакуировать с очагом[18], но она заболела и осталась.

В театр прибывали письма и телеграммы с запросами от уехавших на отдых работников, куда ехать, в Сочи или Ленинград. Дирекция, не знавшая раньше, что ответить, теперь требовала возвращения в Ленинград. Постепенно люди стали прибывать. Приехали Черняк[19], Моська[20] и Шер[21]. Дирекция явно нарочно задерживалась в Сочи. Асланов[22] и Печковский[23] пытались там отсидеться. В это время здесь Боярский разваливал театр, метя на место заместителя директора Мариинки Белякова[24], который должен был уйти в армию. Но ему удалось только развалить театр, и, т. к. Беляков остался, он стал начальником пожарной охраны здания Нардома.

29 июня.

Сбор в театре. Нам объявили, что мы остаемся работать, но, пока прибудут декорации, мы будем нести охрану театра, разбившись на соответствующие команды, а солисты организуют

концертные бригады[25] для обслуживания армии. Вечером была групповая репетиция струнных «Самсон и Далила»[26].

30 июня.

Утром и вечером репетиции «Самсон и Дал ила». Стыдно ходить с инструментом по городу, и я оставил скрипку в театре[27].

Вера Петрова[28] записывала детей на эвакуацию[29].

31 июня.[9]

Вместо репетиции пошли на двор работать. Копали яму для засыпки мусора. Дома нервное состояние от тревог. Очень приятно видеть Симочку. Она отвлекает и развлекает, но вместе с тем ребенку передается наше возбужденное состояние, и она нервничает и капризничает.

1-е июля.

Утром после работы почему-то стали вызывать некоторых к Сухову[30] в кабинет. До этого было объявлено, что будет информационное собрание. Оказалось, что предлагают идти добровольцами в армию. Условия: можно самому выбрать род войск, сохраняется на все время войны средняя зарплата[31]. Был у Муси в кино[32], чтоб посоветоваться что делать.

Папа был не прочь, чтоб я пошел добровольцем.

2-е июля.

Утром опять работали во дворе. Складывали рамы. Поранил руку. Днем объявили о ликвидации Филиала. Относил вечером вещи Симы и Майи[33] в театр для эвакуации их в Кострому. Целый день сидели и метили белье и платьица. Сима заболела, у нее 37,8. Моська пристает ко мне, чтоб я с ним записался в добровольцы. Лейбенкрафт[34] растерян. В театре и дома уныние и не найти себе места.

3-е июля.[10]

Сегодня отправили Симочку с Маюхой в Ярославль[35] с эшелоном Мариинского театра. Мы должны были отправить Симу с очагом, но не вышло. Симочка, как назло, заболела. Вызвали врача. Врач советовал отправить. Клава[36] тоже очень хотела, чтоб мы во что бы то ни стало отправили Симу. В 12 часов я побежал взять вещи. Забрал их домой. Потом пошел просить, чтоб их снова взяли. Отказали. Только Радин, которого я увидел, разрешил мне отправить вещи вместе с Симой. Звоню домой. Иду к Мусе в кино. Муся ушла домой, как потом выяснилось, и, пока я

ждал ее у кино, она взяла вещи и пошла в театр. Придя домой, я уже никого не застал дома. Ругаясь и проклиная все, я помчался в театр. Они уже садились в трамваи, специально поданные к театру. Я взял вещи и влез в трамвай вместе с ними — с Мусей и Симой. Клава с Маичкой были в другом десятке. Нюра{37} отчаивалась, что не может проводить Симу. Приехали к вокзалу. Огромная толпа провожающих старалась проникнуть в охраняемый милицией вокзал. Я пробрался на перрон. Наконец усадили ребят в вагоны. Вагоны были классные{38}. Майя не отпускала Клаву: «Мамочка, не уходи. Я хочу с тобой» — и плакала навзрыд. Клава тоже плакала. Сима вела себя спокойно, с ней занялись в вагоне две старшие девочки. Клава купила 2 книги детские для Майи и Симы. Это совсем заняло Симу. Поезд ушел. Пришли домой. Нюра так плачет и страдает, что кажется, она сейчас умрет от тоски. Даже говорить она не могла. Неужели она любила Симочку больше нас? Или она менее нас понимает положение вещей и необходимость отправки ребенка. Кажется, и то и другое вместе. Дома пусто и уныло. Нет самого дорого. Как будто у нас вынули душу.

4-е июля.

После утренней работы во дворе нас куда-то должны были отправить. Ждем в саду Нардома. Михаил Михалыч{39} с другими ушел смотреть рыбок в канале. Наконец пришел зав. постановочной частью и поехал с нами в мастерские Мариинского театра. Отныне мы ежедневно с 9-ти утра до 9-ти вечера работаем в мастерских. Делаем ковры{40}{41}. Целый день в грязи и пыли.

Звонил Оскотскому{42}, чтоб он мне посодействовал попасть в ансамбль 5-ти морей. Он очень сочувственно ко мне относился. Но ничего не выходило. Так мы работали до 11-го числа.

11-е июля.

В 11 час. вдруг позвали вниз на двор Филиал[а]. Нам Беляков объявил, чтоб через 40 минут мы явились на Балтийский вокзал, захватив с собой одеяло и ложку. Началась буча. Крик, шум: «Мы не успеем за это время съездить домой». Ругались долго, минут 20–30, и в чем были поехали на вокзал. Пожарник Лева привез на вокзал ложки. Я купил себе 2 булки и 200 гр. сыру в дорогу. Лейбенкрафт был в одной рубашке. Полный вокзал народу. Многие с лопатами. Уходило несколько эшелонов. Приехали мы к вечеру и прошли от вокзала к месту работ верст 7–8. По дороге многие бросали лопаты. На месте в деревне все дома были уже заняты. Крестьяне были эвакуированы{43}. Устраивались на ночлег. Откуда-то таскали связки соломы. Когда мы —

Лейбенкрафт, Шер и я — тоже побежали в этот сарай за соломой, ее уже не было. Купили за 5 руб. связку соломы у молодого парня. Устроились за деревней в кустах. Публика развела костры от комаров, но их скоро запретили. Комары изводили. Шер с Лейбенкрафтом пошли и принесли еще немного сена. Мы легли на солому и прикрылись сеном. Некоторые пошли купаться. Я закрыл лицо, руки и ноги сеном и заснул. Через 5 минут я проснулся от ужасного зуда во всем теле. Ужасно зудела правая рука, кто-то снял с нее сено. Я вскочил и, растирая ладонь, принялся ходить. Больше я уже не спал. На следующий день мы начали работать с 4-х часов{44}. Утром мы купались в быстрой речке, очень каменистой. Я обгорел на солнце. К вечеру невыносимо кусали комары. В 11 часов кончили работать. Целый день пил грязную из вычерпанных уже колодцев [воду], возле которых все время толпился народ. Есть нам дали в первый день черный хлеб, кусочек масла и 2 куска сахару. Сегодня нам дали на обед банку макарон с мясом. Эти консервы в холодном виде я есть не мог. Ночью опять не спал из-за комаров.

13 июля.

Работали с утра. Сил нет после 2-х бессонных ночей. <…> Еще вчера хотели устроиться в сарае. Мы уже нашли место, но вдруг над самым сараем пронеслись три самолета. Один фашист, за которым гнались 2 наших истребителя, и мы предпочли спать на поле, опасаясь бомбежки. Нам было приказано при появлении самолетов сразу же прятаться в кусты. Я уходил подальше, чтоб больше времени уходило на отдых от лопаты, которую я уже не мог держать от слабости. Я разговаривал с нашим ударником… [11] Это очень симпатичный мальчик. Вдруг ни с того ни с сего была объявлена тревога и нам велено идти в кусты. Я работал в пиджаке, т. к. обгорел, но босой. Свою шелковую рубашку я порвал, задев ее лопатой. Я оставил свой хлеб и новые белые туфли и ушел. Из кустов нас погнали в лес, и там уже я понял, что нас гонят домой. Пропали мои туфельки, но это еще ничего. Шифрин{45} ушел в одних трусах, другие тоже. Идя кругом по лесу, мы наконец выбрались на дорогу. Мы наблюдали воздушный бой, причем какой-то самолет был сбит. Я по дороге останавливался у всех колодцев и пил неимоверно. Наконец мы подходили к вокзалу. Вдруг меня окликнули: «Лева». Это был Шукман{46}. Он доброволец-капитан. Еще на дороге я встретил командира и 2-х красноармейцев с гранатами в руках. Навстречу нам ехали машины, битком набитые красноармейцами с ружьями наперевес. У деревни устанавливалась орудийная батарея. И наконец, у вокзала была масса войск. Вот тут и окликнул меня

Гриша Шукман. Давно я его не видел, и вот где пришлось встретиться. Я ему глупо пожаловался, что, если бы мы встретились с врагом, у нас даже оружия не было. Он с горькой усмешкой предложил мне свою винтовку. Я недолго поговорил с ним и побежал за своими на вокзал. Мы прошли добрых 16 километров, причем я ходил вприпрыжку, босой, натыкаясь на острые камешки и сухие ветки по обочинам дорог, стараясь скрываться в придорожном лесу. Наконец я на вокзале. Через каждые 5 минут прибывали поезда с войсками. Потом я узнал, что это были добровольцы, которые не очень хорошо проявили себя в бою. Эти ополченцы были почти не обучены{47}. Ведь мой Гриша, носивший петлицы капитана{48}, начал обучаться 3 июля и никогда не служил в армии{49}. Где-то он теперь? В город отправлялся первый эшелон. Толпа бросилась заполнять вагоны. Я страшно ослаб, но не знаю, откуда у меня взялись силы, что я подтянулся за какой-то болт и буквально над головами влезавших перекинулся в вагон-теплушку{50}. Он уже был набит до отказа, и все стояли плотно в ужасной духоте, настолько плотно, что нельзя было ног переставить. Я стал задыхаться и попробовал пробраться к выходу, вызывая протесты других, тоже старавшихся устроиться у двери. Но я чувствовал, что сейчас свалюсь и, пробравшись близко к двери, сказал, что хотел выбраться из вагона. Но я побоялся спрыгнуть, т. к. надо было прыгать через головы сидевших на полу у открытой двери, свесив вниз ноги. И я стал у двери на колени. Одна наша хористка стала меня злобно ругать и поставила мне на голову свой узел. Я терпел, но решил выбраться во что бы то ни стало. И я все-таки выпрыгнул из вагона и пошел искать место в другом эшелоне, который должен был уйти позже. Я пошел по перрону и увидел один вагон в другом эшелоне, в котором было сидячее место у двери. В этом товарном вагоне были скамейки, на которых сидели, и все места были заняты. Я очень ослабел, но у двери стояли 2 ящика. Я по ним взобрался и сел. Скоро первый эшелон ушел. Я осматривал станцию. Далеко вправо виднелись башни бронепоезда, который я увидел, когда подходил к станции. Прямо передо мной через пути стоял эшелон с боеприпасами. В воздухе все время кружили самолеты. Хорошо бы мы выглядели, если бы начали бомбить станцию и взорвали этот эшелон. Опять захотелось пить. Взял у женщины бутылку, сам напился из своей консервной банки, которую мне дала Муся, и я ее все время бережно держал в кармане, и женщине принес воды. Так я за время стоянки три раза ходил за водой. Сидя на полу у двери и свесив ноги вниз, я тупо смотрел на то, что происходит вокруг. Мне становилось нехорошо. Вдруг у меня стало темнеть в глазах и все заходило

кругом. Я, боясь выпасть из вагона, перекинулся назад, держась за выступ рядом стоящей скамейки. Я поминутно открывал глаза, чтоб проверить себя, но ничего не видел. Я спокойно стал ждать с закрытыми глазами, думая: «Неужели я упаду в обморок?» Но через довольно продолжительное время я почувствовал себя лучше и открыл глаза. Ко мне постепенно возвращалось зрение.

Наконец тронулся и наш эшелон. Мне было нехорошо оттого, что я все время пил воду. Мы почему-то поехали в другую сторону и часто стояли на станциях, пропуская эшелоны с войсками. По дороге я прошел в вагон и сел там на скамейке. Опять какой-то бабе не понравилась моя спина, не пропускавшая к ней беспрепятственного доступа воздуха, поэтому я пересел. Теперь она ругала девушку, занявшую мое прежнее место, но над этим смеялись. В город мы приехали на следующий день в 10 час. утра, а выехали мы накануне в 6 час. вечера. До вокзала поезд не дошел, нас высадили у Средней Рогатки{51}, и мы пошли к трамваю. Помню, как я прятал свои босые ноги в районе консерватории при встрече с консерваторцами{52}.

14-го июля я был дома. Муся чуть не уехала без меня, не простившись со мной. Ее удержали Харламова{53} и Нюра. Усталый, я лег спать около 3-х часов дня. В 6 час. раздался звонок. Я пошел открывать дверь, и мне была вручена повестка явиться 16-го в военкомат.

15-го пошел в Филиал брать расчет, но мне сказали, что эта повестка для учебного сбора. Я пошел домой. Дома я одумался, что в эти грозные дни не может быть учебного сбора. Некогда сейчас учиться, и пошел обратно в театр. Бухгалтер, посмотрев мою повестку, велел мне дать расчет, подтвердив мои доводы. Когда я брал расчет, был и М. М. Тимофеев. Он одолжил у меня 20 рубл., пообещав, что Нина отдаст Мусе. Где-то он теперь. Еще числа 8-го-10-го июля группа в составе него, Моси Гольцмана, Меерзона, Степы и Пазюка{54} записались добровольцами в какой-то полк и были там в музыкантской команде. В августе я как-то увидел Мих[аила] Михайловича] на Звенигородской играющим в оркестре, под звуки которого нестройно и уныло шагали новобранцы. В этом оркестре я еще увидел Леву Каца{55} — скрипача, на этот раз игравшим на тарелках{56}. 15-го вечером пришли мои родные. Муся сшила мне мешок, в который уложила белье, папиросы, немного печенья и конфет.

16-го утром я ждал в приемной военкомата. Еще недавно, в первые дни войны: 25-го или 26-го июня, я играл в этом здании в

оркестре Лифшица[57] из «Форума» для призывников. Это были девушки, отправлявшиеся на фронт[58]. Некоторые смеялись, шутили, в зале было довольно шумно, и потом их выстроили. Они встали с котомками за плечами и отделились от провожавших их родных. Когда после переклички они выходили, провожавшие бросились к ним, но их отделили и выпустили из других дверей.

Начальник опросил меня, где я работаю, и отпустил меня домой, сказав, что через пару дней я получу еще одну повестку и тогда уже я пойду в армию[59].

17-го уехала Муся. Она внезапно получила эвакуационный талон на поезд в тот же день. Я ей упаковал все наши запасы съестных продуктов в один чемодан, самые ценные вещи и все имевшиеся у нас в наличии деньги, документы и флейту — в другой. И еще один большой тюк, не помню из чего. Там было, кажется, одеяло и постельное белье. Нет, по-моему, постель была отдельно. У поезда я встретил Орехова[60]. Он из Комендантского управления патрулировал на вокзале[61]. Рассказал мне несколько неприятных известий. Я передал их Мусе, попрощался с ней, велел быть стойкой, мужественной. На вокзале продавали штрицеля[62] по дорогой цене. Я купил Мусе 5 штук. Она мне оставила, кажется, 120 руб. Поезд ушел, я остался один. С этих пор я большей частью находился у родных и только ночевал дома. Повестка почему-то не приходила. Через пару дней я позвонил Канкаровичу[63], и он мне предложил принять участие в шефских концертах[64].[65] Мы играли у бойцов ПВО[66]. Мы играли почти ежедневно, и я был доволен, что имею какую-то работу — общественную нагрузку. В это время весь город строил, вернее, копал противотанковые рвы[67]. В начале августа мне позвонил Шифрин и предложил работу в кладовой Мариинского театра. Мы там проработали 5 или 6 дней. Кладовщик оказался довольно симпатичным человеком, но иногда делал довольно неприятные высказывания вроде того, что жиды и коммунисты никакие вояки[68] и др. Он недавно сидел в тюрьме за растрату и расхищение государственного] имущества.

Проходя как-то домой мимо института Лесгафта, я встретил стоявшего на часах Колю Леднева[69]. Мы поговорили. Он ушел добровольцем в армию и здесь проходил военное обучение. Я вспомнил, как, когда мы работали в мастерских, делая маскировочные ковры, во время 5-ти минутного отдыха, который у нас был ежечасно в течение 10-ти часового рабочего дня[70], мы, раскуривая на лестнице в самом верху, наблюдали двор института, где обучались добровольцы. Они ползали, метали фанаты и маршировали с утра до поздней ночи. Тогда я встретил

также Геронимуса Алю[71], он тоже был добровольцем, командиром отдельного отряда. Он говорил, что война скоро кончится — через месяц[72]. Я знал, что это чушь, но хотелось верить. Он также говорил о том, что тот, кто честно работал, должен честно драться. Когда я работал в кладовой, была середина августа, кончался 2-й месяц войны, мы отступали, враг подходил к Ленинграду, и кладовщик ждал их со дня на день[73]. Конечно, не такого скорого конца войны мы ждали.

В день, когда я пишу этими чернилами, идет 6-й месяц войны. 23 ноября [19]41 года. Город в кольце, осажден врагом, голод. Командование прилагает величайшие усилия, чтобы разорвать кольцо.

Итак, середина августа. Я работаю в кладовой, в грязи и пыли двигаю тяжелые ящики и бочки и вечером играю концерты. Шифрин поступил на завод. Канкарович надоел своими бесконечными звонками по телефону соседям обеих квартир. <… > Муся его страшно не любила, и я ходил к нему с опаской, чувствуя, что от него ничего не смогу получить и только буду убивать время в идиотских разговорах и спорах, бесконечных к тому же и совершенно невыносимых. Я чувствовал себя виноватым в отношении к Мусе, как будто я ей доставляю неприятности. И все-таки я ходил к нему. Дома родные относились ко мне хорошо, чутко.

20-го июля я заложил свой костюм и пальто за 470 рубл. 400 рубл. я отдал родным, а 70 оставил себе. Я очень хотел есть мороженое и, кажется, в основном я эти деньги истратил на мороженое.

21 июля Клава вдруг взяла расчет и уехала к Маичке и Мусе в Кострому. Она за день до этого получила из Костромы телеграмму, что Маюся заболела лишаем. Мама догадалась, что это Майкина природная плешинка ввела их в заблуждение. Но Клава всплакнула и, взяв отпуск на месяц, уехала. Я провожал ее. На вокзале встретил одного студента из консерватории, с которым я когда-то поругался в консерватории из-за класса для занятий. Этот нахал кончил консерваторию и направлен был для работы в Астрахань. Он уезжал. Как я ему завидовал. Объявили воздушную тревогу. Нам пришлось оставить вещи и, пробежав улицу, скрыться в подворотне. Тогда еще тревоги проходили безобидно[74]. Наши летчики не подпускали врага к городу. Она продолжалась около часа, но нам пришлось еще ждать. Томила жажда, и я пошел искать мороженое и воду. Принес мороженого и Клаве. Угостил носильщика. Побежали на посадку. Я впереди.

Нашел в конце огромного состава из товарных вагонов, разделенного пополам и размещенного по обеим сторонам платформы для удобства посадки, т. к. для этой цепи в 70 с лишним вагонов нужна была платформа вдвое длиннее обычной, ее номер вагона и, положив на нары чемодан, занял место и стал ее ждать, но прошло 5, 10 минут, а ее нет. Побежал посмотреть, в чем дело. Я думал, что распаковался какой-нибудь узел — она их очень небрежно запаковывала. Но опять ее не нашел. Волнуясь, вернулся на место. Уже почти все пассажиры — эта громадная толпа — уселись в вагоны, а Клавы все нет. Наконец, запыхавшаяся, она подбежала ко мне, недоумевая, что со мной случилось. Оказывается, в другом конце второй половины состава есть такой же вагон, и она ждала меня там. Я перенес чемодан туда. Там было тесно и неудобно и публика какая-то неприятная. Женщина несимпатичного вида не давала Клаве прилично сесть, но Клава все же устроилась. Я пошел, купил ей кулич за 5 рубл. и принес воды в чайнике. Уже было поздно, и я не стал дожидаться, пока поезд уйдет, и ушел домой.

Когда мы еще работали в мастерской, Шер встретился с Насидзе{75} — дирижером, окончившим консерваторию и посланным во Фрунзе главным дирижером в филармонию. Он обещал нас вытребовать туда на работу. Шер и я посылали в разные города телеграммы с предложением себя для работы, но никто не отвечал. Лейбенкрафт устроился на Радио{76}. Я обхаживал еще раз Юхнина, но безрезультатно. На Радио меня тоже не брали. Так что мне пока оставалось иметь дело с Канкаровичем. Я часто бывал у Мариинского театра, виделся с Мотей Гореликом{77} и просил его устроить меня в театр, но не похоже было, чтоб театр начал работать. Отпуска им не давали, но публика вовсе не ходила. Помню, как на «Лебединое» было продано 30 билетов и спектакль отменили{78}. Надежд было очень мало, но все же я туда наведывался. Солисты театра работали в шефских бригадах и давали концерты Красной армии, а цеха работали в мастерских на маскировочных коврах, в кузнице. К концу июля работа в мастерских кончилась. Работавшим там выдавали продовольственные карточки. Я, как безработный, получал карточки{79} в жакт'е{80}. В консерватории О. А. Кауфман — длинноносая, некрасивая и неделовая особа — составляла концертную бригаду для шефской работы. Предлагала составить квартет, но я никак не мог прийти. То я работал в кладовой, а еще раньше я провожал Клаву и все не мог прийти на репетицию. Это дело тянулось долго, примерно с 20-го июля до 20-х чисел августа. Она тоже мне звонила без конца, и у нее ничего не выходило. А я искал более крепкое убежище. О. П. Вязникова

передала мне, что есть для меня работа в к[ино]/т[еатре] «Колосс»{81}.

15 августа начались слухи об эвакуации театров{82}. Канкарович тоже заговорил об эвакуации Филармонии{83}.

17-го я пошел просить Белякова, чтоб меня взяли с Мариинским театром, но получил отказ. В эти дни я очень метался, но чувствовал, что у меня ничего не выйдет. Я чувствовал себя обреченным. Я готов был уехать рабочим с каким-нибудь заводом{84}.

18-го уехал Мариинский театр{85}. Мне было страшно, и я не мог спать по ночам. Каждое утро в 6 час. мы слушали радио. Я уговаривал родных уехать, но отец упирался, как рогатое животное, и не хотел эвакуироваться{86}, несмотря на то что его «Гипрошахт»{87} эвакуировался. Я старался вовсю и, получив отказ также в консерватории, пошел в Комитет к Загурскому{88}. В консерватории ведал эвакуацией Мерович{89}. Он был добровольцем в армии в звании старшего лейтенанта, но каким-то образом ко времени эвакуации оказался штатским. То же было с Суховым. <…> Они агитировали других идти добровольцами в армию, а сами выкарабкались оттуда. Также было с Ратнером{90}, Гореликом, Кессельманом{91} и др. <…> В Комитете искусств к Загурскому я не попал и написал ему письмо, которое не решился передать, а поговорил со Львом{92}, который направил меня в Михайловский театр или Капеллу. Я выбрал Михайловский театр и взял у него записку, что он не возражает против моего включения в эшелон. Михайловский должен был уехать 21-го августа. На этот же день была назначена и отправка «Гипрошахта». Я уговорил отца ехать. Он все боялся, что мать не выдержит поездки, действительно тяжелой. Директор театра Тарасенко{93} согласился после некоторого колебания взять меня, но только не на работу в театр. Я пошел с запиской, написанной им, к Василевскому{94}, который выдал мне удостоверение для военкомата.

20-го я снялся с учета и стал запаковываться. Одновременно я помогал паковаться родным. Возился я эти дни очень. 20-го я их отправил к поезду. Но ночевать они пришли домой, и 21-го папаша меня все-таки заставил быть с мамой. Я еще подготовлял узлы. К 4-м часам отправил и ее. Я постарался оставить немного сухарей и себе. Немного сахара. Все это я вырывал, как говорят, из горла. Они все хотели взять с собой, и, сколько они ни брали,

им все, казалось, было мало. Пока я отправлял родных, я не был ни разу в театре, хотя рвался туда очень, но отец уверял меня, что театр 21-го не уедет, а задержится. Я был в театре в 12 час. Но там никого не было, а потом я туда попал к 5-ти часам. Я долго бился, пока достал эвакуационное удостоверение для получения продуктов на 10 дней вперед. Для получения эвакуационного командировочного удостоверения мне нужно было сдать карточки{95} и получить соответствующую справку. Я побежал получать хлеб перед тем, как сдавать карточки. Причем у меня были не все карточки, т. к. я их в свое время сдал родным. Я был совершенно мокрым от безумной беготни. Я упрашивал прохожих продать мне промтоварную карточку, но никто не продавал. За 5 руб. я купил использованную мясную карточку у учительниц из дома, где жили родные, и нашел под клеенкой дома на кухонном столе промтоварную карточку{96}. Хлеб я получил без очереди с большим трудом. Прибежал я в театр в 7-м часу. Там уже почти никого не было. С большим трудом я сдал карточки и получил справку. В это время была тревога, а во время тревоги нельзя работать, и сволочь, выдававшая справки взамен карточек, сидела в своей администраторской комнате с каким-то холуем и не могла нам 3-им выдать справки. Сначала не было бланков. Мы гонялись по помещению, ища машинистку. Симпатичная, она нам напечатала бланки. Наконец тревога кончилась, я получил справку, но когда я прибежал сдать справку и получить командировочное и посадочный талон, то оказалось, что мне их не могут дать, и вообще меня в списках не оказалось. Я побежал к Тарасенко, но, оказывается, меня не пропустила тройка{97}, и он ничего не мог сделать. Итак, я отпал. Настроение подавленное. Вспомнил, как вчера, когда я получил справку в военкомат и бегал по театру вместе с другими работниками, пришел Яша Юфит{98}, в шинели, с винтовкой и горящими глазами. Я представляю его состояние, когда он видел, как все его товарищи уезжают в безопасное место, а он, нисколько не худший их специалист, должен идти на фронт. Еще до того, как отправить родных, я решил, что отправлю их, приду домой и повешусь. Мое устройство в эшелон Михайловского театра отогнало эту мысль и полную решимость умереть. И теперь, когда мой отъезд не состоялся, все-таки эта мысль притупилась. У меня перед глазами стоял гобоист Мариинки Данскер{99}, сошедший с ума от страха перед погромами{100} и оставшийся в сумасшедшем доме, в то время как его театр эвакуировался. Не будь у него этого идиотского страха, он сейчас был бы в полной безопасности. Не стоит умирать раньше времени. На следующий день я даже успокоился. Я пробовал пристать к другому эшелону в Академии

художеств, но ничего не вышло. Канкарович мне сказал пренебрежительно, что, очевидно, эвакуируется и Облфилармония. Я ухватился за эту мысль и агитировал нашу бригаду на отъезд, но Богдановский{101} — старик, другие старухи и сам Канкарович не хотели ехать. Администратор Верещагин{102}, этот пес, все обещал меня устроить, но, конечно, ничего не сделал. Он пристал к Александринке{103} и должен был ехать с ними. Хайт{104} тоже пристроился к Ленфильму, и оставили нашу бригаду. В Облфилармонию вместо уехавшего Виленского{105} был назначен новый директор Раскин{106}. <…> Он собрал бригаду и предложил всем ехать, пообещав, что администратора он нам сам подберет. Старики ехать отказались, Канкарович, как всегда, шумел больше всех и все тыкал в меня пальцем, что, мол, отъезд только в моих интересах. Чекулаева{107} тоже вертела, не то она едет, не то нет. Началась волынка. Я попытался устроиться в другую бригаду к Карпенко{108}. Раскин против моего перехода ничего не имел при условии, если меня бригада Яхнеса{109} возьмет, а наша бригада не будет возражать против моего ухода. Я позвонил Карпенко, и он сказал, что думает, что его бригада возьмет меня. Каждый день с утра я торчал в Филармонии и просил Раскина и Яхнеса, составлявших эвакуационные списки, взять меня с собой, но они меня дурачили. Это было до и после моей неудачи уехать с михайловцами. То они мне советовали уехать с отцом, который якобы мог меня взять с собой, то предлагали другие подобные вещи, а я все это принимал за чистую монету. В это время я не терял связи с Шером насчет консерваторского квартета и перезванивался с ним каждое утро. Шер предложил мне устроиться в ТЮЗ{110}, который как будто тоже должен был уехать 25 августа. Я туда раз сходил и встретился с кларнетистом Яковлевым{111} (его я узнал потом). Он мне отрезал, что никакой работы нет. Шер же утверждал, что там нужен скрипач, и, так как я тянул, он туда устроил Ерманка{112}, но нужен еще один скрипач. Я пошел туда, встретил там Ерманка и договорился с Мельниковым (дирижером), что приду 24-го на репетицию (или спектакль). В Облфилармонии я должен был 24-го играть где-то на вокзале, чтоб им устроили вагоны для отъезда, но я пошел в ТЮЗ. Я сидел подручным у Ерманка. Это было немного неприятно. Шер меня все укорял, что я сам виноват, что, если бы я раньше пришел, концертмейстером был бы я. Мне предложили еще прийти и поступить к ним на службу временную. В это время я еще хотел поступить в оперетту{113} к Рубину{114}, с которым имел деловые отношения А. М. Райцын{115}, пианист нашей бригады, и который уже вошел пианистом художественным] муз[ыкальным] руководителем

оперетты. Он туда сватал меня. Мне это казалось очень хорошим делом. Они тоже собирались уезжать, и Рубин уже принял от меня заявление на зачисление в коллектив, но потом стал тянуть. Я решил, что мне ждать нечего, и поступил в ТЮЗ. Я еще встречался с Канкаровичем и тратил время на него. Вдруг он мне позвонил числа 26-[2]7-го августа, что случилось что-то невероятное и чтоб я немедленно пришел. Оказывается, его высылали вместе с другими неблагонадежными из города{116}{117}. Я с ним немного повозился, успокаивал его. У него было 4000 рубл. денег, кой-какой запас продуктов, короче, он мог бы продержаться некоторое время до какого-либо устройства на работу, но этот кретин с ума сходил от ужаса. Я проводил его до конторы речного пароходства{118}, где он должен был встретиться с Раскиным и своим племянником, который должен был помочь Облфилармонии достать баржу для отъезда Раскина с бригадой и Канкаровичем. Больше я его не видел. Как я потом узнал, Филармония так и не уехала{119}, а Канкарович попал в сумасшедший дом. В ноябре я встретил Черемшанову, его соседку, которая мне сообщила, что он на днях должен вернуться из больницы. Я вспомнил, как я ходил с ним по Невскому и он заходил в Росконд и покупал шоколад. <…> Я стал работать в ТЮЗе{120}.

28-го августа приехала Клава. Когда она узнала, что мама забрала пальто, а из вещей в ее чемодане ничего не нашлось, она заплакала от горя. Очевидно, все увезла с собой мама. Она приехала вместе с Сибирскими войсками, шедшими на выручку Ленинграда{121}{122}. Я упрекал ее за то, что она оставила Маичку и приехала сюда. Я писал ей, чтоб она не возвращалась, но она преисполнена веры в нашу скорую победу, а в крайнем случае была уверена, что выберется к Майке. Она начала работать. Город был уже окружен, и выбраться из него было невозможно. Начала сказываться нехватка продуктов{123}. Клава доставала картошку и масло, печенье и др. в своем буфете. Я в это время был совершенно без денег и кормился тем, что мне приносила Нюра из столовой, а она приносила мне котлеты, кашу, так что я был сыт. К этому времени я несколько успокоился, перестал метаться, да и немцы в город не вошли, так что я даже стал приходить в себя и поправляться.

К **1-му** числу я оформился в ТЮЗе, и вскоре меня послали на окопы на Среднюю Рогатку. Копал я один день, на совесть. Шер поднял в театре скандал, что невозможно копать и играть, и это, к моему удивлению, подействовало. Очевидно, не один Шер был

причиной этого, но больше мы не копали. По инициативе Черкасовой{124} мы создали квартет{125} для работы в шефской бригаде ТЮЗа. Ерманок посовестился и предложил мне играть 1-ю скрипку. На следующий день после окопов вдруг понадобился музыкальный номер для большого шефского концерта в одной части, и, так как Шера не было, мне пришлось играть solo. На машине я съездил домой за нотами и, позанимавшись несколько минут до выступления после большого перерыва в занятиях, выступил на эстраде. На концерте был А. А. Брянцев{126} — директор театра. Ему понравилась моя игра. Я проводил его до трамвая, по дороге мы встретили Ременчика, и он рассказал нам подробности вчерашнего обстрела площади Труда{127} из дальнобойных орудий{128}. Попало в будку «Пиво — воды». Разнесло ее в щепы и убило продавщицу. И снарядом повреждена решетка Дворца Союзов{129}. Снаряд попал в крышу здания, в котором мы выступали. Театр давал 3 спектакля в неделю, и получали все 50 % зарплаты. Но я все же работал и имел 250 рубл. в месяц.

8-го сентября была первая бомбежка города. И с этого дня они были почти ежедневно{130}. Я работал в театре и с нашим квартетом, зачисленным в бригаду Черкасовой, очень часто играл в шефских концертах в частях Красной армии. Я работал в театре, в котором актеры хотели эвакуироваться из города. Театр был предназначен к эвакуации, но директор Брянцев все тянул. Правда, и дорога закрылась. Город был окружен, но можно было выехать водой{131}. Я втайне мечтал уехать с театром. В концертах шефских проходило почти все время. Но возвращаться поздно, в тревогу, было не совсем приятно. Мы ездили на аэродромы, в полевые части, расположенные за городом, и всегда нас привозили на машинах в театр, а потом развозили по домам. Очень часто бывали угощения, что было очень кстати в связи с появившейся карточной системой на питание{132}. Ночи я предпочитал быть за городом, где не объявляются тревоги и где нас чуть не разбомбили только один раз{133}, и то, очевидно, летчик вынужден был сбросить свой груз в поле. Остальные же разы проходили вполне благополучно.

19-го сентября была особенно сильная (впервые) бомбардировка{134}. Я стоял тогда под лестницей{135} у себя в доме, и меня трясло при свисте близко падавших бомб.

28-го/IX мы ехали с концерта с аэродрома в 9 час. в тревогу. На[д] головами шныряли лучи прожекторов и рвались снаряды от

зенитных орудий{136}. Страшновато было ехать. Ведь и осколок снаряда — честного, советского, мог угодить в голову — и капут. У нас был еще тип, некий N — кретин с претензиями на хорошую, вольную жизнь, состоявшую, по его мнению, в том, что он ничего не должен делать, бесконечно курить, гадить вокруг себя, много жрать, поучать всех во всем и пользоваться особым почетом. Он мне доставлял много неприятностей своим курением огромных цигарок-факелов в машине, открытой во время нашей ночной езды. Нас мог вполне обстрелять вражеский истребитель.

Я с ним воевал почти безрезультатно. Так проходили дни. В театре было 3 спектакля в неделю, да и спектакли почти всегда нужно было урезывать из-за частых тревог, и дети-зрители видели иногда только 2–3 картины из 7–8-ми{137}. И вот, подъезжая в этот день к городу, мы должны были проехать по Выборгской стороне, мы вдали увидели большие пожары. Кто-то из наших сказал, что это горит завод Сталина{138}. Мы вздумали прорваться через это место, но, подъехав поближе, мимо стали свистеть и рваться совсем близко фугасные бомбы. Вез нас политрук{139}, с которым мы уже встречались в Авиагородке{140}, но теперь они были совсем в другом месте, т. к. немцы их выгнали оттуда. Он сразу же повернул машину обратно. Кунтышев{141} предложил переждать в поле, но Пенюгалов{142} и другие предложили ехать через Охтинский мост{143}. Только мы подъехали [к] мосту, как сверху с шипением упала кассета зажигательных бомб{144} и рассыпалась вокруг нашей машины, ударившись предварительно о ферму моста. Мы соскочили сломя голову и разбежались в разные стороны. Машина тоже отъехала. Через несколько минут туда ахнула фугасная{145}. Перебежав обратно через деревянный мостик, мы стояли в полукольце огромных пожаров. Некоторые товарищи наши потерялись. Вообще кутерьма была порядочная. Я почему-то, как только спрыгнул, полез под машину, но, найдя там дамскую туфлю, оказавшуюся артистки Волковой{146}, побежал и отдал ей ее. Шер, соскакивая, бросил виолончель и сломал ее вдрызг. Мы все растерялись, потеряли машину. И хотя мы нашли машину и час ждали наших потерявшихся людей, вынуждены были уехать без них, т. к. в этой огромной толпе на улице их не найти было, да и трамваи пошли, и они, очевидно, уехали на трамвае. На следующий день только и было в театре разговоров на эту тему{147}.

Октябрь отличился усиленными бомбежками — еженощными и ежевечерними. С наступлением вечера меня начинало трясти, да и не меня одного. Я уходил под лестницу и там стоял и дрожал от холода и страха. Когда я увидел разбитые

дома и разрушенные до основания лестницы, я перестал выходить вниз и оставался дома, выходя только в коридор. Все равно от прямого попадания нет спасения{148}.

13 октября Клава получила возможность уехать с братом (с заводом), которого она случайно встретила. Узнав об этом, я сделал пакет для Муси. Клава меня предупреждала, что нельзя брать много вещей, но я настаивал, чтоб она взяла все. Оказывается, что ей действительно разрешили взять только 35 кг. {149} И остальные вещи пропали. На другой день ее отъезда разбомбили дом родных, где она жила.

16-го октября, приехав домой, я обнаружил повестку в военкомат, присланную 15-го с явкой на 16-е. 16-го пошел в ТЮЗ и взял справку, что ночь ночевал в части из-за концерта. К ней я приложил справку дома ДКА{150}, на которую я возлагал большие надежды и столь долго ждал, пока получил ее. Но меня назначили в часть, с явкой 17-го в 10 час. утра. Я побежал в театр брать расчет, но у меня отобрали предписание (Кильпио{151}) и велели наведаться в 6 час. Я побежал домой и продал костюм и пальто за 1300 руб., недавно выкупленные в ломбарде, и, прибежав в театр, в 4 часа уехал на концерт. Мы там ночевали. Я очень нервничал. Меня освободили{152}, и все смеялись надо мной, узнав, что я продал столь ценные теперь вещи в октябре. Мы из-за погоды или других причин отдыхали от бомб неделю{153}.

В первых числах ноября нас как будто щадили, но с 4-го числа нас начали мучить артиллерийскими обстрелами (раньше обстреливали окраины и заводы, а теперь центр города){154} и частыми бесконечными налетами.

7-го все-таки не налетали{155}, хотя очень обстреливали. У нас уже вырабатывалось какое-то безразличное отношение к тревоге: убьет — убьет{156}. Никто не был уверен, что доживет до завтра, и я считал количество выжитых военных дней. Мы думали, что после праздников нам дадут отдохнуть немного, но не тут-то было. В какой-то из дней в середине месяца были в Усть-Ижоре{157}. Когда мы слезли с поезда, попали под минный обстрел, но, к счастью, они не рвались близко, и политрук нас повел кружной дорогой. Было страшновато. Я впервые услышал вой мин. Самолеты налетали на город, и в небе рвались сотни снарядов. Над нашими головами пролетали тяжелые снаряды. Сплошной свист и треск в небе. Впервые я услышал полет снарядов на концерте в яхт-клубе. Это наши стреляли с взморья.

Хороша жизнь! Нечего сказать! Конечно, в 1000 раз лучше умереть, но, как ни бесконечно тянется этот ужас, знаешь, что он должен рано или поздно кончиться, и жить будет так легко и хорошо, и хочется пережить. Пережить такую войну! Шуточки сказать, я, как никто, знаю, как это трудно, но что же говорить тем, что на фронте, если я буду скулить? Страшное время! Сколько крови и страданий. За что? За тупость человеческую. Вечную, огромную, бесконечную. За жадность, за подлость — неискоренимые черты человека. Я пережил Ноябрьские праздники, которые, был уверен, что не переживу.

Вторая тетрадь

…ноября.[12] В то время, как мы играли на Маклина{158}, в 6–7 час. вечера во время воздушного налета была разбомблена вся Моховая. В госпитале — глазной лечебнице{159} напротив ТЮЗа — лежала неразорвавшаяся бомба, и спектакли из-за этого были отменены на целый месяц. На этот концерт мы прибыли через 10 минут, как прекратилась тревога в связи с артиллерийским обстрелом района. Во время тревоги мы играли концерт во втором этаже паршивого здания новой постройки для бойцов, прибывших с полуострова Ханко{160}{161}. В широком коридоре сидело около 500 человек отборных войск. Это мероприятие, конечно, было преступлением{162}. Я возмущался, но никто не разделял моей тревоги и считали меня трусом. Когда ехали домой, договорился с Черкасовой ехать ночевать в убежище Александринки{163}, но у Никольского передумал и поехал домой. Страшновато ехать через площадь Труда, часто подвергающуюся обстрелу, но проехал благополучно и выгадал. Нюра истопила печь, и ночь была спокойная. А Черкасова мучилась на скамейке в сыром и холодном подвале Александринки. Перед праздниками была облачная с осадками погода, и налетов не было целую неделю. Мы ждали, что за все это нам оплатится в праздники. Так оно и было, но все же 7-го его{164} не пустили к городу, были только обстрелы{165}.

Ноябрь.

Играл в первой половине месяца у героев Ханко в к[ино]т[еатре] «Гигант»{166}. В зале было около 3 тысяч народа. Наш часовой, поставленный в артистической, имел исключительно тупую физиономию. В конце концерта он оживился, когда с ним заговорили. Черкасова заявила ему, что, так как он не слышал нашего концерта, следующий будет посвящен ему. Оказывается, он не имел права с нами разговаривать, и это, очевидно, тоже влияло на вид его физиономии. Но все-таки она была очень тупой.

25 ноября.

Голод{167}. Вчера был концерт назначен в госпитале. Начало 2 ч. 30 мин. Но с 1 ч. 45 м. началась тревога и кончилась около 5-ти часов. После тревоги я решил все-таки поехать. Сразу оделся и вышел. Шел я по стенке, боясь снарядов, но, подойдя к 3-й линии, над головой просвистел снаряд и ударил где-то близко на Первой линии. Я скорей полез в ворота под арку. Пропустил один 42-й

трамвай. Но люди ехали и шли как ни в чем не бывало{168}. Решился и я поехать. Ездил смутный, с тревогой в душе, но благополучно туда и, узнав, что концерта не будет, обратно.

23/XI играл на Васильевском в госпитале, выступал герой Советского Союза. Действительно, замечательный вояка. Во время его выступления опять шел обстрел, и снаряды падали где-то близко на Среднем проспекте. После концерта я провожал Шифмана к остановке, но на 1-й линии упал снаряд. Я отпустил его одного, а сам пошел домой, предложив ему пойти ко мне.

22/XI.

Пасмурный день. Все же был воздушный налет. В 4 часа должен был ехать на концерт на Выборгскую сторону. Ждал Шифмана, пока он пообедает в Доме Красной армии{169}. Вышли мы в 4.15, сели на 25-й номер и проехали одну остановку. Подъехав к Литейному мосту, вагон остановился. Немцы обстреливали Финляндский вокзал. Над нами свистели снаряды. Люди стали выбираться из трамвая и побежали искать убежища, но такового вблизи не оказалось. Я побежал, понукая все время Лазаря. Под аркой в доме Дуси Финской{170} мы хотели отстояться, но пошли в Дом Красной армии. Там встретили Черкасову. Она тоже ехала на концерт, но с моста вернулась обратно. Мы подождали полчаса и, видя, что трамваи не идут в ту сторону, решили пойти по домам. 22-го был особенно сильный обстрел — это они отмечали начало 6-го месяца войны.

25/XI в 9 часов поехал в театр на репетицию квартета. Я приехал первый, затем пришли Лазарь и Ерманок. Шер не явился. Я и Лазарь очень злились. Ерманок опять приставал со своим отъездом с Рубинштейном{171}. Шифман наотрез отказался, я тоже. Мы с Шифманом репетировали «Пассакалию» Генделя. Через час пришел Шер. У него «жена заболела» — ну ладно! Поиграли до 12-ти час. и пошли обедать в ЦДК. Шер меня все время уговаривал ехать. Когда я шел обратно в театр, навстречу мне 2 женщины везли труп, завернутый в тряпки, на санках{172}. У изголовья лежала подушка, и затвердевшие ноги далеко выдавались из санок. Мне стало очень неприятно{173}. В театре увидел Горлова{174}. Старик явно распух от голода. Михайлов{175} тоже еле ходит. Тревога: с 12-ти до 12.30, с 1.30 до 1.45. За этот короткий промежуток успел только зайти к Любе. Дома был Буся. Еще во дворе меня захватила третья тревога. Я сидел и дремал, изредка отвечая на Бусины вопросы. Пришел Сонин жилец. Поговорили. В 5 час. кончилась тревога. Я зашел в театр узнать,

получила ли мне Черкасова шоколад{176}{177}. Она получила, но уже ушла. Я пошел домой. Трамваи настолько переполнены, что даже без инструмента я сесть не мог. Пошел пешком и по дороге зашел в Филармонию узнать в библиотеке насчет «Эгмонта»{178}. Библиотека была уже закрыта. Дойдя до Дома книги{179}, сел в четверку и поехал — благополучно — домой.

26-е.

С утра к 8 часам пошел в баню{180}. Приятно было вымыться. Народу мало, вода горячая. К 10-ти поехал в театр на репетицию квартета. Лазарь опять должен идти в военкомат, и репетиция не состоялась. Был Рубинштейн. Лазарь и я опять отказались от его предложения. Ерманок настойчиво уговаривал и запугивал. Он невыносим, как всегда, со своими неизвестно откуда полученными последними известиями, что верхушка театра уедет, а нас оставят на произвол судьбы. С 12-ти часов тревога. До нее успел съездить в библиотеку Филармонии. Сижу в ТЮЗе в «убежище». Слышал и даже как будто принимал участие в разговоре А. А. Брянцева с Охитиной{181} о возможностях выбраться из Ленинграда. Максимум можно вывезти на самолетах 20–30 чел., остальные должны идти пешком{182}. Страшно. Значит, дела действительно плохи, если даже Брянцев собирается покинуть город. Кончилась тревога в 4 часа. Прибежала Черкасова и повела нас на концерт в Европейскую гостиницу{183}. Как не хотелось идти играть. Я был ужасно голоден, хотя утром завтракал и перед тревогой взял у Черкасовой полученную ими (вместе с Идой) для меня плитку шоколада, от которой отламывал по кусочку и ублаготворял себя. Пришли в Европейскую. Лазарь нервничал, хотя вел себя очень сдержанно, он был потрясен разговорами об отъезде-уходе и тем, что не мог с утра попасть в военкомат. Теперь он туда опаздывал из-за никчемного концерта. Проходя к гостинице, мы увидели новую воронку в Михайловском саду, очевидно, опять метили в Европейскую. Через несколько минут по нашем приходе была объявлена вторая тревога. Мы пошли в убежище в тяжелом, неприятном состоянии. Было тесно, и я не мог себе найти места. Стояли час с лишним. У меня что-то болело в левой нижней части живота. Когда тревога кончилась, Черкасова опять стала выяснять о возможности концерта. Но света не было. Лазарь до второй тревоги все же побежал в военкомат, но не знаю, поспел ли. В 7 час. наконец выяснили, что концерта не будет. Пошел с Хряковым{184} домой, перед тем умолив девушек, идущих в ТЮЗ, взять с собой Шифмана альт{185}. У штаба сели на [семе]рку, которая по объявлению кондуктора шла через Дворцовый мост,

но она повернула к площади Труда. Еду, дрожу. На площади затор. Через некоторое время выбрались из вагона и пошли, по пути влезли в 35-й. Меня окликнул Курлянд{186}. Мы соскочили на набережной и пошли к Большому. На углу Большого и 8-й линии стояли и разговаривали. Чувствовалось, что Виктор не прочь ко мне зайти, но мне не хотелось его приглашать, т. к. я хотел есть, а угостить его было нечем. Расстались довольно холодно, по моей вине, а я бы очень хотел, чтоб он пришел.

27-е.

С уходом Нюры переложил чемодан. В 11 час. 25 мин. поехал в театр. Боюсь артиллерийского обстрела уже давно, вот и теперь еду и дрожу. Подъехав к Гостиному двору, услышали близко разрывы снарядов. Меня, собиравшегося выходить, буквально вывалили из вагона. Я чуть не выпал. Сразу же побежал за колонны. Не прошло и минуты, как на углу Гостиного (у Садовой) ударил снаряд. Крики, вопли. Пошел искать среди магазинов убежище (по Садовой линии){187}. В четвертом магазине наконец пустили в подвал. Скоро у дежурных там стали требовать оказать помощь пострадавшим. Санзвено{188} не очень торопилось, и публика возмущалась. Взяли также 2 кровати. Сижу в подвале. Тепло, светло, но радио не действует, и потому нервничаю. Может быть, уже можно выходить? Спрашиваю приходящих с улицы — говорят, объявлена тревога. Женщина плакала, на нее некоторые набросились, но кто-то объяснил, что это она от радости, что нашелся ее потерявшийся в суматохе мальчик. Через полтора или час наконец дали отбой. Но только я вышел из магазина, как завыла воздушная тревога. Не успел я дойти до предполагаемого мной выхода на переулок, чтоб пройти к Александринке и там в Союз композиторов, где мне причиталось получить 75 руб. за исполнение «Элегии» Хейфа{189}, но выход действительно оказался [закрыт] (промежутки меж колоннами заколочены досками-ящиками, по-моему, без песку, которым они должны быть засыпаны). Я со страхом и опаской бросился бежать к Александринке и, все время взглядывая на небо, добрался туда. В помещении мне стало легче. Я забрался в отсек подземелья направо от входа. Напротив меня сел субъект, очень разговорчивый, а говорить сейчас, вернее, слушать идиотские рассуждения о происходящем вообще не хочется, тем более в моем возбужденном состоянии. Он пристал к сидевшему рядом со мной рабочему, а я пытался дремать. Как потом я узнал, он — «артист» Дунаев{190} — один из <…> сотрудников знаменитой Облфилармонии во «времена Раскина». Тревога длилась бесконечно долго и кончилась в 6 часов. Выбравшись из театра, я

бегом направился в Союз композиторов], надеясь там еще застать бухгалтера. Со мной туда входил некий Запольский{191}. Дверь была заперта, и на его стук и название фамилии открыла женщина. Она мне заявила, что в Союзе никого нет. На мою просьбу разрешить мне позвонить в театр она сначала передала меня Запольскому, чтоб я звонил в его половине, но этот Запольский сам вздумал уйти обратно, и она меня выпроводила вместе с ним, не дав мне позвонить. Оттуда я опять-таки бегом отправился домой. Пешком я добежал до Фондовой биржи{192} — Академии наук{193} и там сел на одну из 4-к, к счастью шедших одна за другой. Домой я добрался совершенно мокрый и все же не пошел звонить в театр из жакта дома № 4, на что я имел определенные намерения. Пришла Нюра, и мы ужинали. Какой ужасный и совершенно бесплодный день, ведь у нас опять должен был быть в 4 часа концерт на Нижегородской, 1, в районе Финляндского вокзала.

28-е.

С утра, к 10-ти часам, поехал на репетицию в театр, предварительно позвонив в театр, впускают ли туда. Меня больше интересовало, стоит ли он еще{194}. Настроение ужасное… Немало повлиял на меня и Ерманок с его разговорами о возможной сдаче города из-за голода{195}. Страшно было опять попасть под обстрел. Сел на 4-ку и благополучно приехал. Приехал первым, потом Шифман и Ерманок. Шер совсем не пришел. Разбудив Мельникова М. М., около 10.30 наконец попали в нашу комнату и поиграли «Пассакалию». Без четверти 12 пошли обедать в ДКА. По дороге туда началась тревога. Как только завыло, я бросился бежать вместе с остальным народом, бывшим на улицах. Добежали до ДКА. Я первый и Шифман за мной. Разделись и пошли обедать. После обеда сидели внизу в раздевалке. Слышали, как 3 раза сбрасывали бомбы по 3 штуки. Один раз они приближались к нам, одна дальше, другая ближе и еще ближе. Все сидевшие невольно втянули головы, четвертая, казалось, ударит по нам, но больше не было ударов. Разговорился с капитаном — симпатичным человеком. Он, видно, томился непривычным для него положением и очень долгой тревогой. Она кончилась около 6-ти часов. Оттуда пошел в театр, куда еще раньше ушел Шифман за компанию с Тейхом{196}, Идой и др. Там встретил Макарьева. Я рассказал ему, что был в Филармонии и справлялся о его заказе на партитуру и текст «Эгмонта». У него был «Эгмонт» Гете, но в плохом переводе. Я нашел ему, что читать из текста, который в этом переводе требовал переработки. Затем читал газету и смотрел карту, стараясь определить, где

находятся наши войска{197}. Не хотелось уходить из театра. Пока я там сидел, наше здание пару раз содрогнулось от взрывов. Это взрывались бомбы замедленного действия{198}. Эта неделя была невыносимо тяжелой, враг совершенно не давал жить городу воздушными тревогами с 12-ти до 6–7 час. и артиллерийскими обстрелами, а хвосты длиннющие стояли у магазинов — к сожалению, пустых — с раннего утра, с 5–6-ти час. до 9-ти вечера, до закрытия их{199}. Зашла на днях ко мне Софья Сергеевна{200} попросить ключ от парадной двери, который, как она говорила, открывал и ее дверь, и рассказала, как она хоронила своего родственника. Они 2 раза подверглись обстрелу: один раз на кладбище, где они оставили покойника полузарытым и ушли, и 2-й раз, самый ужасный, у Московского вокзала, где было очень много жертв. Там один из снарядов попал в переполненный людьми трамвай и превратил все в кашу. Ужасные дни. Теперь, как никогда, тяжело и совершенно не верится, что эту страшную войну можно пережить. Повертевшись в раздевалке театра, я все же решил пойти к Любе и вышел вместе с Сашей Германом{201}, который пошел в ДКА, где давали по 6 конфеток без карточек. У Любы в комнате совершенный свинюшник. Они с Буськой стали при мне убираться, ругая друг друга: она его идиотом, он ее идиоткой. Какая ужасная семья. От Соломона было письмо, полное наставлений, советов, как жить на белом свете, но все это впустую. Избалованный, нахальный сынок не много будет помогать <…> матери. Помоги им Бог, чтоб вернулся их муж и отец, не то они погибли даже при хорошем исходе войны и спасении Ленинграда и спасения в Ленинграде. Я достал 2 открытки и начал одну писать, оставив место для них. Спать лег в грязной кровати, но все же лучше, чем на стульях в уборной ТЮЗа. Ругались с Бусей, которого не оторвать было от книги. Наконец и он лег спать после моей ему нотации. Я разнервничался и довольно долго не мог заснуть. Хорошо, что я не раздевался, ночью было холодно{202}.

29-е ноября.

Встал в половине 9-го, воображая, что сейчас еще нет 6-ти часов. Но когда узнал, скорее встал. Я мечтал позаниматься утром, но теперь уже ничего не выходило. Я ушел. Бросил открытку в ящик на Гагаринской. Хотел купить свой скудный паек хлеба (125 гр. в сутки), но большие очереди отпугнули меня, и я пошел в театр. Шифман уже был там. Это замечательный человек. Его называют «дежурным оптимистом», хотя, честно говоря, его положение хуже других: у него отобран военный билет и он назначен в рабочий отряд{203}, его сын работает на военном

заводе на окраине города, откуда он возвращается домой во время бомбежек и обстрела, и он все-таки ходит бодрый, работоспособный и доволен, когда может подбодрить других. Он честный и порядочный и умный человек, как хорошо, что я с ним встретился. Ерманок опоздал. Мы начали играть в 10.30. В 11 завыли сирены. Я сразу стал складывать скрипку при явном возмущении Шифмана и даже Шера, разыгравшегося вовсю на «Скерцо» Бородина. Но я не смотрел на них и, сложившись, оделся и спустился вниз. Минут через 20 тревога кончилась. Я побежал наверх продолжать игру. Но они уже собрались идти в Дом К[расной] А[рмии] обедать. Как только вошли, опять завыли тревогу. Я поел первым и спустился вниз. Сел на ступени, захотелось спать. Раньше в тревогу меня страшно клонило ко сну, теперь меньше, но все же в это противное, бездельное время тянет поспать. Я чувствовал, что сегодня тревога будет длиться меньше обычного, и действительно, она кончилась в 2 часа. Правда, и за это время он где-то пару раз сбросил бомбы недалеко. Погода мокрая, оттепель. Говорят, что лучше бы мороз, чтоб немцы примерзли, но им, очевидно, пока везет. Пошли сразу к Лазарю играть «Пассакалию». Я поиграл сначала сам немного, потом мы играли вместе до 4 ч. 45 мин. Поехал домой. Проехал на 5-ке благополучно. Дома мои котлеты были в порядке. Я поел их с сухарями. Спасибо Нюре. Потом посидел у Купцовых{204}. Пил у них «кофе»-чай, вместо чая завар из кофе. Очень вкусно. Пришла Нюра и принесла капусты. Опять поел капустки. Пока мне везет. Сегодня у меня спокойный день.

30-е ноября.

В этот день я собирался быть дома и никуда не ходить. Мои обеденные талоны кончились, и я мечтаю о том, как Нюра мне сварит кашу из оставшегося от Финской кампании{205} испортившегося пшена. У нас его было пол стеклянной банки, и она уже раз сварила, теперь осталось еще на раз. В 10 ч. 30 меня разбудил стук в дверь. Это был почтальон, принесший мне письмо от Муси. Заодно взял газету за 29-е. Прочел письмо. Жаль мне их, но мне все же гораздо хуже. В газете ужасная заметка — корреспонденция с Ленинградского фронта. Я не думал, что мы в таком ужасном положении{206}. И потом радостное сообщение о взятии нашими войсками Ростова{207}, после того что о взятии его немцами не сообщалось, а, наоборот, говорили о невероятных успехах на том фронте. Я ничего не понимаю. Я только чувствую, что петля все туже затягивается. Лежал целый день и хандрил, только раз вышел позвонить в театр и бросить на почте открытку Мусе. Нюра пришла в 8 ч. Тревога воздушная длилась целый день

до 12-ти ночи с 11-ти утра с несколькими минутными перерывами. Холодно. Я замерзаю, но топить во время тревоги не хочется. Часов в 7 вечера я все-таки наколол щепок, положил в печку дров и стал ждать «нетревожной» передышки. Она скоро состоялась, и я зажег дрова. Нюра чего-то опаздывала, хотя вчера обещала прийти пораньше. Дрова выгорали, и надо было ставить кашу. Пошел к Купцовым узнавать, как это делается. Сделал, конечно, неважно. Скоро пришла Нюра и переделала. Нюра пришла в хорошем настроении, но у меня зато оно было очень плохое, и я сидел насупившись и почти не отвечал на ее болтовню. К 12-ти ночи кончилась тревога, когда я в коридоре кончал курить. [За]то [по]сле того, что я прилично поел, настроение чуть-чуть поднялось, т. е. мне легче стало умирать.

1-е декабря 1941.

С 9-ти час. возд[ушная] тревога. К 10 ч. 30 м. приехал в театр. Ерманок и Шифман были там. Ерманок злорадно заявил мне, что он был прав. Что ТЮЗ улетает, а нас не берут. Я и Шифман не верили Ерманку, хотя по атмосфере и отдельным разговорам видно было, что он прав и знает все. На собрании труппы мы это услышали от самого Брянцева. Я был убит. Шифман тоже. После собрания мы совещались квартетом, и Ерманок возложил большие надежды на Рубинштейна. Я же тому не верил. Т. к. помочь нам мог только Б[рянцев], а он, очевидно, не смог этого сделать. Тем более не мог сделать этого Рубинштейн. Итак, ТЮЗ кончился для меня. Ужасный день! Я чувствую, как злой рок преследует меня. Странно, что эти 5 с лишним месяцев я удержался, а дальше становится все труднее. Одно чудо, когда Б[рянцев] вытащил меня из огня, свершилось. Что будет дальше? Ждать новых чудес? Я сегодня домой не поехал, остался в Александринке в подвале. Днем пошел в Союз композиторов за деньгами. Кассир ушел. Звонил Потаповой{208}, чтоб узнать о Клаве, но ничего не добился. Обстрел района. На крыше здания, где я находился, разорвался снаряд. Я перебежками добрался до театра. Начались тревоги. Около 5-ти часов упала бомба совсем рядом с театром на площади. Тряхнуло изрядно. Не спится. 3 часа ночи. Дежурная дала мне почитать книги. Читал «Праздник в Коквилле» Золя и «Барыню» Чехова. Днем в ДКА получил обеденную карточку и отпросил свои 50 руб. у Черкасовой. Итак, я сегодня ушел благополучно и от снарядов, и от бомбы.

2-е декабря.

Всю ночь не спал. Ходил наверх курить. Страшно холодно. Наверху сидели актеры (Стрешнева{209} и др.) и разговаривали.

Попытался и я вступить в разговор, чтоб рассеяться, но меня быстро отправили обратно вниз. До 6 ч. 30 сидел в подвале, откуда в это время выгоняют. До 7 ч. 45 сидел в коридоре, у проходной, потом у самой выходной двери и, наконец, в 8 ч. 15 пошел в Союз композиторов. Мне там вчера сказала женщина, что кассир приходит к 8 ч. 30 м. Был бухгалтер, который сказал, что мой ордер у кассира, и ушел. Когда пришел кассир, то оказалось, что ордера у ушедшего бухгалтера. Проклятье! Я нарочно пришел пораньше, чтоб уйти отсюда до обстрелов и тревог, и вдруг нате! Ждал до 10-ти час. Приходил также Ананян{210} за деньгами. Наконец, получив деньги, ушли. Ананян слишком медленно, а я убежал. По дороге встретил Лыжина{211}. Оперный театр дал 3 спектакля и затих{212}{213}. В театре Ерманок. Шифмана нет. Ерманок расстроен после посещения ими (он, Рубинштейн] и Лазарь) Ямщикова{214}. Дела наши неважны. Неужели мы отсюда не вырвемся, а похоже на то. Да и вырваться нужно только к Брянцеву, и с его ходатайством, иначе это бессмысленно. Нехорошо, что я сказал Ананяну об отъезде театра и что я свободен. Не дождавшись Лазаря в ТЮЗе, в 12.30 ушел в Дом Красной армии. Перед этим говорил с Брянцев[ым], который обещал все-таки сделать 2-ю очередь отъезда. В ДКА встретил Шифмана. У него заболела жена. Он не верит, что Б[рянцев] что-нибудь нам сделает. Очевидно, он не может. Рубинштейн — сплошной блеф, и нужно поскорее устраиваться. Пошел на Радио. Но надо было ждать Прессера{215}, и я ушел домой. Потом звонил туда, но тоже ничего не добился. В начале 3-его был дома. Скоро началась тревога, длившаяся до 6-ти часов. Пришла Нюра, расстроенная, а я рассказал ей еще о себе. Пока, несмотря на окружающий нас голод, я сыт. Спать лег рано. Дома все-таки успокаиваешься.

3-е декабря.

Встал рано в 6 час. К 9-ти часам был на Радио. Долго не мог дозвониться Прессеру. У них была репетиция для детской передачи с 8-ми час.{216} К 10.30 начали собираться оркестранты. Пришел Кончус{217} — трубач в 10 час. Я попросил его вызвать Прессера и Лейбенкрафта. Вышел Лейбенкрафт. Мы с ним поговорили. Пришел и Павлуша Орехов. Я очень ему обрадовался. Наконец вышел и Прессер. Я его не узнал сразу. Он мне предложил хоть сейчас пойти репетировать{218}. Я побежал в ТЮЗ, взял казенную скрипку и пришел благополучно обратно на Радио в 10 ч. 40 мин. Репетирую заместителем на 3-ем пульте Чайковского увертюру «1812 год» и 5-ю Бетховена. В 12 час. тревога до 1 ч. 15. После тревоги предложили всем идти обедать.

Я тоже сунулся в столовую, но зря я старался, у меня ведь нет прикрепительной карточки{219}. И я ушел несолоно хлебавши. Очень хотелось отпроситься обедать в ДКА. Но нельзя разговаривать в первый же раз. В начале третьего репетиция продолжалась и кончилась около четырех. Я побежал в ТЮЗ и отнес скрипку. Видел мельком А. А., но не хотел с ним встречаться. Из ТЮЗа побежал в ДКА, по дороге встретил Шифмана. Он шел в ТЮЗ говорить с Брянцевым. У самого ДКА встретил Дусю с дочерью. Говорить было не о чем. Хорошо я сделал, что пообедал в ДКА, т. к. Нюра ничего не сварила, но по дороге домой чуть не попал под бомбы. Подъехав на 5-ке через мост, объявлена была тревога, но пассажиры кричали, что ничего подобного. Мы спорили с вожатым, но все-таки, т. к. трамвай дальше не пошел, я вылез и пошел{220}. Была луна. Вдруг услышал знакомый неприятный шум немецкого бомбардировщика. Вдруг он стал снижаться. Я скорей побежал под первый попавшийся портик и, услышав, как падают бомбы, лег за колонны. Одна, другая все ближе, 3-я. Я уже хотел встать, как ахнула 4-я и уже совсем близко 5-я. Это для меня новость: обычно они сбрасывали по 3 штуки. Очухавшись, я встал и подождал немного. Я бросился дальше, когда убедился, что птица удалилась. Домой я прибежал мокрый{221}. Здесь все были в коридоре. Очевидно, бомбы падали в воду и дом сильно качнуло. Нюры не было, и шторы были опущены на окнах. Я забеспокоился. Неужели с ней что-нибудь случилось? Зашел к Купцовым, экономя свечку. Света не было. И все прислушивался, не придет ли Нюра. У меня было приличное настроение и состояние, несмотря на неприятный случай. Очевидно, мне суждено остаться здесь и разделить судьбу города, но все же я пока не безработный, и это уже ничего, но Нюра мне необходима. Наконец она пришла. Я ушел проверить дверь от ругавшегося на наши злополучные «победы» Купцова и обрадовался, увидя ее. Сейчас же сообщил ей приятную весть о работе. Лазарь тоже обрадовался, когда я ему сказал, что я устроился на Радио. Теперь он волнуется и хочет уехать. Что ж, пусть хлопочет. Я с ним не буду терять связи. Нюрка затопила печку. Согрела кофе и сварила суп. А вообще… неважно. Пока мне везло. Сегодня на Радио пришел Кац из ансамбля Краснознаменного] Б [алтайского] Флота. Их расформировывают и переводят в части. Как хорошо, что я тогда туда не поступил. А ведь если б не благодарное отношение к Брянцеву, я бы это сделал.

4-е декабря.

Дозвонился к Потаповой и узнал, что Клава проехала

благополучно. Хотел выпить чай в столовой, но нужно иметь свой стакан. Сахар я ношу с собой. Утром репетиция на Радио. Прессер выдал мне прикрепительную карточку к столовой. Около 2-х часов обедал здесь. Тесно и грязно. В столовой нет стаканов, не хватает ложек, нет соли на столах{222}. Из Дома радио пошел к Шифману. Его не было дома. Жена его очень беспокоилась оттого, что он ушел давно и до сих пор не приходил. Уже 3 часа дня. Через некоторое время пришел Лазарь. Он был в Комитете{223}. Рачинский ему ответил, что Комитет не занимается эвакуацией. В то, что Брянцев поможет, он теперь не верит. Они меня угостили киселем и чаем. Очень кстати. Приятно и вкусно. Это его жена использовала всякие сиропы и лекарства, взятые в аптеке, где она работает. Я торопился домой. Сегодня с утра стреляли по городу. Я, выйдя в девятом часу утра из дома, выжидал, когда утихнет немного. Проехал благополучно, но, когда зашел на Радио, где-то недалеко ударил снаряд. Наши теперь не стреляют из города, очевидно, нет снарядов. Шифманы меня удерживали, чтоб я посидел у них немного, но я уже уходил, когда завыли тревогу. Тут уж я сел пить чай. Потом, несмотря на сильное желание зайти к Любе, поехал все-таки домой. До Шифмана был в ТЮЗе. Зарплату не давали, и уезжают они как будто не завтра. Там все взвешивают вещи на весах, готовясь к отъезду. Сегодня день прожил, но боюсь почему-то 5-го числа. В 5.30 тревога, в 9 ч. вечера еще и, наконец, ночью с ½ 1-го до 2-х.

5-е декабря.

Ночью стрельба по городу уже целыми батареями{224}. Снаряды разрываются где-то близко. Ночь, как я уже отмечал, неспокойная. В ночную тревогу я встал и оделся. В коридоре встретил Купцова. Старик совсем болен, но не хочет умирать и боится тревог, выходя на это время в коридор. Спал мало. Проснувшись вместе с Нюрой в начале шестого, больше не мог уснуть. Поел холодного супа и до 9-ти был уже на Радио. Мне не хотела вахтерша выписывать пропуск так рано, но я ее убедил, что это я от большого рвения к работе. В 10 час. репетиция. Около 2-х кончили. Хотел пойти обедать, но, оказывается, у меня уже талоны кончились. Решил поехать домой. Благополучно прибыв домой, поел капусты с прогорклым льняным маслом. Голова болит, и я прилег на диван. Скоро пришла Нюра. Принесла капусты. Затопили печь и подогрели суп. Света у нас нет уже несколько дней{225}. Свечи кончились, есть несколько елочных, но они очень быстро сгорают. Устроили с Нюрой светильник, налив в бутылочку льняного масла и продев через проволоку ватный фитиль{226}. Ничего, горит{227}. С 5.30 до 8-ми тревога, в 9 часов

легли спать.

6-е декабря.

С 10-ти часов репетиция на Радио. Репетировали программу передачи для Швеции: «Норвежская рапсодия», и «Парижский карнавал» Свендсена, и 5-ю симфонию Бетховена, и торжественную увертюру «1812 год»{228} Чайковского. Из-за неразберихи репетиция началась в 12 час, в 2 кончили. Пошел в ТЮЗ. Видел Кильпио и сказал ему о моем разговоре с Ореховым, в котором он мне предложил эвакуироваться с эшелоном Комендантского управления. Кильпио велел мне принести справку об эвакуации, но управдел заявила, что я могу ехать только с коллективом. Пошел к Шифману. Он расстроен, и теперь, в противоположность обычному, я его успокаивал. Все же разговор о 2-й очереди отъезда как будто налаживается. Брянцев дал ему телефон Паюсовой{229}, и квартет Ауэра как будто можно будет вывезти. Оттуда пошел в ДКА обедать. Талоны не годятся. Съел один суп. Видел Шера, который, увидев меня, сразу же заявил, что потерял карточки, чтоб не отдавать взятых у меня в долг талонов. Зандберг сказала мне, чтоб я пошел в бухгалтерию ДКА получить за 3 дня, и действительно получил 37 руб. Встретил Шифмана М. Б., которого просил поговорить обо мне с Брянцевым по поводу ореховского предложения. Эта сволочь мне говорила: «Да, да. А. А. все сделает, скажите ему только сами». Я побежал в ТЮЗ и дождался Брянцева, но, сказав ему, имел глупый вид. Я могу выехать только с коллективом, с квартетом и несколькими другими работниками театра. Из ТЮЗа пошел на Радио к 5-ти часам, хотя передача в 8 ч. 30. Мне не хотели выписывать так рано пропуска, но с помощью Прессера прошел. Во втором этаже читал газету, купленную в ДКА. Речь Черчилля — ужасная речь. Неужели война еще на 2 года?{230} Где-то близко разорвалось несколько снарядов. Говорил внизу со стариком-альтистом и начальником духового оркестра. Наконец передача. Жаль, я не получил повидло, которое сегодня давали по 200 гр. на прикрепительные талоны. Тромбонист опоздал, и мы играли только «Парижский карнавал». В начале 10-го вечера пошел домой пешком, т. к. трамваи не шли{231}. Прибежал мокрый, догнав в пути Кончуса, Липина{232} и Чудненко{233}, вышедших до меня минут за 15. Нюра еще не спала, и я поел горячих щей, очень вкусных, с ее хлебом. Тревог не было.

7-е декабря.

Встал в 9-м часу. Пошел получать конфеты на рынке, где я вчера прикрепил карточки. Взял постного сахару{234} вместо

обещанных шоколадных конфет. Оттуда в ТЮЗ, куда я вчера договорился прийти с Лазарем и Моней по телефону после того, как я видел Алексеева[235], у которого я вытянул, что он имеет виды на Рубинштейна. <…> В ТЮЗе застал всю компанию. 2-я очередь на мази. Театр уезжает 9-го или 11-го вместо намеченного срока — 5-го. Пока толкает наше дело Брянцев, а с его отъездом эти функции возьмут на себя Шифман и Ерманок при поддержке остающегося Ал. Липатьевича[236]. Был у Любы, которой рассказал об эвакуации семей Ком. управления]. Надо взять и Соню. Она меня угостила «мамалыгой» — чуть прокипяченой кукурузной мукой и чашкой густой вишневки. Они в нее всыпали много горелого сахара, который Соломон принес после знаменитого пожара Бадаевских складов[237][238]. Я был страшно голоден, и немного легче стало после этой еды, приготовленной бы другой хозяйкой, то, конечно бы, гораздо более вкусной. Около 2-х часов пришел в Филармонию. Играли концерт — 5-ю Бетховена и «1812 год» — в пальто. Публика сидела в пальто и ежилась от холода. Сегодня ужасный мороз 22–25[239]. К 5-ти приехал домой. Сижу у Купцовых и при свете лампы пишу. Орехов мне обещал за кое-какую мзду устроить Любу и Соню[240]. Идет уже час страшный, небывалый обстрел, прямо залпами. Ужасно. Жутко. Разрывы были совсем рядом, очевидно, тяжелые снаряды. Вчера вечером получил письма от Муси и папы. Они жалуются, но, откровенно говоря, мне не до них. Я предупреждал Мусю, чтоб она на меня не надеялась, а она все глупит. Противно. У нас уже неделя как нету света. Теперь и я хожу голодный. Как ужасно, когда подумаешь о нашей норме питания: 125 гр. хлеба в день, 4 раза в декаду полный обед — 1-е и 2-е и один раз только суп. Значит, 5 дней питайся только этими 125 гр. хлеба да соси свои 350 гр. конфет. От Купцовых вышел около 7-ми час. Страшны разрывы снарядов, от которых дребезжат стекла, а иной раз и дом дрожит. Стою в коридоре в пальто. Страшно холодно. Сегодня ведь большой мороз. Все время думаю о Нюре. Неужели она погибла? Иначе почему ее нет так поздно? Мимо меня все шмыгает со свечой старуха от Протопоповой да соседка Желтова. У меня ужасно трясутся ноги от страха и холода. Делюсь с Желтовой о неприходе Нюры. Она хоть сделала заинтересованный вид, другие — Купцовы и старуха — отнеслись к этому совершенно безразлично. Вошел в комнату. Уже 9 час. Канонада постепенно утихала, и теперь изредка один снаряд где-то близко ухнет. Только успеешь вздрогнуть. В комнате тоже ужасно холодно. Решил затопить печь и согреть оставшиеся щи. Пока колол щепки, 2 раза поранил руку. Слышу отдаленные выстрелы, похоже, что наши наконец стали отвечать

из Кронштадта[241]. Протопил печь, согрел щи и поел, а Нюры все нет. Дорогая моя кормилица. Как много она для меня сделала. В комнате стало теплее. Я послушал последние известия[242] в 10 час. 30 мин. и около 12-ти лег спать. Довольно страшный день.

8-е декабря.

Ночью мало спал, встал в 4 часу утра. Курил и не мог больше заснуть. Ведь что может быть хуже голода — настоящего, когда ни за что ничего не достанешь[243], да ведь и денег у меня совсем нет, холода — преследующего тебя всюду и на работе[244]. Пока хоть дома у меня тепло, но ведь это ненадолго. И наконец, бомбы и снаряды, угрожающие ежеминутно искалечить тебя. Да и Нюра не выходит из головы. С работы — Радио непременно позвоню к ней. Встал в 10 мин. 8-го. На репетицию нужно к 11-ти. Съел капусту с постным маслом без хлеба. Хотел побриться, но не достал кипятку. В 9 час. вдруг стали передавать известия из Москвы. Слышно ясно. Раньше ничего нельзя было разобрать. Какой ужас! Япония воюет с США[245]. Весь мир горит. Дослушал известия и пошел. Трамваи не ходят. Теперь они и не будут ходить. Ведь Волховстрой[246] — фронт, а топлива нет. Пешком добежал на Радио. Говорил с Кончусом. Позвонил Ерманку — нет дома. От Нюры не отвечают. В антракте позвонил Ерманку. Наш квартет, возможно, действительно эвакуируется. Кильпио уже подает наши списки. Нюра, слава Богу, работает. Какое счастье! Она ночевала у Даши. Пошел в столовую, но дрожжевого супа уже нет, а по карточкам мне ничего не полагается. Ушел несолоно хлебавши из Радио и направился к Шифману. Он, кажется, не очень рад моему приходу. Он подтвердил и развил то, что мне сообщил Ерманок. Идя от него к Любе, встретил Шера. Любе сказал, чтоб она предупредила Соню о моем договоре с Ореховым. Она пошлет завтра утром Бусю. Я ушел. До этого взял хлеб-дуранду[247] на 2 дня и съел кусочек. Как хочется есть, но надо экономить. Если б дома нечего было есть, остался бы в Александринке ночевать, но иду домой. Добрался благополучно. Съел еще кусочек хлеба, намазанный русским маслом[248], — и вкуснее, и сытнее. Закусил постным сахаром и лег на диван. Очевидно, соснул. К 8-ми пришла Нюра. Я сложил дрова в печку и зажег их. Нюра мне сварила лапшу, пока я брился. Как вкусно и хорошо. После этого чай. Радио не работает. Вдали постреливают. Без 20 мин. 11-го вечера.

9-е декабря.

На репетицию нужно к 1 ч. 20 м. Но договорился с Ерманком встретиться утром в театре. В начале 10-го был уже там. Никого

нет. Ни Ерманка, ни Шера, ни Шифмана. У самого входа в театр встретил обоих директоров, но, когда я подходил, они повернули и ушли. Сидел в театре, потом пошел к Любе сказать ей, чтоб она предупредила Соню о моем договоре с Ореховым. Обещала послать туда Бусю. В 12 пришел на Радио. Взял с собой из дома кусочек хлеба грамм 50 с маслом. В 4 часа кончили репетицию и запись на воск{249} фрагментов из «Ивана Сусанина». Очень проголодался и съел свой бутерброд. Когда я вышел из Радио, Алайцев{250} указал мне: вот как теперь хоронят. На санках женщина везла одетый труп мужчины — молодого, покрытого картоном. К 5-ти вечера дома. Скоро пришла Нюра. Подогрели щи и поели. Вдруг стук в дверь, и мне подали повестку в военкомат. Нюра не поняла, в чем дело, когда я ей сказал, она приуныла. Оделся и пошел в жакт дома 4 звонить{251}. Дозвонился Кильпио. Он сказал, что ему теперь сложнее что-либо сделать, почему — он мне не мог сказать по телефону. Звонил Ерманку с просьбой сообщить об этом Шифману, но он советовал мне сделать это самому. Этому лентяю трудно что-либо сделать товарищу. Звонил на Радио, но Прессера не мог поймать. Управдом{252} указал мне, что я слишком долго задерживаю телефон. Пришлось уйти. Мне сказали по 11-му номеру, что Прессер должен быть в 10 час. вечера, и я прилег на диван, успокаивая плачущую Нюру, с намерением встать в 9.30, для чего завел будильник, и пойти опять звонить Прессеру. В 9 час. пошел искать, где бы позвонить. На улице кромешная мгла{253}. Тихо. Нет стрельбы. Народ ходит. Пошел в аптеку. В ней светло, и старая еврейка-провизорша разбирает лекарства, но аптека закрыта. Стучу и прошу разрешить мне позвонить. Получил категорический отказ. Попросил ее по-еврейски. Скоро мне открыли, предупредив, что звонить можно только в медицинские учреждения. Я позвонил, несмотря на это предупреждение, на Радио, но безрезультатно. Оттуда ушел искать телефон в другом месте. Бродил по темной 7-й линии. Стучался в «Форум». Искал в темных коридорах жактов, к сожалению закрытых, на 7-й и 5-й линиях и, ничего не добившись, пошел домой. Лег спать, подняв Нюру с моей кровати. Но спал недолго, в 2 часа ночи встал и больше спать не мог. Вечером радио перестало работать, это у нас теперь почти ежедневно{254}, и заработало, только когда играли «Интернационал»{255} после интересовавших меня, но, к сожалению, не услышанных последних известий. Обидно стало, и, когда метроном, хоть и приятно, медленно затикал в знак того, что нет тревоги{256}, я закрыл репродуктор, чтоб он тикал потише. Всю ночь курил.

В 7 час **10-го декабря** встал. В 6 час. слышал приятное известие о взятии обратно Тихвина{257}. Без четверти 8 вышел и через полчаса был на Радио. В вестибюле встретил Ясенявского{258}, который посоветовал мне искать Прессера в монтерской. Там действительно спал Прессер. Его разбудили, и он недовольный подошел к телефону. Я сообщил ему о случившемся. Он велел мне прийти в 10 час., добавив, что его уже третий человек будит, не давая ему поспать. Я пошел к Шифману. Он огорчился, но советовал использовать все средства, не считаясь с судьбой квартета. От него пошел в театр. Ерманка там, конечно, не было, хотя он обещал быть в 9 час., чтобы вместе просить Кильпио. Говорил с Соловьевым{259}. Умный и приятный человек. Увидел Кильпио, который сказал мне, что ему теперь сложнее что-либо сделать, потому что они сожгли корабли, снимая своих работников с учета в военкомате в связи с отъездом. Он мог бы, конечно, пойти со мной, но сначала он должен знать, в чем дело, и я должен пойти сам. Он думает, что это ничего страшного не несет — так, переучет, и только. Я же прекрасно знаю, что это за «так». И не пойдет он на Васильевский пешком, т. к. трамваи не ходят. И как мне ни было тяжело, я решил держаться Радио. В 10 час. был там. В начале 11-го увидел Прессера, дозвонившись к нему в столовую. Он мне обещал содействие, но нужно ждать Хухрина{260}. Хухрин опаздывал, и я порывался уйти, но Прессер меня удерживал, говоря, что «туда никогда не поздно». Хухрин пришел в начале первого. Я еще ждал полчаса, когда Прессер вышел и, забрав у меня повестку, отнес ее куда-то, велев взять пропуск и зайти. Мне стало легче, когда на мой вопрос, что я теперь должен делать, он ответил — ничего, повестку вы сдали, а остальное — дело наше. Я пошел на собрание к директору Радио{261}, где подписался на лотерею оборонную на 120 руб.{262} Теперь меня Прессер торопил оформляться. Но я не мог этого сделать сразу. Он заметил, что теперь я не тороплюсь. И хоть я действительно раздумывал, ведь тяжело остаться здесь и потерять последнюю возможность уехать, я, после того что был в ТЮЗе, но не застал Мельникова, который должен был подписать мое заявление об уходе с 3-го/XII задним числом, решил завтра порвать с ТЮЗом и оформиться на Радио. Я уверен, что, если бы пошел в военкомат, меня оттуда бы уже не выпустили, как это было с Соломоном. Когда я пришел домой, Нюры не было, но в теплой печи стояли теплые, но пересоленные щи, тепл[ая], но пересоленная лапша на сковородке и теплый чай. Я поел, и пришла Нюра. Она вчера наревелась, и, когда я сегодня не пришел в 10 час, как мы договаривались, она сочла, что я уже не вернусь, а я тут. Поела и она, жалуясь на соль, но

оправдывалась, что она не соображала, волнуясь, что делает. Пошел платить за квартиру, но уже было закрыто. Они работают до 3-х часов{263}. Видел Шифрина, который уж 2 раза заходил ко мне. <…> Какой он счастливый, что его не трогают. Это удивительно, но бог с ним. Я ему зла не желаю. Сегодня пока тихий день. Днем изредка постреливали где-то подальше. Что за сила меня прижимает к этому городу, несмотря на то что я изо всех сил рвусь отсюда. В Михайловском не вышло. В ТЮЗе не вышло, а когда в ТЮЗе стало налаживаться, случилась эта история. Я становлюсь фаталистом. Но не могу понять, какая гибель меня должна постигнуть: бомба? Снаряд? Голод? Немецкие пытки? А может быть, именно здесь, среди этих переживаний лежит мое спасенье? От армии — это уже пока доказано, а остальное: я голодаю меньше других, не знал окопов, как другие — по месяцам, не дежурил на крышах, как оркестр Радио. Теперь мне это придется испытать: и дежурства на крыше, и голод, и всеобуч{264}. Они, несмотря на это, остались живы. А я? Такого голода еще не было. Кошки стали пропадать{265}. На рынках ничего не продается, а все меняется: дуранда на крупу, сахар на хлеб и т. д. и т. д.{266} Нюра сегодня видела, как женщина меняла килограмм шерсти-шленки, правда необработанной, на 200 гр. хлеба. Туфли крепкие на 250–300 гр. хлеба. А ведь в 20-м году тоже был голод{267}, но тогда, как рассказывают старики, можно было съездить в деревню и выменять вещи на продукты: картошку, хлеб, мясо. Воблы было в городе сколько угодно, да и пайки были гораздо больше. Да! Такого ужаса этот город еще не знал. Люди гибнут как мухи и от снарядов, и от голода.

11-е декабря (14/XII).

Не помню, когда была репетиция, кажется, в 11 час. Оттуда пошел в ТЮЗ «расформляться». В ТЮЗе был утром. Застал Шифмана. Он тоже получил повестку. Я рассказал ему, что мою отобрали в Радио. Директоров не было. Я разбудил Мельникова, который вечно спит до 11-ти. Написал заявление, которое передал управделами, и Мельников заявил ей, что он не возражает. Шифман ушел, не дождавшись Кильпио. Я тоже пошел на репетицию. Домой когда возвращался, обстреливали район Дворцового моста, но, когда я к нему подошел, немного стихло и выстрелов не было слышно, только трамваи стояли. Я подождал в подворотне и, глядя на двигавшуюся в обе стороны моста [толпу], пошел тоже{268}. Трамвайные провода были порваны во многих местах на мосту и Университетской набережной. Когда я пришел домой, стрельба вновь продолжалась, и, по-моему, в том же

районе. Теперь я хожу по набережной. Когда я подошел к Академии художеств, опять начали стрелять по Васильевскому. Я пошел по 3-й линии и прошел через сквозной двор напротив нашей парадной. Пришла Нюра. Я до нее успел съесть холодную лапшу на сковородке. Она истопила печь, долила щи водой, и они уже не такие соленые. Она мне по-прежнему отдает часть своего хлеба. Милая, милая, как она обо мне заботится!

12-е декабря.

Сегодня репетиция к концерту 14-го в Филармонии в 2 ч. 30 м.{269} Утром получил в рынке спички, мыло, соль и уплатил за квартиру за 2 месяца — за весь [19]41-й год. Потом пошел в ТЮЗ. Оказывается, Кильпио не подписал моего заявления. Когда я ему объяснил причину моего ухода, он подписал его, и мы договорились, что я оформляю свой уход с 6-го/XII. Мне сволочь — Антонина Андреевна{270} — дала анкетку для подписи по всем цехам и библиотекам театра, что я ничего нигде не брал или отдал. Некоторые мне подписали, других я не нашел — они отсутствовали. Возвращался я домой в темноте и все-таки торопился, рискуя упасть. Я уже 2 раза падал, что со мной редко бывает, когда было светло, и теперь мне чувствительно при ходьбе. Когда я вошел, вышла Купцова и заявила мне, что управдом велел мне зайти, мне есть повестка. Я не торопился. Пришла Нюра. Около 8-ми часов пошел в жакт, но кто-то там закрылся и сказал, что управдома нет и потому он никого не пустит — приема нет. Я не стал спорить и ушел домой. Нюре я сказал о повестке и о том, что уплатил за квартиру.

13-е декабря.

Ночь спал очень мало. Снилась всякая чушь. Какой-то ребенок, которого очень хвалили, и «интеллигентные» молодые родители. Какой-то город Сантьяго и др. дребедень. В 7 час. встал и в 7.30 ушел из дома через проходной двор. Темно. Пошел в ДКА, позавтракал и достал 2 пачки папирос. Съел кашу-концентрат пшенную. Неплохо. Хотел сдать карточки, чтоб оформиться, но в бухгалтерии никого нет. В театре собрание, и мне сказали, что они на собрании. У меня уже все было подписано и осталось сдать карточки. Но вот собрание кончилось, и, оказывается, Валентина Александровна в банке и Настя. Сказали, что они не скоро придут, прождал до часу. Побежал на Радио отпроситься у Прессера от репетиции, т. к. я не мог к нему дозвониться из театра. Прессер мне отказал. Я взял скрипку и вернулся в театр, где я всем надоел, а управдел вела себя со мной вызывающе и по-свински. Валентина] Ал[ександровна]{271} еще

не пришла, и я, прождав до 2-х час., побежал на репетицию в Филармонию. На репетиции продолжалось мое волнение целого дня. В конце репетиции я все-таки сбежал с аккомпанемента концерта Чайковского. Когда я пробегал по Итальянской улице, над головой просвистел снаряд и ударил где-то в районе Русского музея. Я прибежал в ТЮЗ. Валентина] Ал[ександровна] пришла, хотя найти ее я не мог. Я очень волновался и наконец, узнав, что она живет в бывшей канцелярии, пошел к ней. Она была дома, хотя в пререканиях со мной Ант[онина] Андр[еевна] сказала, что она вышла. Она действительно устала и просила меня оставить ее в покое. Карточки теперь принимает Настя{272}, как я потом узнал, кассирша, но она-то только что ушла. Я почувствовал себя ужасно. Но стал ее ждать. Уже было начало шестого, а канцелярия Радио работает до 6-ти. Завтра воскресенье, и она закрыта. Около 6-ти пришла Настя. Грубо велев мне подождать, она пошла узнать свою операцию оформления. Вскоре она вышла с Вал[ентиной] Ал[ександровной], позвала меня и взяла мои карточки, выдав справку. Тут же я оформился у Ант[онины] Андр[еевны] и пошел в Радио. За то время, что я сидел в ТЮЗе, стрельба изредка продолжалась, и снаряд ударил где-то близко. Приходившие рассказали, что это в дом напротив Семеновского моста{273}, через который я пробегаю несколько раз в день. На Радио внизу я увидел Прессера, которого просил назначить меня на дежурство в Филармонии еще во время репетиции, чтоб я там ночевал на Радио. Прессер велел мне взять пропуск и пройти. На дежурство он меня не назначал, но, объявив меня на казарменном положении{274}, предложил идти завтра с 8-ми до 11-ти утра убирать снег вместе с другими назначенными оркестрантами. Я согласился и пошел наверх{275}, где, мне сказали, есть свободная койка. Поговорив с ребятами, я лег спать на койку Сергеева{276}. Сегодня я не обедал и имел голодный день. От пайка хлеба я оставил себе маленький кусочек на утро, грамм 40, и съел свои 3–4 конфетки.

14 декабря.

Встал около 7-ми час. Покурил лежа. Пришел Срабов{277} и поднял нас идти работать. Нас 5 чел.: Лейбенкрафт, Шредер, Ясенявский, Срабов и я. Пошли в райсовет, который дал на нас требование, и оттуда нас направили на очистку снега{278} у дома 2 на Марата. Угловой с Невским. Мы опоздали в райсовет, придя туда в 20 мин. 9-го вместо 8-ми. В жакт дома мы пришли около 9-ти. Там нас не ждали, и никаких распоряжений насчет нас заранее сделано не было. Не было ни дворника, ни управхоза{279}, и мы ушли, но вернулись, полагая, что нас в райсовете отправят в

другое место. Мы хотели, чтоб нам подписали явку. Никто этого, конечно, не хотел сделать. Мы сидели в теплой конторке, пока спавший там квартальный{280} вызывал управдома и дворника. На это тоже ушло полчаса. Когда после угроз квартального и двойного хождения дежурного явился дворник и нас повели на работу, уже было полдесятого. Поработали мы до 11. Вместе с нами работали 4 дворника, которые вполне управились бы сами. Я оттуда пошел в ТЮЗ. Деньги были, но кассирша сказала, что будет платить не раньше 12-ти. Дали свет. Она пошла куда-то и сказала, что мне платить сегодня не будет. Пошел в ДКА. Пообедал. Затем на Радио. Репетиция[13]. К Нюре не дозвонился. В общежитии курил, разговаривал. Лег спать. Надо переждать до оформления. Завтра уж оформлюсь и поеду домой. Там отъемся у Нюры за эти голодные дни.

15-е декабря.

Спал как будто спокойно. Встал в 9 час. Уже 2 дня не мылся. Пошел оформляться, но это, оказывается, не так просто. Заполнил анкеты, сдал ей трудкнижку, фотокарточки, которые, к счастью, оказались при мне в достаточном количестве (3 шт.), и потом только нужна была резолюция Хухрина для оформления меня на работу. Утром я пошел в столовую, чтоб взять кипятку, но его там не было, зато я взял хлеб, отдав ей отрезанный от карточки талон. Я так боялся, что он пропадет. Таким образом, я, кажется, не потеряю своей нормы хлеба, даже если получу новые карточки 17-го. Мои бумаги мне управдел или завкадрами (кто она там?) сказала, чтоб я известил Прессера отнести их Хухрину. Я пошел в убежище, где жил Ал. Ром., и, найдя его там, сказал ему. Он велел ждать Хухрина. Я пока слушал внизу радиоизвестия. К сожалению, ничего нового особенно хорошего, к чему мы последние дни привыкли, не было. Наконец пришел и Хухрин. Прессер почему-то не хотел к нему идти и сказал, что они сами все сделают. Но я ему сказал, что они могут это затянуть и я останусь на несколько дней без хлеба и продуктов. Это мизерное питание — 125 гр. хлеба и пол-обеда: суп или второе — имеет тем б***о***льшую цену, что лишение его на пару дней гораздо на б***о***льший срок ускоряет голодную смерть. Он попросил меня подождать, пока он сходит в булочную, и потом он пойдет со мной и все сделает. Наконец это сделано. Хухрин написал резолюцию. Эта дама поставила мне штамп на паспорте и дала 2 бумажки: на пропуск и на продуктовые] карточки. Я сдал на пропуск, прождав напрасно и долго зав. карточками Шведер{281}, и вернулся опять ее ждать. Ко мне подсел Алайцев. <…> На днях он меня спрашивал, не отдает ли кто собаку. Оказывается, он ее хочет съесть{282}{283}. Пока мы с ним говорили, из комнаты напротив вышла сама Шведер, которую он мне указал и не очень хорошо до этого охарактеризовал. Действительно, особа длинная, сухая и не особенно привлекательная, но я был выдержан, спокоен и вежлив. Она взяла мои справки и велела прийти завтра в это же время за карточками. Итак, я сегодня здесь все сделал. Даже дозвонился к Нюре, чтобы мы оба пришли домой ночевать, что было довольно трудно. Ее не звали к телефону, и днем мне посчастливилось попасть на женщину — зам. директора столовой, которая дружна с Нюрой, и я ее добился. Она тоже эту ночь дома не ночевала. Пошел в ТЮЗ с намерением потом пойти в ДКА обедать. За эти дни треволнений, беготни и голода я ослаб. Кассирша мне денег не дала из-за изменения приказа о моем увольнении и связанного с этим перерасчета. За это время, что я был в ТЮЗе, не было бухгалтеров, и я пошел пока обедать. После обеда опять в ТЮЗе. Как мне этот театр надоел! Они должны

были улететь 5-го, а сегодня 15-е, и они все еще не знают, когда полетят. После объяснения с бухгалтерией мне платить все же нельзя из-за неправильного перерасчета. Завтра мне не велено приходить, ведь этот перерасчет очень трудно сделать. Домой пошел без 20-ти 4. На Невском порваны провода — результат уже состоявшегося обстрела. Иду и боюсь — это время обстрела мостов. Прошел мост, вдали слышны звуки разрывов. Это пока где-нибудь на Маклина. Скоро будет и здесь. Мое предположение на этот раз оправдалось. Когда я был уже на набережной у 1-й линии, где-то здесь близко ударило. Я прибавил шагу. Вот на 4-й линии опять ударило. Я побежал мимо Академии и прибежал совсем запыхавшийся домой. Началась частая, раздражающая стрельба. В печке были щи. На окне я обнаружил кусок колбасы. Я ее попробовал. Скоро пришла Нюра. Я разжег печку. Мы согрели щи, и я разлил их на 2 тарелки, достал последние сухари. Нюра вытащила кусочек хлеба. Мы поели. Пили чай. Нюра поставила варить макароны. После чая поели макарон. Нюра все пихает мне, я еле уговорил ее съесть блюдечко макарон. Мне кажется, что она тоже не очень сыта. Стрельба понемногу прекратилась, и мы легли спать. Во время ужина зашел Тюнер попросить папиросной бумаги, а у нас на столе было сахару, как в хорошее время. Он с удивлением смотрел на это. Я умылся, переоделся, приготовил себе в портфеле тарелку, чашку, ложку, вилку, конфеты, полотенце, положил туда банку крабов. Нюра на все это смотрела с ужасом, угадывая, что я собираюсь надолго остаться на Радио. Но я ее успокаивал, что буду только изредка там ночевать. Действительно, кроме опасности в пути, очень трудно идти пешком туда и обратно, но главное, это, конечно, снаряды. Голова болела, но порошка я не принял. Под одеялом все-таки холодно. Как я ни хотел послушать последние известия, я за несколько минут до передачи уснул.

16-е декабря.

Ночь спал плохо. Проснулся ночью и больше не мог уснуть. Голова болела меньше. К утру принял порошок. Зазвонили часы 5.15, и Нюра, укрыв меня своим одеялом, ушла. Не помню, слышал ли я известия — утренний выпуск. В полдевятого я встал, съел холодные макароны, оставленные в печке. В 9.30 ушел. Благополучно пришел на Радио. В 11 репетиция[284]. Пошел получил пропуск — временный, а потом и карточки. Ясенявский дал мне 400 гр. брынзы, чтоб я ему принес 200 гр. комбинированного жира[285]. Съел взятую колбасу с сухарями, кусочек брынзы. В столовой беспорядок и жуткие очереди. Около пяти съел блин, отдав 50 гр. крупы. Пил много чаю (без чаю),

съел много конфет, взятых из дома, — старых запасов. У меня понос — это не совсем приятно. Слушал лекцию «Война на Тихом океане», и лектор-редактор сказал много многообещающих хороших новостей о Ленинградском фронте. Сегодня я не выходил из Радиокомитета.

17 декабря.

Лег спать около часу ночи. Здесь собираются в нашей комнате. Завтракают, ужинают и разговаривают. <…> В столовой свинство и зазнайство обслуживающего персонала при высоком участии в столовой комиссии. <…> Давали желе без карточек и обещали, что всем хватит, но через час по открытии столовой его не хватило огромному большинству не успевших за это время пообедать. Оказывается, что это умышленное злодеяние было проведено для того, чтоб его на большее время хватило привилегированным, питающимся в отдельной комнате и пользующимся «спецпитанием». Оркестр, налетающий в столовую после репетиции, просто выгоняют, и им приходится в конце дня пользоваться остатками. <…> Встал я рано. Почему я, любитель поспать, не могу спать, имея эту возможность? Нервы? Голод? Непонятно. Но встал я в 6 час. Около 9-ти пошел с Рубанчиком{286} и Аркиным{287} покупать «сен-сен»{288}. Они с этим снадобьем пьют чай за отсутствием конфет и хотели его купить много, чтоб варить кисель. Мне не досталось. По дороге домой купил хлеба на 2 дня — 250 грамм. Завтракал хлеб с брынзой. Умыться нечем было, не шла вода. Света тоже не было. Из-за этого не состоялась репетиция. Зато был шефский концерт в госпитале на Садовой против Гостиного, в Пажеском корпусе. <…> Мы вышли туда около 2-х час. и там обедали. Столовая в духе ДКА, но нет ложек. Я брал ложку Лейбенкрафта и съел 2 тарелки «щей» — воды с редко плавающими листиками хряпы{289}, и 2-е — котлетка с 3-мя макаронами. В 4.30 концерт в холодном зале. Холод ужасающий преследует меня особенно со дня поступления на Радио. Здесь очень холодно, в Филармонии тоже и, наконец, в этом зале. В столовой было все же теплее. Когда мы шли в госпиталь, был обстрел недалеко, но слава богу не тут. Идиотское выражение и подлое, но иначе не могу выразиться{290}. Я ужасно боюсь обстрелов. Боюсь попасть в армию, и я поступлением на Радио, по-моему, не совсем ее избежал, принимая во внимание хамство дирекции, не особенно ценящей свой оркестр. В госпитале встретили Сысоева{291}. Это хорист молодой в Филиале, который после закрытия последнего перешел на Радио и отсюда он, прежде спокойный белобилетник, веривший в скорое окончание войны и возрождение Филиала,

был призван и сразу отправлен на фронт. 1-го декабря он был ранен и теперь выздоравливает и скоро его отправят еще раз. У него порок сердца. Он ранен разрывной пулей в лопатку. Рассказывал, как под Дубровкой[292] не удается выбить немцев, как люди ползут на их окопы и как, когда их подталкивают лезть дальше, он оказывается уже мертв[293]. Я вспомнил, как мы рыли вместе окопы под Кингисеппом, и дал ему адрес Носова[294]. Может быть, он устроится в их ансамбле. Я попробовал по дороге домой прикрепить свои карточки в магазине на углу Садовой и Ракова, но неудачно. Дома опять собралась компания и пошло чаепитие и разговоры. Ананян рассказал невероятный случай, как у Елисеевского магазина некто обменял 300 гр. хлеба на 8 конфет. Хлеб ведь гораздо дороже. На рынках ничего не продается за деньги, а все меняется. Хлеб на сахар, на дуранду, мясо на хлеб, теплые вещи и дрова на продукты питания. Хорошие валенки стоят 3–4 кило хлеба. Нюра мне рассказывала, как одна женщина меняла кило шерсти шленки (необработанной) на 200 гр. хлеба.

В нашей комнате накурено и грязно. Утром встретил в Радио Нечаева[295] и говорил с ним, что после войны хорошо бы с ним поездить. Он обещал найти меня здесь. Дешевый разговор. Я заговорил об окончании войны.

Сводки последнее время хорошие[296]. Возможно, что немцев действительно погонят и отгонят от Ленинграда. Тогда откроется дорога. Что тогда будет? Пока нет бомбежек, а тогда? Рубанчик <…> вдруг изрек: «Меняю 3 ложки хрена на 3 ложки кофе». Смех. Я все стоял около разговаривавших, потом лег. Ботинки очень режут около пяток — задники, да и тяжело их носить с галошами целый день. Но не спится. Чувствую ужасный голод и, очевидно, связанный с ним холод — озноб. Руки у меня все время мерзнут и пальцы как ледяшки. Курил, но решительно не хотел есть[297]. Надо оставить на завтра. Но надоело лежать. Встал и стал вынимать табак из портфеля. Лейбенкрафт увидел мой хлеб и удивился величине порции. Я тогда не выдержал и съел кусочек хлеба с брынзой. Скрутил 3 папиросы и вот сел писать. Уже четверть второго. Аркин разговаривает о политике с Рубанчиком. <…> …Только бы пережить войну. Это очень трудно, хотя в связи с нашим наступлением это стало более возможным. Никак не могу отправить письмо Мусе. Боюсь улицы и обстрелов. Боюсь идти домой — там обстрелы и повестки.

18-е декабря.

Опять лег поздно и встал рано, в 6 час. Известий последнее время не слушаю и газет не приходится читать[298]. Руки все

время закоченелые. В пальцах рук и ног все время колет как иглами. Холодно все время: сидишь, лежишь и даже когда ходишь. Хочется есть. Очень чувствительно, что я не бываю дома, особенно в этом отношении. Утром прикрепился у Елисеева{299} в магазине и наконец послал письмо Мусе. На репетиции замерзал больше, чем когда-либо. С репетиции пошел в ТЮЗ. Они улетели 15-го вечером. Денег нет и будут только через неделю. Там была телеграмма от Муси: «Телеграфь здоровье». Завтра утром отвечу. Передал мне ее Ерманок. <…> Неужели мы с Шифманом более несчастливы, чем они с Шером? Неужели после всех чудес я все-таки должен погибнуть и не дожить до лучших времен? Обедал в ДКА. Взял 2 порции 2-го: хорошие кусочки свинины. Но если был бы хлеб. А без хлеба — это одно раздражение. По дороге домой зашел к Любе. Она стояла во дворе. Хотела пригласить в комнату, но я не пошел. Соломон теперь со своим полком на Сясьстрое{300} восстанавливает железнодорожный путь. Писал о чудовищном переезде через Ладожское озеро, который ему запомнится на всю жизнь. Не знаю, от холода или обстрела и бомбежки. Наверное, и то и другое. Говорят, что ветром там сносит машины. Во всяком случае он пишет, что теперь они в лучших условиях. Очевидно, в смысле еды. Когда, наконец, и мы воспрянем? Вчера на лекции Штейнгауэр сказал, что Новый год мы будем встречать хорошо и, по его словам, к весне все должно кончиться. Дай бог, но это маловероятно. За обедом видел у соседа немецкие деньги. Как только пришел в Радио (хотел идти домой, но что-то удерживало), начался обстрел, довольно сильный, длившийся около получаса. Я сбежал с 6-го этажа вниз. В 6 час. пошел с Лейбенкрафтом в магазины. Он в свой, а я к Елисееву. Взял 140 гр. брынзы, спички и мыло. Соли не было. Когда пришел обратно, съел половину своего бутерброда со свининой и завтрашним хлебом. Звонил к Нюре и дозвонился. Хотя не говорил с ней, но обещали передать, что завтра буду ночевать дома. Старик, сидевший против нас вечером за столом, брал у Рубанчика соль и ел ее как конфеты (наш сосед в комнате). Я не удержался и съел добрую половину купленной брынзы. Когда старик увидел мою свинину, он ушел из комнаты. Мои соседи питаются водой. Аркин, поздравлявший всех [с] нашими победами, сегодня в более умеренном настроении. Ленинград если и освободится, то, во всяком случае, не скоро. Когда подумаешь о смерти, то все страдания кажутся пустяками и хочется во что бы то ни стало выжить. Ведь я все-таки, благодаря шефским концертам и Нюре, менее их истощен. Мне кажется, что я не скоро должен сдать. А сколько опухших у нас в Радио. Жена Элиасберга{301}, парикмахер и много других. Когда подумаю об отъезде ТЮЗа, я им желаю

всякого зла, но я рад за Сашу Германа. Бедняга ужасно распух{302}. Помоги ему Бог поправиться. Я вспомнил помрежа ТЮЗа Белопольского{303}, умершего от голода и сумасшествия на его почве (информация Ерманка).

В 11 вечера слушал известия. Особенно хорошего — ничего. Японцы пока бьют англо-американцев{304}. Чаю сегодня не пил, да и воды не было. Четверть 2-го ночи, иду спать. Теперь и я сплю одетый и целый день хожу в пальто и галошах. Сегодня утром чуть умылся, а то не умывался на Радио. Бани не работают{305}. Сегодня шли трамваи.

19-е декабря 1941 г.

Эту ночь спал хорошо. Встал в 9 ч. 30 м. Умылся, съел свой бутерброд со свининой. Очень хотелось послать Мусе телеграмму, но уже пол-одиннадцатого. Опоздаю на репетицию. Решился и побежал. Сдал телеграмму, постояв в очереди, и бросил открытку Мусе. На репетицию опоздал немного, но мне ничего не сказали. Дирижировал Альтерман{306}. После репетиции хотел идти в ДКА, но не пошел и съел макаронный суп у нас в столовой, получил желе и хотел идти домой, но, услышав чудные звуки обстрелов, воздержался. Пошел вниз и сидел там с Шахом{307}, тоже выжидавшим. <…> Потом пошел в убежище и писал там письмо папе. В 5 ч. 15 пошел домой, позвонив предварительно Нюре, но она уже ушла домой. Прибыл домой благополучно. Нюра уже топила печь. Макароны стояли на столе. Их согрела Нюра, и я съел очень много, она немножко. Они были очень соленые. Говорили мы с Нюрой очень долго. Она думала, что я уехал к какой-то женщине. Она получила от брата письмо. Он жив еще. Это очень приятно. Сегодня тихий вечер, нет стрельбы. Легли спать в 10.15. Когда я пришел домой, зашел к управхозу, но там было закрыто.

20 декабря.

Спал опять плохо. Проснулся около 3–4-х часов. Укрылся пальто от холода. Встал в начале 9-го. Съел макароны из печки, но они уже были холодные. Зашел опять в жакт, но опять закрыто. Со мной в карманах пальто приготовленные вчера: сухие макароны, табак и масло для Ясенявского. Благополучно пришел в Радио, по дороге зайдя на почту у Филармонии и бросил открытку папе. Там во дворе стояли сани детские и на них труп, завернутый в одеяло, как мумия. На Радио побрился, выпил чай. До Радио зашел к Елисееву за хлебом, но там давали конфеты. Получил 350 гр. ириса из горелого сахара и дуранды, но ничего, он сладкий и довольно вкусный. Угостил Лейбенкрафта 2-мя

ирисками и дал несколько макаронин. Он совершенно ослаб. Жаль мне его. В час пошел в ДКА, взял одно второе. Свинину с картошкой. Жаль, что очень мало, а очень вкусно! Половину съел, а остальное сделал бутерброд с хлебом и взял домой на ужин. Придя на Радио, разговаривал с Аркиным. Он занимался как-то странно. Потом писал письмо Мусе и сел за дневник. Надо взять здесь книги в библиотеке. Ясенявский не хотел брать масло, считая, что уговорились менять 400 гр. брынзы на 400 масла. <…> В обед пошел за дрожжевым супом, но мне не досталось. Вечером репетиция и концерт для Швеции в 9 час.: «Римский карнавал» Берлиоза и «Норвежская рапсодия» Свендсена. Сегодня не выходил из дома Радио. Написал Мусе открытку, но не опустил ее. Обстрел был.

21-го декабря.

Холодно спать. Встал около 9-ти. Утром чаепитие и разговоры. Съел свою свинину. Прессер ослаб. У него подавленное настроение в связи с голодом. Он говорит, и резонно, что нам скоро не увеличат норму питания. У меня дома я давно не был у Купцовых. Паня распухла. Полина лежит, а мальчишка ее — Вовка, распух. Люди мрут как мухи. От этих разговоров мне кажется, что и я ослабел. Настроение тяжелое. У меня, как и у всех, ужасный запор. От этого хлеба{308} и маленькой дозы еды. Ходишь один раз в 3 дня, и то ничего не выходит. Боль такая, что кричать хочется. В обед взял дрожжевой суп и свою нетронутую сегодняшнюю порцию хлеба. Суп ел без хлеба. Дрянь порядочная, но он, говорят, слабит. Напрасно я надеялся на это его свойство. На меня — никакого эффекта. В ½3-го воздушная тревога. Опять. Давно их не было, и вместе с тем ужасный обстрел. Это они отмечают полгода войны. Я сбежал вниз, сидел там и думал. ТЮЗ улетел. Улетели Деревяго, Хряков, Зоя, Лида и др[угие] <…> Я вспоминал <…> как я окопы рыл с Зоей. Она мне перед отъездом рассказывала, что ее приятель или родственник сам видел, как из 40 машин, шедших через Ладожское озеро, только 10 прошли. Она на машине ни за что не поедет. Мечтал о том, как хорошо бы пережить эту страшную войну, чтоб вернулись мои птенчики, а сам ждал, что вот-вот над головой грохнет бомба. Где-то сброшены бомбы. Толчки слышны были 2 раза. Около 4-х отбой. В 4.30 репетиция и в 8 концерт. В промежутке съел свой хлеб с крабами. Они довольно вкусны. При этом был Ананян, предлагавший мне обменять их на другие продукты{309}. <…> Пил чай. После концерта звонил Ерманку. Договорился, что он 23-го придет в И час. на Радио. Он говорит, что эвакуация прекращена и он, возможно, будет работать на

Радио. Вечером слушал последние известия. Ничего интересного. Когда я звонил Ерманку, вздрогнуло здание. Это, очевидно, взорвалась бомба замедленного действия. Я сегодня тоже не опустил Мусе открытку. Лег спать с укрытием по методу Прессера, но ужасно, несмотря на потепление, мерз больше обычного. Ночью уложился по-старому.

22 декабря.

Встал без четверти 7. Слушал известия. Наши взяли Будогощь, Грузино{310}. Вспомнил вчерашнюю встречу на концерте с Аб[б]акумовым{311}. Он теперь никуда не уедет, т. к. дела на фронте хороши. Его жена — врач, была ранена и теперь поправилась, получила инвалидность на 6 мес[яцев] и работает в медпункте.

С 8-ми час. торчал до 8.45 у телефона в ожидании Нюриного звонка, но позвонил сам. Она была дома. Справку мне забыла взять. У нас крадут дрова. Оттуда пошел к Любе. Был у Елисеева. Ничего нет. Магазин «Нарзан» закрыт. Люба меня угостила кофе с кусочком хлеба. Ей Зарецкий за 200 гр. достал буханку. Она довольна всем и благодарит Бога или судьбу, что вот у нее выбита только одна фрамуга, что у нее есть дрова, что с окончанием сухарей у нее появилась буханка хлеба, что во время войны родилась Маргаритка, которая их кормит, т. к. на нее получают шоколад, масло, сахар и хлеб. Сводки хорошие, и она надеется на лучшее, что и мне советует. Она надеется на благополучное возвращение Соломона. От Любы пошел в ДКА, по дороге взял хлеба и, зайдя в аптеку, купил карлсбадской соли{312}, салол{313}, аспирин. У Любы взял касторку. Принес от нее мыло из своего чемодана{314} и папиросную бумагу. На Радио обнаружил, что у меня не хватает конфет. Очевидно, украли. Взялся за дневник. В ДКА женщина рассказывала, что во время вечернего обстрела на Петроградской на Сытном рынке погибла масса народа. Когда я сидел вчера в убежище во время тревоги, старик Пиорковский{315} рассказывал о том, как ему 4 раза делали операцию от рака. Как он умирал и не умер. О других операциях и ужасах. Как я этим тяготился!

Ясенявский и ребята говорят, что самое страшное мы пережили. Но страшно, страшно. И правильно сказал товарищ Аркина, что теперь нельзя быть ни оптимистом, ни пессимистом, а нужно быть фаталистом. И верно. Сегодня начиню себя слабительным. Может быть, поможет. Ах! Если бы пережить эту ужасную войну! Сегодня у нас кино: парад на Красной площади 7 ноября [19]41 г. Речь Сталина на площади{316} и речь его 6-го на торжественном заседании Моссовета{317}. Последнюю часть —

парад не показали. Жаль. Речь его 6-го передавалась во время воздушной тревоги{318}, когда мы играли на шефском концерте на Маклина у ханковцев, о котором я, кажется, писал. Слабительное чуть-чуть подействовало. Но все-таки плохо. Слушал известия и лег спать. Рубанчик и Прокофьев{319} готовили весь вечер горчицу и хрен. У ребят нет совершенно сахару и конфет. Рубанчик пьет кипяток с какао, который он взял вместо конфет, с кусочком хлеба, смазанным горчицей. Он считает, что сделал открытие, и называет свой крошечный горчичный бутербродец «замечательной конфетой». Обычно он пил кипяток с сен-сеном. Здесь почти все пьют с сен-сеном. <…> Петя Прокофьев все время что-то мастерит: подгоняет крышки к банкам, тер свой хрен. <…> Замечателен был скандал Рубанчика с Ясенявским, отодвинувшим бесцеремонно его тарелку с горчицей. Рубанчик стал его выгонять и, когда тот ушел, долго предо мной оправдывался.

23 декабря.

Утром в 8.30 напрасно ждал Нюриного звонка. Как потом оказалось, она мне звонила в 8 час. В 11.30 репетиция. Маленькая. Около 2-х часов ушел домой. Перед и во время репетиции устраивал Ерманка. Домой прошел благополучно. Из жакта дома 4 позвонил Нюре. Долго ждал ее и сообщил, что я уже дома. Ужасно голоден. Ждал ее до 4.30. Убрал немного в комнате. (Она оставила неразложенной вязанку дров.) Полежал, потом встал и затопил, приготовив на столе капусту, которую вздумал тушить. Когда сварил немного макарон, пришла Нюра. Она жаловалась, что больна, и действительно, она мне показалась желтой и распухшей. Я испугался. Она разделась и принялась за дело. Ну и наелся я сегодня. Капусту тушеную (недотушенную на противном комбинированном масле) с макаронами. Она принесла белую сахарную свеклу. Я съел одну. Вкусно. Потом пару морковок. Как только я пришел, искал в столе концентрат каши, но не нашел. Зато я нашел высушенный чеснок. Съел несколько долек. Съел почти все макароны, потом овсяную кашу, большинство которой мне отдала Нюра, потом чай с сахаром. Нюра немного повеселела. Так, как мы живем, живут очень мало народу. Масло льняное я не могу есть. Пришел Шифрин (до нашего ужина). Он все вертится. Нюра дала ему бутылочку льняного масла для лампадки. Рад был, когда он ушел. Был в жакте — опять закрыт. Сегодня мне тепло, сытно и уютно, но голова болит. Перед сном сходил с меньшей болью и несколько б***о***льшим результатом. Около 10 час. легли спать. Сверх одеяла положил пальто. Боюсь заходить к Купцовым. Видел Наташу и

спросил об отце. Она сказала, что плох. У Любы в квартире умер сосед-старик, Соломона товарищ, от голода. Теперь масса таких мертвецов, лежащих по целым неделям. Нечем и некогда их хоронить{320}.

24 декабря.

Ночью просыпался от ужасной головной боли. Но порошков нет. В 5 с чем-то проснулся. Слушал в 6 час. известия, но Чудова, как я ожидал, не взяли{321} и вообще довольно скудно. Если будем жить, то еще терпеть и терпеть. В 7.30 встал. Сегодня стул замечательный, что значит поесть, и, очевидно, свекла и это плохое масло тоже помогли. Это меня еще больше обрадовало. Нюра тоже встала. У нее тоже прошла головная боль. Я расколол несколько полен{322}. Она затопила, согрела щи и сварила макароны, отдав мне остальные с собой. Я поел щей с мясом 2 тарелки, макароны остальные сваренные уложил в банку из-под русского масла и взял тоже с собой. Потом чай. Ушел я счастливый около 10-ти. Зашел в жакт, взял справку и заявил, чтоб повестки отсылались на Радио. По дороге воздушная тревога. Пробежал университет и зашел в открытую дверь 3-х этажного здания напротив, на набережной. Оказалось — это почта. Подождав, написал открытку папе и опустил там же. Вышел курить в коридор. Не успел докурить — отбой. Шел со страхом и снарядов, и упасть, и разбить банку, но все в порядке. Я уже в здании. Здесь я себя чувствую спокойней. Стал укладывать в портфель принесенное. По-моему, в портфеле рылись. Дал Лейбенкрафту и Мише одну свеклу. Благодарили очень. Я ее взял из дома. От 2-й дал Пете и себе отрезал. Остальное обменял с Мишей на ложку какао. Элиасберг заболел и дирижировал Аркин. Молодец. После репетиции немного полежал и пошел в нашу столовую, где прождал час, пока получил блин — сырой и малюсенький. Хочется есть. В комнате все спят. Я съел крабы, принесенные макароны в банке и закусил ириской. Закурил и сел за дневник. Все усиленно поговаривают о предстоящем с 1 января увеличении нормы хлеба и даже продуктов. Сегодня мне теплее и руки не так стынут. Даже тянет позаниматься. А ведь теперь это мое основное занятие и потребность покинули меня. Думаю только об одном: «дожить» — то до увеличения нормы, до января, до… Пережить войну с ее голодом, бомбами и снарядами. А может быть, еще газы будут?{323}{324}

Вечером оказалось, что некому дежурить на вышке{325}. Из 15-ти человек 10 заболели, т[о] е[сть] не могут двигаться от голода. Тем более что трамваи не ходят и многим приходится делать большие переходы пешком из дома на Радио. Рубанчик и

пр[очие] идут завтра давать кровь, и Прессер вынужден был занять меня{326}. Мое дежурство с 3.30 до 5 час. утра. Рубанчик повел меня туда и показал, как пройти и вести себя. Там телефон, по которому в случае необходимости сообщать в штаб о происходящем, будь то появление самолетов, артиллерийская] стрельба, ракеты и пр[очее]. Довольно страшно сидеть здесь одному. Но они много дежурили и остались живы, неужели со мной именно произойдет несчастье. В прошлую ночь у Аркина пропали конфеты. Все подозревают N. Я обалдел от этого подозрения. Неужели N способен на такие гадости. Но они в этом уверены, т. к. видели у него такие конфеты, как у Аркина. А он таких нигде не мог достать. Если его Аркин не вздумал травить как конкурента, то может, черт возьми, и правда. Он больше других голодает. <…> Вечером я пошел к Елисееву и встретил там его. Мы получили по пачке трубочного табаку. Моя пачка была с сорванной бандеролью, и, желая спрятать новую пачку, я попросил его обменяться. Он ни за что не хотел. А ведь я его сколькими папиросами угощал, макаронами, свеклой, и, если б этот кретин чувствовал какую-то благодарность, он не должен был колебаться. Моя пачка была цела, и обмен был не большой жертвой. Я как-то попросил у него спички в долг (нам выдавали 4 коробка в мес[яц], это очень мало), в долг, и то я ему должен был напомнить мои заслуги перед ним и долго просил его, пока он решился на этот подвиг. <…> Мне кажется, что он действительно стянул у меня конфеты и вчера рылся в портфеле. Ему это будет стоить дороже. Заснул я около часу. За столом все сидели и разговаривали.

25 декабря.

Ночью я пару раз просыпался. Слышал, как будили Рубанчика, которому все же пришлось дежурить с 12.30 до 2-х час. Когда он пришел, я не слышал. Меня поднял Шорохов{327}, которого я должен был сменить. Проснулся я минут за 10 до этого. Вначале довольно жутко. Все время слышен шум моторов, и я вначале думал, что это самолеты. Потом привык к нему. Вдали взлетали ракеты. Это, очевидно, на линии фронта. Далекие вспышки выстрелов. Я пробовал считать до появления звука, чтоб определить расстояние, но звук не доходил. Звуки орудийных выстрелов доносились очень часто. То более отдаленные, то ближе. Там были 2 шубы. Одну — побольше, одеть на себя, другой, поменьше, завернуть ноги. Шорохов предложил мне казенные валенки, но мне они малы. Он мне помог снять валенок, который я пытался одеть, но меня схватили в ногах судороги. Сегодня мороз, и я долго возился, пока накинул на себя

закоченевшую шубу и закрыл другой ноги. Время пролетело незаметно в думах и мечтах. Позвонил телефонистке. Узнал время. Уже полпятого. Еще немного. Страшно, что могут начать обстрел. Второй раз позвонил в караульню. Уже без 10-ти. Звоню в штаб о смене. Через 10 минут мне оттуда позвонили, что мне разрешается уйти с вышки и проводить туда товарища, который тоже дежурит в 1-й раз. Это был Савельев{328}. Я дал ему валенки и проводил его. Лег снова. Кажется, немного спал. Когда я пришел с вышки, довольно долго разговаривал с Прокофьевым, который не спал и курил лежа. Слышал, как пришел Савельев и принес радостную весть о том, что с сегодняшнего дня прибавлена норма хлеба: 200 и 350 гр.{329} Все счастливы. Ананян так и заявил. В 8 встал и пошел с Петей к Елисееву в надежде, что еще получу табаку{330}. Но не вышло. И нормы продуктов на 3-ю декаду еще неизвестны. Говорят, что выдадут вино и шоколад. Это первое хорошее известие и подтверждение того, что, может быть, скоро разорвут кольцо и отгонят немцев. Народ уже разуверился в том, что будет прибавка хлеба. Прибавка незначительная, но морально сильная{331}, и упорно говорят, что с 1 января нам будут выдавать 300 и 400 гр. на служ[ащих] и рабочих. Сегодня ребята уже получили по 350 гр. Солидный кусочек. В 12 пойду в ДКА. Теперь я боюсь оставить портфель. <…> Немцев бьют в Ливии{332}, и у нас появилось советское Волхово-Мгинское направление{333}. В начале первого пошел с Лейбенкрафтом. Я в ДКА. Он домой. Очень хорошо пообедал. Съел весь свой новый паек — 200 гр. хлеба, щи и, взяв 2 вторых: одно для себя, другое для Кости, свалил в одно оба гарнира из пшенной каши, получилось хорошее второе из куска мяса{334} (100 гр. талонов вырезают{335}) с кашей. Придя на Радио, взял еще 2 желе и 1½ ложки повидла у Лейбенкрафта. Репетиция в 3 ч. 30. В антракте ко мне подошел Сергеев и заявил, что у него пропала наволочка с подушки и что я сплю на его кровати. Я побежал наверх с ним. Наволочка была на месте, но зато мой портфель был раскрыт. Мне показалось, что украли все. Я побежал за ребятами, но украли только сахар. Макароны я съел прямо в студии. Я пишу слишком много о еде, но у нас теперь это самое существенное{336}. Все разговоры всех от мала до велика только о еде. Говорят, что в городе ежедневно умирает до 16 000 чел[овек]. Все ходят голодные. Даша поймала в булочной вора. Это в темноте женщина забралась за стойку (в булочной работают при 1 свечке) и, схватив хлеб, тут же в углу стала его есть. Лег спать в 2 час., сходив перед тем с Петей по магазинам.

26 декабря.

Утром темно. У нас нет света. Хотя у нас поставлено радио, но включается оно в соседней комнате (репродуктор на две комнаты), и оно все время выключено. Пошел по магазинам. У Елисеева ничего нет, даже нет еще нормы на жиры и др[угие] продукты. На Ракова совсем пусто. Стал в очередь в булочной на Ракова у Садовой. Очередь большая, и мороз солидный. Пошел обратно на Радио. Здесь взял хлеб и съел его весь с противным комбинированным маслом. Ждали света, чтоб начать репетицию. В час стал бриться. Вскоре выяснилось, что репетиции не будет{337}. Взял Маше и Пете супы и около 2-х, позвонив заранее Нюре, пошел домой. Я спросил ее, нет ли чего дома, она подумала, что я спрашиваю о повестке, а я думал о еде, и, когда я ей объяснил, она столько же радостно заявила, что найдется, как раньше сказала: нет. По дороге вставил стекло в часы. Стекол нигде нет, и случайно я попал на Невском в мастерскую бывш. Буре{338}, которая некоторое время не работала и у нее остались стекла. Домой пришел голодным как пес. На письменном столе на сковородке осталось немножечко тушеной капусты, я ее съел. Одну из 2-х свекол там же. Убрал белье и стал ждать. Нюра обещала в 4 часа быть дома. В половине 5-го я затопил печь. Долго сидел и сваривал парафин из обгоревших свечей, чтоб сделать новые, как меня учил Вахрушев{339}. Искал маленькую кастрюльку, чтоб сварить макарон (Нюра принесла их еще и сложила в глиняный горшок, в котором раньше была капуста), но не нашел ее. Поставил в печь щи, они с тех пор, как я не был дома, стояли нетронутыми. Около 6-ти пришла Нюра. Мы съели всю кастрюлю щей. Я 2½ тарелки с Нюркиным хлебом. (Как и чем я ей за это отплачу?) Нюра 2 тарелки. Потом она сварила макарон, дала мне колбасу, которую она получила по своей карточке для Даши, гр. 100. Затем она дала мне ½ кгр. сыру, которого она взяла кгр. Опять-таки для Даши. Сыр ужасный, черт знает из чего{340}, но все же это нечто съедобное. Я поел его немного. В 9 час. она легла спать. Я подсел к ней и стал рассказывать о времени НЭПа{341}, объясняя, что значит хорошая жизнь. Она обалдела и никак не могла себе этого представить, чтоб все было всегда. Всегда без очереди и пр. Она сказала, что у нее от этого голова кружится. В 10 я тоже лег спать и скоро заснул. В дремоте я слушал последние известия, но, проснувшись утром, я ничего не помнил.

27 декабря.

Ночь я спал плохо по своей вине. Я после 2½ тарелок щей выпил много чаю. Стаканов 5, и бегал ночью несколько раз. Несмотря на то что мы топим, у нас очень холодно, и я укрываюсь

сверх ватного одеяла пальто. Я уже 2 месяц [а] как не был в бане. Я ужасно грязный, и на ногах какие-то струпья. Я сам себе противен, но бани не работают, да я и боюсь ходить искать такую, которая работает, а говорят, что они есть. Трамваи уже неделя или 2 как совсем по Невскому не ходят. Так что хожу я только пешком. Я слышал, как звонил будильник в 5 час. Но не слышал, как ушла Нюра и набросила на меня свое одеяло. В 6 слушал известия. Наши двигаются очень медленно. Взяли Наро-Фоминск. Несколько раз я порывался встать, ложился обратно в кровать. Встал в 10 мин. 9-го. Съел вчерашние макароны. Уложил портфель и ушел около 9-ти. У меня в желудке образовался ком, который, как камень, опускается медленно книзу. Приятно. По дороге на Радио зашел к Елисееву и взял конфет, которые наконец стали выдавать. Называются они очень громко «Чио-Чио-Сан». На самом же деле это подслащенная дуранда. Но очередь была сравнительно маленькой, а ждать лучшего нечего, война как война, и я взял свои 350 гр. Надо будет угостить Нюру. В общежитии застал компанию за завтраком. Меня жалели за потерю сахара. Но у меня теперь с собой другой, да еще конфеты, и портфель я теперь всюду тащу с собой. Даже вчера домой тащил его с собой. Потеря сахара меня тогда расстроила, и из-за этого я вчера вечером выпил столько чая за «тот» вечер и утро. На репетиции встретил Шифмана. Я очень обрадовался. Его освободили по ходатайству техникума. Он хочет устроить сюда Шера и снова начать работать. У Ерманка уже новости, и Шифман собирается претворить в жизнь интересное дело. Репетиция и запись на воск темы с вариациями Чайковского продолжалась около 1½ часов. Затем я писал дневник. Съел 2 дрожжевых супа и опять пишу. Пишу Мусе письмо. Хотел бы очень встретить Новый год с (Мусей) Нюрой. Я боюсь всяких дат. Немцы их усиленно отмечают обстрелами и бомбежкой. Вчера вечером с 6 ч. 50 д[о] 7 ч. 20 м. была тревога. Мы от них отвыкли, и они опять страшны. Но теперь они кратковременны{342}. После тревоги над нами все время кружили самолеты, и мне все было неспокойно. Может быть, мы им действительно теперь житья не даем, и они пытаются летать на нас, но им не дают. А я и другие объясняли это морозами и связанным с этим замерзанием их синтетического бензина (так говорят){343}. У нас на Радио теперь часто тухнет свет, и надолго. Холод отчаянный. Начались морозы. Рубанчик никак не может дождаться, когда я тоже начну регулярно дежурить, но я оттягиваю это удовольствие. Вечер мы сидели в темноте. Не знаю, зачем я пролезал в темноте мимо Прессера, сидевшего между столом и кроватью Аркина, и, очевидно, спинкой стула у меня выдавило бумажник из кармана. Скоро я

хватился пропажи. Я был очень изумлен. Со мной этого никогда не случалось, и я стал вспоминать, где это со мной могло случиться. Я не мог сразу осознать всего ужаса пропажи. Не говоря о крайней неприятности при пропаже всех документов в военное время, я был обречен на полный голод до конца месяца, а при моем «чудном» питании потерять на 4 дня хлеб и суп — страшное дело. Я помнил, что в магазине этого со мной не могло случиться, поскольку я, входя в Радио, показывал пропуск, хранящийся у меня в бумажнике. Я бросился в уборную. Но в это время уже дали свет, и Аркин нашел мой бумажник, наткнувшись на него у своей кровати. Все было в порядке: документы и карточки, но деньги — 24 руб., бывшие в нем, пропали. <…> Сколько я их ни искал, найти их я не мог. Это были мои последние деньги. Лег спать я поздно, расстроенный. <…>

28 декабря.

В 6 час. утра я встал, чтоб встать в очередь за вином у Елисеева. Я стал просить денег, чтоб мне одолжили на пару дней, хотя никто не спал, никто меня «не слышал». Я был возмущен до слез. Наконец Рубанчик, под ругательства Аркина, дал мне 30 руб. Бутылку дал мне Ананян. На улице был страшный мороз. Я пошел с Ананяном и хотел убить двух зайцев, став за вином и папиросами. Я, конечно, не успел ни здесь, ни там. В 9 час. пошел в ДКА позавтракал. По дороге зашел к Любе и одолжил у нее 50 руб. Придя на Радио, сразу отдал Рубанчику долг. Звонил Нюре, что приду домой, но не пошел. На Радио целый день нет света. Сидел вечером внизу, потом поднялся наверх и лег спать.

29 декабря.

Встал попозже. Холод ужасающий. На репетиции у меня буквально отняло правую руку. Раньше у меня были холодны только пальцы и кисти рук. Пальцы на правой ноге я, очевидно, отморозил. Я их только чувствую. Они у меня распухают. Хожу злой, как это заметил Рубанчик. Сегодня у нас выходной день. Хотел пообедать и пойти домой. Но обед в столовой на радио запаздывал. Был только дрожжевой суп, и я в 2 часа ушел домой. Вчера в этой столовой был гречневый суп, и я, несмотря на то что прилично пообедал в ДКА, взял 2 супа. Собрал гущу в чашку и на утро имел каши немного. Домой пришел в 3 часа. Оставил портфель и пошел по магазинам искать вино. Был на нашем рынке и видел обменную торговлю. Вязанку дров мне предложили за 400 гр. хлеба. Плитка шоколада 150 руб. 100 гр. хлеба, если случайно найдешь за деньги, 50, 60 руб. В основном меняют дуранду на хлеб и наоборот. Коробка спичек 6, 7 руб.,

пачка папирос 10 руб. — «Звезда». Цены баснословные{344}. В маленьком магазинчике на Большом у 4-й линии без очереди плодо-ягодное вино 750 литр, но я хочу достать лучшего. Вскоре начался обстрел. Над нами свистели снаряды. Оказывается, рвались они у Мариинки, на Желябова{345}. Я побежал домой. К 6-ти пришла Нюра. Она еще вчера сварила суп из макарон и картошки с кусочком мяса. Такой роскоши нет нигде. Мы затопили печь. Отогрелись немного. Я съел 2 % тарелки этого густого супа, и мне стало нехорошо после голодовки. Я отогрелся дома вдвойне и теплом печи, и теплом и вниманием Нюры. Она мне подарила жизнь. Я отвел душу, рассказав ей о покраже и др[угих] переживаниях. Писал потом Мусе и папе о ней и всех ее благодеяниях в отношении меня.

30 декабря.

Проспав ночь в теплой постели, встал в 9 час. Зажег примус, там еще осталось немножечко керосина, подогрел суп и вчерашние жареные макароны. Наелся супу. Макароны уложил в банку и взял с собой. Пошел прямо к Любе. Ей Нюра послала немного макарон (гр. 300). От Любы пошел в ДКА, где съел суп с лапшой. Зашел в ТЮЗ и наконец получил расчет в сумме 232 р. Там были Шер и Шифман. Когда шел в ДКА, взял у Любы бутылки и чуть не получил пива, но, пока мыл их, мне уже не досталось. После репетиции взял опять у Любы большую бутыль и карточки на случай, если дадут конфет. Но ничего в ДКА вечером не было. Съел кашу и пришел к Любе. Здесь мне подогрели макароны (половину). Я поел и здесь же ночевал.

31 декабря.

2 хорошие ночи подряд. Тепло. В 8 утра пошел опять с бутылью в ДКА. Съел кашу, но ни конфет, ни пива не было. В вестибюле там лежала большая елка. Они собираются встретить Новый год по-настоящему{346}. Сегодня кончается туда мой пропуск. Очень жаль. Хоть бы получить пиво{347} и конфеты. Вчера читал мораль Бусе. Может быть, немного поможет, но пока лучше он не стал от этого. В ДКА пообедал одним супом. Кончились мои талоны, а вместе с ними пропуск в ДКА. К концу моего обеда стали давать монпансье{348}. Я взял для Любы этих конфет. Во время моего обеда был обстрел района. Как всегда, об этом было объявлено по радио с объявлением гражданам прятаться и прекращении движения post factum. Люба была очень довольна. Пива мне так и не удалось получить. Как потом выяснилось, у меня не было 4-го талона, по которому его получают, т. к. его мне отхватили, когда я получал у Елисеева

конфеты. Встречал Новый год в Радио (в уборной) и в 10 мин. первого сидел с ребятами. Выпил 8 стаканов какао с кипятком (выдавали по случаю Нового года у нас в столовой). Дежурной команде выдали шпрот по 3 шт[уки], вырезая 50 г. мясных талонов, а я, Петя и Рубанчик <…> получили по 100 гр. сыра с вырезкой 25 гр. тал[онов] масла. Тот самый эрзац (кстати, непохожий) сыра{349}, полкило которого мне дала Нюра без всяких талонов. Съел все это. Хлеб у меня был с кусочком соевой колбасы. Потом играли в лото, где проиграл несколько рублей. С 1-го января я начинаю дежурить в охране по-настоящему.

4-е января [1942 г.].

За эти сверххолодные и голодные дни не мог писать{350}. Нормы, конечно, не прибавили, наоборот, с хлебом стало ужасно{351}. Его нет в булочных, и народ целыми днями простаивает в очереди, чтоб получить свой несчастный паек. К счастью, мы на Радио получаем его утром в столовой. Холод на Радио ужасающий, всю ночь дрожу. Особенно закоченели и онемели ноги. Громоздкое здание не отапливается, света нет, и есть нечего. Живу эти дни на свои 200 гр. хлеба и тарелке жидкого супа. 29/XII умер старик (52 года) Брылев{352}, хорист, живший с нами в комнате. Он ушел домой и в этот же день скончался от истощения{353}. Значит, можно умереть не будучи опухшим{354}. Сведения о смертях знакомых следуют ужасно быстро. У Рубанчика грабители задушили тетку с двоюродной сестрой (мать валторниста Шапиро). Сегодня нас известили о смерти Срабова. Он вчера только шел, но не дошел на работу. А мы не верили, когда он жаловался. К вечеру свалился виолончелист Лейкин{355}. Его и какого-то Верховского{356} свезли в больницу, но можно их уже считать мертвыми. На Радио за эти дни умерло много народу, так что некому дежурить. Рубанчик уже 2-й день ходит опухшим. Опух также Ерманок. Увидев это, я испугался. Оркестр, очевидно, перестанет работать. Это решила дирекция, т[ак] к[ак] очень многие опухли и еле двигаются: Таракан{357}, Ананян, Лейкин и др. Умер фаготист Воробьев{358} (кажется, это его фамилия). Короче говоря, многие еле дышат и ждут смерти со дня на день. Я просился домой вчера и даже звонил Нюре, что буду, но меня не отпустили. Сегодня ночью я дома, но Нюры нет. Боялся, что ничего дома не застану, но, во-первых, нашел соленую помидору, во-вторых, отваренные макароны, полную большую кастрюлю, и потом уже в шкафчике хлеб и 3 оладьи. Спасибо, спасибо Нюре. Я так скоро не умру, если она меня не оставит и будет и впредь подкармливать. Я сегодня наелся досыта. Затопил печь, согрел макароны — суп.

Сам себе сделал оладьи (Нюра натаскала муки). Завтра возьму их с собой. Из-за окна достал кусочек свиного сала, давно, давно принесенного Нюрой, поджарил (сжег) кусочек и сдобрил им свою тарелку густо[го] супа. Потом выпил 4 стакана чаю с сахаром и конфетами и съел гр. 50 шоколада. Я подкрепился на славу.

1-го числа играл по рекомендации Аркина шефский концерт по приглашению Шестаковой в госпитале. Далеко было идти на Биржевую линию, 16, на Васильевском у Малой Невки. Там были Вельтер, Ульрих{359}, Висневский{360} и ноющие родственники Шестаковой{361}. Главный врач госпиталя, очевидно, ее родственник или очень близкий человек. Ульриха не узнать, настолько он похудел и постарел. Угощали хорошим, жирным супом и немножечко каши манной с 4–5-ю черными макаронами, хлеба гр. 100 и полстакана вина. Хорошо, но я только после еды захотел есть. Надо зайти к Любе и узнать, как у нее дела. Так вот оно, начало 1942-го года. Все ждали прибавки продуктов. Она не состоялась. Вместо улучшения наступило ужасное ухудшение. Жиров не выдают за декабрь{362}, и смертность увеличилась донельзя. И неизвестно, когда наступит улучшение. Немцы нас потому, наверное, и не обстреливают часто, что знают, сколько народу гибнет и из них 90 % мужчин. На кладбищах трупы сложены штабелями, многие из них раздеты. Роют неглубокие траншеи и сваливают туда в братские могилы{363}. В городе совершенно нет топлива. Этим многие объясняют отсутствие хлеба в булочных, которое в последние дни навело на публику паническое состояние. Боже! Что ж это будет? К весне и оттепели ждут страшных эпидемий{364}. Начался переучет военнообязанных. Судя по вышесказанному, переполненным больницам и все ухудшающемуся пока продовольственному кризису, многих недостанет. Боже, упаси меня от военной службы. Нужно форсировать создание нашей бригады с Нечаевым и Шестаковой и закрепиться за политуправлением армии. Это при удаче могло бы спасти меня и наш квартет. Мусе не могу писать. Сегодня получил от нее еще одну идиотскую открытку. Она, очевидно, не получила моей телеграммы. Письма идут еще хуже, чем раньше{365}. Несмотря на победы(!?) на фронте, в стране увеличивается развал. Хухрины и Бан[н]овы{366} живут себе неплохо и создают невыносимые страдания огромному, подавляющему большинству.

9 [января].[14]

4-го вечером нам наконец поставили печурку. Она внесла какое-то оживление. К нам переехало много народу: Кутик{367},

Бабаев{368}, Сафонов{369} и др. К нам отовсюду стали приходить погреться{370}. Первые два дня было хорошо. Мы играли в лото. Я играл 2 раза{371}. 1-й раз под Новый год я проиграл несколько рубл[ей], теперь выиграл руб. 4. Дежурства на вышке отменены. Теперь мы дежурим на внутренних постах: в студии и внизу у входа. Дежурим мы ночью по 2 часа. 6-го был на переучете. У меня отобрали военный билет и дали повестку на 8-е «на комиссию». Я уж думал, что все кончено. Надоедал Прессеру так, что он меня выругал. Ходоренко не взял мою повестку и сказал, что даст ответ 7-го.

7-го я пошел с Прессером, Прокофьевым и др. к Шилкину в спецотдел. Там им выдали старый, недействительный спецучет, а обо мне он вообще ничего не знал. В оркестре мы сейчас не играем. Это хорошо, потому что мы не мерзнем в студии. У меня приличней стали руки, кажется, отходят ноги. Прокофьев с ума сошел и ужасно захандрил. Они с Рубанчиком пошли к Ходоренко, и он их успокоил, что скоро станет хорошо. Прокофьев захотел очутиться по ту сторону, но это невозможно. Он забеспокоился оттого, что Баккара{372} стало плохо, история с Лейкиным на него подействовала. Умер Вахрушев и Поляк{373}. Ему показалось, что он тоже умирает, и он заскулил во всю мочь{374}.

8-го утром был с Прессером у Ходоренко. Он дал мне бумажку, что я уже на спецучете, но не оформлен, и просил отложить мой призыв до оформления. Я с этим ушел, не веря в ее действия. Эти дни ежедневные обстрелы. И сегодня, 8-го, все время стреляют. Я решил пойти с этой бумажкой к военкому. Я его долго искал. Обошел на Васильевском все три пункта военкомата и наконец все-таки нашел его. Передо мной один молодой парень просился в армию, несмотря на то что имел спецучет. Он его направил. Потом я дал ему свою бумажку. Он написал «освободить от мобилизации до оформления спецучета». Мне стало легче. Я до военкомата был дома и оставил портфель. В ящике стола нашел кусок коржа, который испекла и оставила Нюра. Я съел кусочек и взял его с собой. По дороге я все время откусывал во время поисков военкома. Придя с бумажкой на пункт, я без очереди вошел в комнату и через несколько минут вышел с отданным мне билетом. Итак, и в третий раз я победил. Что теперь дальше будет? Буду надеяться, что Ходоренко не соврал насчет спецучета, и я его все же получу. Из военкомата я пошел домой. Пробовал делать блины, но ничего не выходило. Плохая мука или это потому, что я жарил на большом огне. Пришел Шифрин, хочет устроиться на Радио, но теперь это невозможно. По-моему, он пропал и ему не избежать призыва, а

может быть, он вывернется. <…> Взял с собой муки и льняного масла. Забрал все конфеты, которые я берег для Симульки и Муси, сахару и пошел в 5.15 на Радио. Пришел веселый к разводу. Сегодня я дежурю с 1 до 4-х внизу. Комната наша превратилась в проходной двор. <…> Ночью топил нашу печь бухгалтер Иванов. Ужасно надымил и потом влез грязными туфлями к Лейбенкрафту в кровать. Я пришел в 6-м часу утра. Проветрил, выгнал его из Костиной кровати, который в это время дежурил на 2-м посту. Я сделал себе чай и выпил с невиданным удовольствием и лег спать, прослушав последние известия.

9 января.

Вчера вечером с нами в комнате беседовал секретарь парткома. Из разговора выяснилось, что дорога и прорыв блокады будут не скоро. Пока что мы все превратились в скотов. Не умываемся даже по утрам, не говоря уже о том, что по 2 месяца и больше не были в бане. Воровство продовольствия, этих крох, получаемых нами, развилось и приняло ужасающие размеры. Рвут из рук. Лучше всех живет у нас N. Эта сволочь достает где-то и жрет масло, сахар, мясо, кильки — все то, о существовании которого мы забыли. Встал я около 2-х часов и пошел в столовую. Очередь громадная. Наконец около 3.30 пообедал и опоздал на напрасный сбор оркестра, за что получил выговор от Прессера. Суп ужасный, из шелухи пшеничной, мелко посеченной. Ел и плевался, и за это вырезали 25 гр. крупы. Котлетка с гарниром этой сечки с крупинками и желе. Видел Ерманка. Он уже сделал ноты для Нечаева. Оформить бы скорее нашу бригаду. Планов столько! И один лучше другого. Хоть бы пронесло этот переучет у Шифмана. Тогда начнем что-нибудь делать. После развода был в магазине Елисеева. Дают котлетки. Очередь большая. Был на Ракова. Этот магазин совершенно пуст. 4 рваных пачки кофе — вот его весь товар. Опустил письмо, написанное вчера Мусе. Хотел поздравить ее с Новым годом и все забываю. Я его писал во время беседы вчера парторга. Бедные мои малыши, выживут ли хоть они? Ну и мельница! Мировые жернова, за что? Рубанчик разбил […], в котором брали воду… <…> кретин поставил его на печь, и он, конечно, лопнул. Теперь не с чем ходить за кипятком. Дома у меня тоже нет воды{375}. Город, с его громадными разрушениями, без воды, без света и без транспорта. Все это я предвидел, но все же не знал, какие это прелести. Магазины «торгуют», собственно, торгуют только булочные, при тусклых лампадках. Ведь все окна и витрины забиты досками. Какое жуткое зрелище представляет город своими руинами от авиабомб, забитыми окнами, подбитыми трамваями и

оборванными проводами от обстрелов, баррикадами{376}, с бледными, качающимися, еле идущими, хмурыми жителями его, идущими, исхудалые донельзя, по улицам десятки верст из дома на работу и обратно или на промысел съедобного типа дуранды, с постоянно встречающимися гробами и покойниками без гробов, с его громадными очередями. А Ходоренко говорит «крепитесь, скоро». Если сможем дождаться, то подождем. Что ж, пока он мне помог, и очень много. Все получили зарплату, кроме меня. Мне выпишут за целый месяц.

10 января.

Был утром у Любы. Соломон здоров и, судя по рассказу приехавшего оттуда с письмом от него, неплохо устроился. Он приготовил мешок картошки, чтоб отправить его при первой возможности домой. Пил у Любы кофе с монпансье. Меня она угостила маленьким кусочком хлеба. Оттуда пошел в аптеку, достал 5 пачек «пирамеина»{377} от головной боли. Очень доволен. Хотел еще в Пассаже купить иглы с нитками в футляре, но Пассаж закрыт. Сегодня нам выдавали сыр без талонов по полкило. Получил его около 4-х. Рубанчика и Прокофьева отправляют в санаторий для поправки{378}, а Лейбенкрафт тает изо дня в день. Я, когда был дома, захватил с собой муки и варю из нее клей, т. е. кашу. Неплохо. Нехорошо только, что все видят и завидуют. Сегодня читал драмы Чехова и «Гитлер против СССР»{379}.

11 января.

2-ю ночь пользуюсь одеялом Шредера. Мне тепло под этим ватным одеялом, а в эту ночь еще подложил матрасик Кутика. Было совсем замечательно. Сегодня <…> забирает его у меня. Буду спать на кровати Савельева. Звонил с утра к Нюре, но никак к ней не дозвониться. Столовая ее день или 2 не работала. Был Ерманок. Я звонил ему, чтоб он пришел получать сыр. Нечаев сегодня не приехал, и оформление при политуправлении, о котором мы мечтаем, опять не состоялось. Ужасная бесперспективность. Сегодня опять мерз. На улице жуткие морозы по 30°. Согреться можно только у дымящей печурки. Рубанчик невыносим, Прокофьев тоже хандрит и обижен. <…> Утром ел свой клей, днем взял 2 желе, съел весь свой хлеб и часть сыра… Надо терпеть. Не знаю только, доколе это будет возможно. Завтра мне 32 года. Положение в городе все хуже, и все потеряли веру в спасенье. Книжка кончается, но в ней так мало важного, действительно характерного для нашего времени. Жаль, что я так близорук. Добавлю только, что на рынке все становится изо дня в

день дороже. Продуктов меньше. Шоколад, плитка — 180–200 руб. Неделя тому назад — 150. Хлеб, если его достать за деньги, — 40 руб. 100 гр. 400 руб. килограмм! Масла и др[угой] роскоши совсем не видно. Меняются в основном: хлеб, овес, дуранда, дрова — одно на другое{380}. Пачка папирос рублевая — 15 руб., спички — 10 р. Бутылку вина мне предложили за 50 рубл. пол-литра и т. д. Умерла уборщица Васильева, которая все время у «титана» пила чай по 20 стаканов. Она вчера бредила в соседней комнате и кричала на нас, что она не воровка. Сегодня Ясенявский и Аркин отвезли ее вечером за полкило сыра в морг на ул. Маяковского. <…> Мне нужно завтра увидеться с Нюрой и чтоб приехал Нечаев и состоялось оформление. Сегодня я получил удовольствия в виде дыма при относительном согревании холода, и вполне осознал нашу компанию с ее оптимизмом. На днях в дремоте я ясно ощущал, как Мусины руки гладили меня по лицу. Я воображал, что еду на яхте. Мечтал, мечтал о своих дорогих малышах. Думаю теперь, к стыду, очень редко. Енька Зингер{381} стал доцентом Московской консерватории. Уехали Юхнин и Герчиков, оставив оркестр 5 морей{382}. Неужели мы все здесь погибнем?

Третья тетрадь

14 января 1942 г.

9 ч. 30 мин. вечера. Я в хорошем состоянии. Только что съел кусочек жареной свинины, пролежавшей за окном дома месяца 2–3, его принесла Нюра. Я захватил его с собой вчера утром. Ведь мне вчера исполнилось 32 года[15]. А кругом ад. Когда я его жарил, здесь был Хухрин и тающий Лейбенкрафт (от голода) плакал, что его не отправляют на поправку, как ему это обещал Ходоренко. Прудникова{383} вместо него назначила Шаха. Дело в том, что отправляется от Радиокомитета 10 чел[овек] в так наз[ываемый] «дом отдыха», наиболее истощенные, и в их числе Прокофьев и Рубанчик. Последний явно симулирует, и, хотя он был распухшим, теперь он поправился. Назначенный туда же Соболев{384} скончался в прошлую ночь. Лейбенкрафт действительно очень плох. Он целыми днями лежит в постели. Мы здесь живем в общежитии на 6-м этаже, в 30-й комнате, в страшной грязи, в дыму и копоти, но это все же гораздо лучше холода. Я уже недели не умываюсь вообще. В бане не был 2–3 месяца, но у меня действительно нет сил. Саше Прессеру вчера показалось, что я распух. Рука правая у меня действительно распухла 3-его дня и вчера утром. Вчера я побрился и испугался своей худобы. Борода ее очень скрадывает. Последнюю неделю питаюсь ржаной мукой, сваренной в виде обойного клея. Но это мое первое впечатление от серии чудесных каш, которые я теперь варю из ржаной муки и сдабриваю поджаренным льняным маслом. С какой завистью поглядывают на мои каши мои голодающие сожители. Особенно Прокофьев, ранее ко мне хорошо относившийся и имеющий первую категорию{385}: 350 гр. хлеба против моих 200 гр. и в полтора раза, минимум, остальных продуктов больше моего. Я чувствую, что очень истощен и, главное, потерял веру в спасенье, несмотря на болтовню и обещания ответственных] работников на скорое избавление от блокады и голода. Все обещанные ими сроки прошли{386}. Я сегодня валялся днем с головной болью, и, несмотря на каши и съеденные сегодня 400 гр. хлеба, я все время голоден. Что ж тогда говорить другим? Но они не говорят, они просто умирают. Наше положение фактически ухудшилось, т. к. масло за 3-ю декаду декабря пропало. И не только масло, а все продукты, которые население не успело выкупить{387} за декабрь м[еся]ц, пропали: и масло, и мясо, и кондитерск[ие] изд[елия], заменяющие сахар. Несмотря на то что прошла уже половина января, еще ничего не выдавали, кроме хлеба, и только со вчерашнего дня начали

выдачу в виде аванса населению по 400 гр. крупы и по 100 гр. мяса. В ночь с понедельника на вторник (12-го на 13-е) был дома. Удалось созвониться с Нюрой. Я так хотел ее видеть, ведь я ее еще не видел в этом году. Но разговору у нас было мало. Она все-таки слишком проста и страдает от моего страстного желания уехать. Она не может понять обстановки, и логические доводы не укладываются в ее голове, полной впечатлений от идиотских слухов и разговоров ее сослуживцев. Когда я пришел домой, уже топилась печь и варилась каша, гораздо вкусней моих, и я оглоушил всю кастрюлю. У нас было мало воды, но я ей выделил стакан кипятку из моего чая, и она сварганила лепешку. Я не ожидал, что она спечется, [и] вообще рассчитал использовать ее завтра, но она скоро испеклась. Оказывается, в печке оказалось для этого достаточно жару, и Нюра попробовала ее вкус. Я тоже попробовал и, уже не удержавшись, съел ее всю. Я получил от этого нескончаемое удовольствие. Ночью часто просыпался. У нас дома холодно. Теперь в общежитии гораздо теплее.

15 января, 12 час. ночи.

У нас в комнате все переболели легким гриппом. У всех больны глаза. Очень слезятся и красные веки. Только я и Аркин еще не болели. Теперь все спят. Аркин, когда узнал, что я веду дневник, смеясь, заявил, что это, вероятно, стенографически-гастрономический отчет. Сегодня Прокофьев был у себя дома и рассказывал свои переживания. Проходя мимо садика, запущенного, всего в сугробах снега, он вспомнил, как в нем играли дети, как он среди них находил своих ребят, теперь он пуст. Дом, в котором была булочная, где он брал булки и покупал конфеты, разбит бомбой, и булочная разворочена, а у уцелевших булочных стоят громадные хвосты при ужасных морозах на улице. Какое счастье, что мы берем хлеб у себя в Доме радио. Я, идя домой, в свое время тоже замечал места, где мы гуляли с Симой. Теперь я уже, проходя, не мечтаю о прошлом, а думаю: «Скорей бы пройти до обстрела». Я мало думаю теперь о своей семье. Наконец увидел сегодня Нечаева. Как мне сказал Ерманок, он действительно был на Радио в 10 час. вечера. Но как я ожидал, он не стремился создавать бригаду и побаивается опасной поездки. Из этого ничего не выйдет. Все же завтра он встретится с Ерманком. Моня бывает и в ТЮЗе. Он не оставил мысли об отъезде, как я узнал из встречи с Суходревом{388}. Был у Любы. Она еще больше похудела. И несмотря на свои обманутые ожидания об улучшении в январе, все еще на что-то надеется. Третьего дня передавали беседу{389} с секретарем Ленинградского] гор[одского] ком[итета] ВКП Попковым{390}.

Дурацкая публика из его туманных обещаний уже сделала далеко идущие выводы о скором — сегодня, завтра — увеличении нормы продуктов{391}, но это чушь{392}. Петелька медленно, но верно затягивается. Люди гибнут как мухи, и я не надеюсь дотянуть до улучшения. Раньше, когда у меня были дрова и мы с Нюрой ходили домой, она приносила и подкармливала меня. Теперь же я здесь, а она живет у Даши и, конечно, все, что ни утащит, тащит туда. Мне теперь уж не найти дома того, что было прежде, а голод продолжается и ухудшается, и если даже он облегчится, сразу же начнутся усиленные бомбежки и обстрелы. Ужасно, что электростанции почти не работают, и нет энергии даже для трансляционной передачи. Теперь не объявляются по радио воздушные тревоги. Их сейчас нет, но, когда они будут, я себе не представляю, как об этом дадут знать населению. У нас в самом Радио это на днях передавали устно — «кто-то пришел и сказал». Я вчера дежурил у входа и, хотя съел 400 гр. хлеба за весь день, а вечером кусочек свинины и согрелся, придя в 12.30 с поста с остывшими ногами, так и не мог согреть их до утра и встал в 9 час. с ужасно холодными, застывшими ногами. Это одно свидетельствует о том, что я страшно ослабел и истощился, а теперь, потеряв веру все-таки выбраться отсюда, я совсем упал духом. Сегодня я лежал и встал в 9 веч[ера] только затем, чтоб увидеть Нечаева. Из-за этого я съел кашу, которую не мешало оставить на завтра, и вообще мне нужно растягивать продукты, которые с каждым днем становятся ценнее и пропадают на рынке. Сводки наши бледны, о Ленинградском фронте уже месяц, как не сообщали ничего хорошего, видно наступление застыло. Война затянется. Как сказал Нечаев, на севере из-за темноты нет активных военных действий, которые начнутся примерно с февраля. В Мурманске стоят английские экспедиционные войска{393}.

Изматывают еще очень очереди за обедом, когда выстаивать приходится за тарелкой супа по 1½ часа в ужасающем холоде в столовой на каменном полу. Какое спасенье наша печурка. Пусть чад, смрад, дым и грязь, но все же около нее обогреваешься немного от всеобъемлющего и всесокрушающего холода, губительно, смертельно действующего на наши истощенные организмы. Ведь даже Аркин потерял свой оптимистический нахально-навязчивый тон и меньше утешает и официально ободряет. Оказывается, донором неплохо быть. Ясенявский и Аркин, кроме 1-й категории, еще получили массу продуктов в виде единовременной выдачи{394}. Как я просчитался, что в свое время не пошел на это, но я боюсь крови. Мне и сейчас нехорошо, как только назовут это слово.

16 января.

Пожары. Из-за железных печек, установленных в домах и учреждениях, возникло за последние дни масса пожаров. Печки установлены для экономии топлива{395}. Я по глупости не дал Нюре в свое время приобрести «времянку» или «буржуйку»{396}, как они прежде назывались, за 400 гр. хлеба, т. к. за деньги они не продавались, или если достать за деньги, то они стоили 250 и больше рубл[ей]. Теперь у меня поэтому нет дров. Горел Гостиный двор, на Пантелеймоновской, у Цирка и др. Т. к. все замерзло и воды нет, то, пока пожарные добывали воду, выгорали целые здания. На завтра в 1.30 назначена реп[етиция] с Нечаевым. Сегодня был у нас в комнате Хухрин, и ему подали мысль — для спасения вымирающего оркестра спасти его эвакуацией{397}. Он, кажется, ухватился за эту мысль. Как-то посмотрит вышестоящее начальство. Сегодня я себя чувствую бодрее, хотя пролежал до 1.30 и проворонил хлеб. Мне его не досталось, и я в первый раз ел только в обед в 4 часа, и то холодный суп, желе и кашу. Опять про гастрономию и Нюру: она ведь меня фактически содержала с конца августа. Она приносила по 5 котлет, колбасу, свинину. Ее щи — густые, жирные, она мне уступала свой хлеб, приносила каши, стирала мое белье. И за все это не брала ни одной копейки. Она поддержала меня самым настоящим образом. Может быть, да и наверно, только поэтому я сейчас еще бодр. Я сегодня даже проявил активность, сходив за дровами 2 раза вниз и за водой. К ночи я после недельного перерыва умыл руки, шею и лицо. На улицу не выходил. Прессер говорит, что я бодр оттого, что был все время в тепле. Это верно. Какое счастье наша маленькая печурка. Хотел звонить Нюре, но не звонил. Заканителился с обедом. Боюсь, что она мне теперь ничего не принесет. Пришел Баккара и взял у меня одеяло, я боялся, что замерзну, но ушел Савельев и отдал мне матрац и одеяло ватное и пальтушку. Теперь мне будет тепло. Вот как спасает случай, и поэтому не надо отчаиваться. В городе, говорят, с хлебом опять ужас. Его нет в булочных, и народ простаивает целыми днями. Хорошо, что я беру на день вперед, а то бы мой хлеб пропал. Не проспать бы завтра и получить его. Завтра уходят на стационар{398} Рубанчик, Прокофьев и Баккара. Лейбенкрафту и Кутику дали спецпитание. Лейбенкрафт ожил и, очевидно, под впечатлением разговоров о возможном отъезде в особенности. Он даже играл в лото. Протянуть бы муку до свидания с Нюрой и не потерять ее помощи, не то я погиб.

1-е февраля 1942 г., воскресенье.

Сегодня я дома. Ушел из Радио в начале пятого. За эти 2 недели был дома 2 раза, по понедельникам. Брал с собой муки и понемножечку крупы. В первый раз овсянку, во второй пшеничную. За это время многое переменилось. Во-первых, мы не работаем. Я только дежурю. Аркин и Ясенявский отлынивали понемногу от этого дела, а теперь из нашей комнаты дежурю только я. В Радио вовсю рубят и пилят мебель на дрова. Благодаря этому у нас сухие дрова, мы к этому еще крали доски на чердаке и топим уже не бумагой, а сухими досками. Печка почти не дымит, но в общежитии все равно ужасно грязно. Я по неделям не умываюсь. Даже руки и те умываю раз в 2–3 дня. Из-за ужасной грязи и возни с печкой грязь въелась в тело и ее, кажется, не отмыть вовек. Положение наше ухудшается со дня на день, и то, что казалось концом страданий, оказывалось еще далеко не концом. Утренние стоянки в ужасном холоде в столовой на каменном полу за хлебом, которого вечно не хватает, и за обедом, выражающемся в тарелке жидкого супа, ужасно изнуряют, но все же это куда легче, чем остальному населению, выстаивающему целыми днями в очередях при теперешних жутких морозах в 30 с лишним градусов. Тем более что, благодаря близости общежития, мы все время бегаем обогреваться домой. Неделю тому назад отправили в госпиталь (стационар) Лейбенкрафта и Шредера{399}. С Лейбенкрафтом у меня произошли большие неприятности… <…> когда его отправляли, он пристал ко мне, чтоб я его проводил. Я и так боюсь ходить по городу, и я ему отказал… <…> Он <…> упорствовал, и я, считая, что я достаточно поухаживал за ним первую половину дня, сварив ему кашу и делая др[угие] услуги, он не ушел и вернулся обратно. К счастью, на следующий день Андрей подал мысль заплатить уборщице, чтоб она его проводила. Так оно и было. Он был благополучно доставлен, но я ужасно волновался эти 2 дня. В особенности в первый день, когда все ушли и я мечтал, проводив больных, позаниматься немного на скрипке. Это мне, конечно, не удалось. Несмотря на то что Радиоцентр переведен на особый кабель, по которому у нас все время должен быть свет{400}, свет часто гаснет на целый день. Мы собираемся в кружок у печки, греемся и разговариваем. Настроение подавленное, и не столько потому, что нам холодно и голодно, но особенно ужасно то, что мы ожидали резкого улучшения в связи с близким прорывом блокады, но чем дальше, тем положение безнадежнее. Прорывом блокады пока и не пахнет. Продукты за декабрь (жиры и невыкупленные др[угие] продукты) пропали. Голод все усиливается, грязь из-за отсутствия воды и холода все больше. Уборные везде загажены и закрыты{401}.

Уборщицы болеют и большей частью околачиваются в столовой, ничего не делая. Куб, из которого мы брали кипяток («титан»), сняли будто бы для того, чтоб починить, но обратно не поставили. От этой грязи во всем городе, массы неубранных или плохо убранных трупов все ждут весной, кроме бомбежек, и страшные эпидемии, которые, несомненно, возникнут при потеплении, когда снег и грязь расплывутся. Участились случаи убийств на почве грабежа и людоедства{402}. Вернулся Лейкин, которого мы отправили 3 недели назад в полумертвом состоянии. Он лежал в больнице в страшном холоде и абсолютной темноте, т. к. окна забиты досками, а света нет. В его палате лежало 5–6 человек, и почти ежедневно кто-нибудь умирал, иногда двое умирало в сутки. Человек лежит, разговаривает, и через полчаса он уже готов. Кормили там очень плохо, но там, очевидно, все-таки лучше кормили, чем в нашей столовой, т. к. он немного окреп. Трупы в больнице складывались в сарай, как дрова. К Нюре мне очень трудно теперь дозвониться. Во-первых, у нас в Доме радио испортились телефоны. Я стою на холоде по 20–30 мин. в 41-й комнате и держу кнопку испорченного телефона. Нюру, как правило, не вызывают, но все-таки пару раз за все время я ее добился. Вдруг неделю назад в городе не работал 3 дня телефон, но это ужасное бедствие перекрыло последнее несчастье — в город перестали подавать воду{403}. Это меня как обухом ударило. Неделя, как нигде не идет вода, и весь город тащит воду из рек: Невы и Фонтанки. Мало того что нет продуктов, мало очереди за хлебом, так еще воду тащить бог знает откуда. Мы брали снег на крыше, растапливали его, но вода от него такая грязная и дурно пахнет, что это добывание воды из снега доставляло мне больше мучения, правда, очищение воды от грязи отнимало много времени, и это уже было хорошо, т. к. безделье страшно угнетает. Вернулись, как я уже, кажется, писал, Прокофьев и N. С последним я ужасно ругаюсь. Он стал еще невыносимее. Кричит о том, что его спасли от смерти, хотя и сейчас его жизнь в большой опасности, если он что-либо будет делать. Ему надо лежать, чтоб ему все подавали и т. д. Говорит он очень тихо, чтоб подчеркнуть свою слабость. Ленив он невероятно, нахален, и я своей несдержанностью нажил в нем ужасного врага. На днях зашел Хухрин. Он теперь к нам часто заходит и рассказывает, что выехать очень трудно, а коллективом невозможно, несмотря на благожелательное отношение к этому дирекции Радио. В связи с последним выступлением Попкова и его призывом к очищению города от грязи и нечистот{404} все: и больные, и здоровые из нашей комнаты — должны были идти на связанные с этим работы. N, как всегда архитихим голосом,

заговорил о своей слабости и способности к смерти. Я имел глупость сцепиться с ним и Прокофьевым. Скандал был большой. Утром еще я как дневальный выносил ведро{405} и по совету Прессера пошел по черной лестнице, где было темно, и в довершение дверь на улицу оказалась закрытой. Я достаточно помучился и, придя в комнату, назвал его скотом, не ожидая, что это произведет такой отрицательный эффект. Он на меня взъелся не на шутку, и, таким образом, я в один день заимел 3-х могущественных врагов. Прессер был еще на меня сердит за то, что я не мог ему больше принести масла и муки, и он искал случая отомстить мне или меня помучить. Он его теперь нашел. Я больше всех дежурю и «чужак» в общежитии. К счастью, это продолжалось 2–3 дня. Я не получил спецучета, которого так жаждал и надеялся получить после замечательной бумажки Ходоренко. Не получили его и Кутик, и Прокофьев. Бабаева призвали в армию. Я бросился к П[рессеру], ожидая в скором этого и для себя, но П[рессер] со своим обычным спокойствием заявил мне, что «все будет в порядке». Я сам пошел к Хухрину выяснить этот вопрос. Он сказал, что узнает. Я ему, конечно, не поверил, и, как впоследствии оказалось, он был слишком занят собой, стараясь эвакуироваться хотя бы сам, без оркестра, чтоб справляться обо мне. Все кругом стараются уехать. У меня тяжелое состояние, и я часто спускаюсь в мастерскую, где проходят горячие трубы, грею ноги и отдыхаю один от окружающих в общежитии. До скандала я как-то расчувствовался с Кутиком, и он мне рассказал, что они, т. е. П[рессер], он и Аркин, предпринимают шаги к отъезду. В компанию включен и я. Я поговорил с Аркиным, и казалось, что вся остановка в транспорте. Я взялся тоже помочь, использовав для этого Ерманка и его связи. Все, как полагается, оказалось блефом, но в какой-то степени сблизило меня с ними. Как-то, когда я стоял на посту, пришел актер, на которого не был оставлен пропуск, я его не пропускал. Разговорился с ним. Он оказался Чобуром{406}, актером театра Радлова{407} (который, я слышал, должен был эвакуироваться) и секретарем партбюро этого театра. Он обещал меня устроить в театр и забрать отсюда. Опять, наверное, чепуха, но если б это вышло… Получил в предыдущий приход домой письмо от Муси. Письмо ужасное по настроению и беспомощности. Я невероятно злился, не находя выхода своей злости. Я ей ответил через неделю. Мои письма к ней злы и беспощадны, хорошо, если они к ней не доходят. 30/I вдруг ко мне подошла из спецотдела Измайлова и велела зайти к ней. Меня это взволновало. Не меньше я был удивлен, когда она мне вручила повестку явиться в Большой дом{408} на Литейном. 1-го

числа я там был, но прием был отложен на 2-е. О чем я только не передумал по дороге туда. Я думал, что больше меня оттуда не выпустят, что на меня сделан ужасный донос. Подумал я и о наследстве из Америки — какой вздор! Пришел я туда рано и пошел к Любе коротать время. Во дворе я встретил плачущего Бусю. У них умерла маленькая Маргарита. Люба мечтала, что после войны этот ребенок будет для них большой радостью, но ее жизнь оказалась намного короче длительности войны. Вечером я был дома{409}. Как я ни добивался этого вечера, меня заставили дежурить, и я пошел домой только в воскресенье. В первый раз за все время Нюра ничего мне не могла дать. Она эту неделю ничего не приносила. Я к ней эти дни совершенно не мог дозвониться, и, хотя в прошлый раз, когда я был дома, мы договорились, что Даша в среду переедет ко мне, я боялся идти без предупреждения. Но сколько ни звонил, не мог добиться Нюры. Хотел идти в субботу 31/I, но заставили вечером дежурить, и мне пришлось идти в воскресенье 1/II после того, как я был в Большом доме. В субботу, кстати, целый день стреляли. Вышел я в начале 5-го. Замка на двери не было, но дверь была закрыта. На мой стук ответил Надькин голос, что «мама скоро придет». Я взял у Купцовых ключ и вошел в комнату. Приятным было то, что не было адского холода, которого я так боялся при посещениях дома. Было так холодно, что я не мог стоять на полу и всегда переминался с ноги на ногу, стараясь поменьше касаться пола. Все замерзало, и Нюра мне пожаловалась, что графин лопнул. Правда, она его отогревала у печки, но это не в счет. Она не оставила своей старой привычки бить нещадно посуду. Оказалось, что все чашки перебиты. Я отвлекся. Даша скоро пришла. Она ходила за водой на Неву. Надя все время кружилась и прыгала, пока мы с Дашей разговаривали. Оказывается, за эту неделю Нюра ничего не принесла домой. И несмотря на то что я принес керосина 2 литра, вымененного у Лейкина, которому я отвалил за это 3½ чашки муки, я еле взял у них 2 чашки муки: одну для отдачи Лейкину, другую для себя. Угостили меня вечером студнем, очень хорошим, из свиных шкурок, и макаронным супом, в который Нюра положила немного мяса. Утром, доев свою тарелку студня, я ушел.

В среду **4/II** я опять пришел домой. Нюра больна животом. Опять ничего не принесла. Я помогал пилить кряжи дров и расколол все кряжи. Поели мы около 7-ми час. кашку мучную. Нюра дала мне 1½ тарелки. Вкусно. Правда, я и поработал. Теперь мне везет на работу.

5/II меня послали с Бердниковым[410] и Славентантором[411] грузить дрова из Новой Деревни[412]. Туда мы должны были идти пешком, а обратно на машине. Я теперь недоедаю, вернее, голодаю более обычного, и мне стало страшно после прогулки с Васильевского теперь идти в Новую Деревню. Если я раньше, получив свою порцию хлеба, делил ее и не сразу ел, то теперь я съедаю свои 300 гр. сразу, не имея силы воли удержаться, причем я совершенно не чувствую, что перекусил. Я так же голоден, как и до еды, если не больше. Ушли мы на работу в 1-м часу дня. Шли часа 2. Грузили, т. е. тащили дрова к дороге, мы с Славентантором, пока жулик Бердников звонил 2 часа по телефону, и натащили мы около 3 метров дров. Пришел Бердников, за которым наконец пошел Славентантор, и мы ждали, как было обещано, машину с минуты на минуту, нажимая в работе, чтоб привезти побольше. Но мы зря старались. Машина не приехала, и мы в 7-м часу поплелись обратно пешком, будучи заверенными директором з[аво]да «Ильич», отпускавшим нам дрова, что сложенные нами дрова у дороги будут за ночь разворованы и, таким образом, наш труд совершенно был напрасен. Пришел я на Радио, когда уже было темно. Внизу увидел Бан[н]ова, который пытался оправдаться, ожидая нападок, но я только поблагодарил за потерянный обед, но оказалось, что, несмотря на позднее время, нам обед оставлен, и я пошел его получать. Это оказалось не так легко, но ко мне примазался Прокофьев, и наконец я получил суп и 2 колбасы (по 50 гр.). На следующий день оказалось, что у меня ужасно стерты ноги, и я не мог ходить. Хочу вырваться из этого города, но ничего не выходит. Каждый день захожу в театр Радлова и ищу Чобура и Ершова[413]. Но за все время только раз видел Чобура, который посоветовал мне не волноваться, что все будет в порядке, и я понял по тону его разговора, довольно пренебрежительного, что у меня и тут ничего не выйдет. За последнее время и мне на глаза попадаются беспризорные трупы. В среду, когда я был дома, в парадном у нас лежал труп. По дороге на Радио увидел на ул. Ракова у самой Садовой труп, который лежал 2-е и[ли] 3-е суток, пока его прибрали. Это я видел в течение одного часа, а за последние дни на глаза мне их попадало множество одетых и раздетых. У нас на Радио еще умирали, хотя стали отправлять на стационар. Недели 2 тому назад отправили Скородумова[414] в Октябрьскую гостиницу[415], где он и умер на 2-й день. Соболев умер в ночь перед отправкой в больницу. Теперь и меня преследует мысль о голодной смерти. Голод. Голод. Голод. Я хожу все время голодный. Я наедаю хлеб вперед на день, на 2, на 3!!! Не думая о том, что будет дальше. Я как-то съел в конце

января 900 гр. хлеба, правда, не сразу, и все равно я был голоден, а ведь тогда у меня была мука и немного крупы. Теперь я сижу только на своих 300 гр. хлеба и жидком супе. Вчера я получил масло сливочное 130 гр. (6/II). Такого удовольствия, как масло с хлебом, я не представлял. Хотя я ел хлеб с горчичным маслом с солью, и это тоже совсем неплохо.

Сегодня **7/II** нам обещали, что эвакуируют оркестр и хор. Это неожиданно, но не верится. Посмотрим. Утром сегодня я ушел в 8 час. к комиссару Шевардину, о котором говорил Висневский, пытаться устроиться завклубом в авиачасти армии Мерецкова{416}. Этот Шевардин приехал набирать служащих на строительство аэродромов. У меня ничего не вышло. Я обошел Жуковскую ул. Боже мой, сколько разрушений! И каких! Буквально вся улица разрушена, но наш дом № 20 цел. Разрушенные дома производят ужасающее впечатление. Оттуда я пошел к Шифману. <…> Зря я трачу на него время и надежду. От него пошел к Любе. Эти сволочи имеют несколько пар часов и массу других вещей, которые ее с Буськой еще долго поддержат. Дура дурой, а хватает у нее ума скрывать от меня, что она покупает хлеб и др[угие] продукты, рассказывая о них после того, как съест, чтоб не давать мне ничего, и вместе с тем она не прочь получить кое-что от меня. Но и ее я теперь не очень жалею. Хорошо, что я продал масло не ей. Я устал от прогулки, придя обратно в общежитие в 12 часов, но я вновь пережил все ужасы бомбардировки, которая, несомненно, еще повторится, и бог знает, в каких масштабах. Какое было бы счастье уехать отсюда. Сейчас эвакуируется масса народу{417}. Умирает еще больше, но прибавки продуктов не видно, изо дня в день становится все тяжелее.

11 февраля.

Сижу в штабе{418}. Только что пришел из дому. В 9 час. утра должен был быть на трудработах, но не пошел вчера и сегодня. Самочувствие у меня было действительно ужасно. Ведь уже 2 недели, как я сижу на своем смертном пайке 300 гр. хлеба и тарелка взбаламученной воды, называемой супом. Вчера вечером, после того как не состоялась репетиция, в 7-м часу пошел домой. Они кончали есть. К моему удивлению, Даша налила мне полную тарелку супа с клецками — жирного, чудного, а я еще обнаглел и отрезал кусок хлеба грамм 150 и потом кофе с сахаром, стало легче. У Даши умерла вчера маленькая дочка Валя 9-ти месяцев. Они целый день не ели, вот почему у них на столе было «много» хлеба и жирный (на русском масле) суп с клецками на Валином

молоке. Умерла она в 5.30 утра. Вечером после 8-ми, когда они легли спать, пробовал читать, но не мог и, найдя свой нож в книгах, достал камень для точки и стал точить ножи. За этим «занятием» досидел до 11-ти, послушал известия и лег спать. Курил я много, почти всю пачку (последнюю) папирос. Утром в 10 я, погибая от голода, пошел попробовать обменять часы, но ничего не вышло, зато я «стихийно» обменял свой табак, который мне, кстати, не очень нравился{419}, на 100 гр. масла — это 70 гр. табаку. Масло я дома обменял с Сергеем{420} на 200 гр. хлеба и 500 гр. молотой и как-то обработанной с овощами дуранды (так говорил Сергей). Пока что я отдал масло, но не вижу ни хлеба, ни дуранды. На рынке встретил Сафонова, он продавал охапку дров. Стоило промерзнуть полдня, чтоб получить 100 гр. хлеба и паршивый шарфик. Сегодня, 11-го, прибавили хлеб: раб[очим] — 500 гр., сл[ужащим] — 400 и иждивенцам] и детям — 300. Это поможет, как мертвому банки{421}. Нас теперь этим не накормить. Но я, забрав хлеб на 13-е число, т. е. на 3 дня вперед, потерял 300 гр. хлеба. Только вчера вечером я чуть не дал Аркину денег, чтоб он купил мне хлеба по 40 руб. 100 гр. На днях, вспомнив, что Вильнер{422} не взял нашу швейную машину (мамину), пошел на Марата, ожидая, что Ева{423} уже уехала и все там пропало, но все в порядке, никто пока не уехал. Ева меня угостила студнем из клея — моднейшее кушанье{424}{425} — и дала 2 кусочка хлеба. Как я ни отказывался, она меня заставила съесть. Спасибо ей большое. Надо все же сходить к Марье Ивановне, чем черт не шутит. Может быть, и она угостит чем-либо, если она жива. Утром сегодня Нюра, благодаря тому что Даша ушла, угостила меня кофе с молоком с хлебом. Еще вчера вечером она сунула мне колбасы гр[амм] 150–200, и теперь я ел ее с хлебом, и на дорогу дала приличный кусок хлеба сухого, который я сейчас съел в одиночестве, вдали от завистливых глаз, со всей колбасой, запил чаем с сахаром. Ведь хорошо, а все равно голоден. Скоро пойду в свое общежитие. Там на моей полке Симина кастрюлька, игрушечная сковорода, тарелка и чашка — моя посуда. У шкафа параллельно столу, так что все садящиеся за стол толкают меня, когда я лежу, стоит моя складная кроватка. «Моя». Моего тут ничего нет. Матрац — умершего служителя оркестра Эдельштейна{426}. Его грозят забрать каждый день. Одно ужасное одеяло и грязнейшая подушка — Сергеева, другое грязное ватное одеяло — Савельева, тогда почти умирающего. Все это и каждое в отдельности могут забрать каждую минуту. Я уже привык к этой грязи, и как будто так и надо жить. Жаль, однако, что наш отъезд, очевидно, так и не состоится, несмотря на то что я послал письмо третьего дня с отъезжавшим Белькиндом{427} Мусе, что я,

очевидно, тоже поеду. Это могло бы быть нашим спасеньем, а то — смерть. В городе уже вовсю свирепствует дизентерия{428}. Еще потеплеет, и пойдет холера{429}. Грязь ужасная всюду. Как я хотел вырваться! Ходил к Шифману, чтоб уехать со 2-й очередью ТЮЗа… <…> Ерманок с Шером уедут числа 18-го. Надо все же зайти к «Радлову», хотя, наверно, ничего не выйдет. Что делать? Лучше идти по течению — что Бог даст. Я теперь более или менее сыт, и смерть не так страшна.

13 февраля.

12-го был у меня голодный день. Я пытался сэкономить хлеб на один день и съел с утра только 200 гр., полученных от Андронова на идиотский обмен масла. Днем был Савич{430} и сообщил страшную весть: умер Костя Лейбенкрафт. Я был ошеломлен и убит. Ведь я с ним проработал 4 года и особенно хороших последние 2 года до войны, в Филиале. Как ужасно мы с ним расстались. Не забыть, как он плакал и умолял, чтоб я его проводил, как я сбегал с 6-го этажа раз шесть вниз и кричал, что я его провожать не буду, чтоб он отстал от меня. Как он вернулся в общежитие и ушел на следующий день с Клавой{431}. С утра 12/II выдавали крупу. Я дежурил на 1-м посту с 10 до 12 ночи. Ночь я спал ужасно. Голод изводил меня. Я ворочался с боку на бок и думал о разных блюдах, простых и сложных{432}. Еле я дошел до выдачи хлеба в 9 час. утра. Я прибежал туда немного раньше из монтерской, где я с 8 час. утра так и не дождался Нюриного звонка. У двери в столовую застал Изю{433} стучавшимся в закрытую дверь столовой. Когда Соня открыла, я еле дышал от муки и усталости и взял хлеб на 2 дня, сведя таким образом на нет свою вчерашнюю муку. Я съел почти весь хлеб утром с дурандой, полученной от Сергея. Прессер заменил мне трудработу хождением в 2 адреса с сообщением об эвакуации семей. Заодно мне Лена{434} предложила сходить в госпиталь и взять забытый там Шредером паспорт. Третьего дня она привезла его. Как только мы увидели его, мы испугались и были уверены, что он и ночь не переживет, но жена его помаленьку вытягивала из лап смерти. Поход был тяжелый. На улице мороз. Зашел я вначале к Минаеву{435} на Желябова, а там через Дворцовый и Строителей{436} мосты к стадиону Ленина{437}, по Большому и ул. Красн[ого] Курсанта в самый ее конец, в госпиталь. Из Геслеровского пер.{438} выбежали 4 девушки в костюмах дружинниц, везя на санках тело, завернутое в одеяло. Я окликнул их и спросил, не едут ли они на Ладожскую, 4, в госпиталь. Они ответили утвердительно, но в довольно веселой форме. Удостоверившись, что они не шутили, я побежал за ними. Когда я

бегал за санками, я вдруг увидел, что одеяло зашевелилось и из-под него рука выкинула бумажку. Значит, везли что-то живое. Подъехав к двери, девушки остановились и весело скомандовали: «Подъем». Одеяло открылось, и из-под него вылезла женщина, желтая, страшная, лет 40, и они вошли в госпиталь, помещавшийся в здании школы. Салопница{439}, сидевшая за столиком пропусков, злобно вскочила и стала гнать всех обратно: «Нет мест». Девушки стали показывать какие-то бумажки, доказывая, что их сюда послали. С меня требовали паспорт, но у меня ужасно замерзли руки, и мне трудно было достать бумажник. Под шумок спора с девушками, с которыми я договорился пойти еще на Карповку{440}, я прошел в канцелярию. В коридорах внизу, несмотря на мороз, ужасно пахло мочой и испражнениями. Мне всюду чудились покойники. Госпиталь чуть-чуть отапливался паром. Ушел я из госпиталя без девушек. Я спутал Ждановку и Карповку. До Карповки довольно далеко. Я шел, казалось, конца моему пути не будет, мимо битых, разбомбленных домов и запорошенных, запущенных улиц и садов. Над головой висели рваные провода. В одном разбитом доме, в 6 или 7 этажей, стальные балки перекрытий висели перекрученные вниз из своих гнезд и напоминали кишки, вывалившиеся из раненого живота. Наконец я дотащился до этой самой Карповки и нашел дом Храмова{441}, не избежав лживого указания названного мной адреса какой-то сволочной теткой. Я долго стучался и, так и не достучавшись, побрел домой по Кировскому пр. через Троицкий мост. К Садовой и Ракова я подошел в 3-ем часу. Сахар в магазине кончился, будет, наверное, завтра. По объявленной утром выдаче мне полагается 250 гр. Зашел к «Радлову» и наконец увидел Ершова. Велел зайти к нему завтра в 2 часа. Лена дала мне за доставку паспорта 200 гр. хлеба. Итак, я съел сегодня до ужина кило хлеба и все еще голоден, не имея ничего на ужин. Сегодня у нас было много народу, записывавших своих родных на эвакуацию, и сообщили о смерти Дорфмана{442}.

21 февраля.

Я забыл записать, что 11-го, кроме прибавки хлеба, была увеличена норма крупы, и в столовой на суп вырезали 1 талончик вместо 2-х и на кашу 2 вместо 4-х. Это было большим достижением, но потом этого все-таки оказалось мало, но вначале это было замечательно, т. к. я приготовился к порядочной голодовке и вдруг все увеличилось вдвое и, кроме того, увеличили количество талонов на 2-ю декаду до конца всей карточки (кроме

2-х последних талонов). Несмотря на эти приятные новости, в нашем общежитии начались беспорядки из-за увеличившейся раздражительности его членов. Начали получать выпуклое выражение некоторые прикрытые до этого характеры. Прокофьев отличился своей невероятной настойчивостью — желанием уехать. Поставив на службу этой цели все, он сильно стал преувеличивать свою слабость и болезнь, причем держал в этом крепкую связь с Руб[анчиком]. Только в этом, в остальном они ругались.

Мои отношения с N стали обостряться и из скрытой формы переходить в более открытую. Причем я, как более слабый, молчал, выслушивая подлые и едкие реплики по моему адресу. Я только чаще вспоминал Лейбенкрафта, который получал, очевидно, то же, но в больших порциях. Здесь есть достойный соратник Мишки Ратнера. Но ничего. Ерманок уволился и уезжает. Мы окончательно остаемся здесь. Третьего дня была воздушная тревога, правда кратковременная, в 9-м часу вечера. Она нам напомнила, что с наступлением тепла налеты опять возобновятся, и стало страшно. Продал мамину мебель за бесценок — 1250 руб. за шкаф, стол со стульями, зеркало и Клавин диван. Отвез домой посуду, вернее, ее жалкие остатки и швейную машину. Вез в 9 час. вечера в абсолютную темень, но дотащился на Васильевский благополучно, хотя устал ужасно и вспотел впервые за долгое время.

18 марта.{443}

Машина была испорчена этой сволочью Потаповой. Она, очевидно, хотела, чтоб я ее оставил ей или приобрести ее за бесценок. И вообще она много врала, присваивая себе вещи и говоря, что это ее вещи и ее сожительниц, девок-блядей. Они присвоили всю посуду. Я был там через некоторое время еще раз и со скандалом (под влиянием описания Нюрой ее поездки на Марата за вещами и скандала с Потаповой) вывез оставшуюся мебель. Бил посуду, которую Потапова не отдавала и наконец был вытолкнут из комнаты ее хахалем, нагрянувшим вдруг. При выгрузке вещей дома (я с Дашей их еле довезли) я удачно продал патефон{444} за 3 кило хлеба одной тетке. Дома бываю все реже. Нюра прозрачно намекает, что больше помогать мне не может. С концертами шефскими за еду мне не везет. Даже когда они есть, меня не выпускают из Радио. Хотел перейти в Оперетту{445}. <…> Но ничего не выходит. Сейчас идет набор, да и в театре очень холодно. Решил пока обождать. Во-первых, уехал в Москву Ходоренко, во-вторых, нам обещали тоже дать 1-ю категорию и стационар. Мне, конечно, в последнюю очередь. В столовой у нас

стало неплохо. Увеличились порции каш. Но к сожалению, слишком мало талонов. За это время умерли: Маратов{446}, Кацан{447}, из нашей комнаты — Иванов{448} и Шредер, Кузнецов{449} Иосиф Николаевич. Был у Любы один раз. От Соломона никаких известий. В течение последних 2-х недель потратил на хлеб около 1500 руб. — все, что у меня было. Не знаю, что буду делать теперь, когда я абсолютно без денег. Покупал папиросы по 5 руб. штука. Цены на все замечательные: получка у меня 200–250 руб., а кило хлеба стоит 300 руб., да и достать его очень трудно. Вчера был дома и получил от Муси очень дельное письмо, на которое сразу ответил. Письмо от 17/I из Починок{450}, но она уже в Саранске{451}. У нас обстрелы каждый день, и довольно жуткие. В воскресенье в 6 утра 8/III осколком снаряда разбило дверь в коридоре и повредило стену в 6-м этаже. Я в эту ночь не ночевал в общежитии. Мне становится все тяжелее, может быть, потому, что улучшается у других.

7-е мая 1942 г.

С 23-го марта, когда у меня кончились карточки на хлеб и крупу, вдруг нам дали спец. столовую, где я и обедаю до сих пор без карточек{452}{453}. За это время я немного оправился. 4-го мая был в бане (это с января, после того, как я плохо мылся на Радио). В теле большая разница. Вместо костей, обтянутых ужасной, киселистой кожей без единого мускула, у меня уже появилось кой-какое мясо на костях. Обеды в этой столовой очень вкусные. С конца марта стал играть соло на Радио. С апреля стал играть и в концертном ансамбле{454}. 1-го апреля играл соло. Все слышавшие меня очень хвалили игру{455}. 4-го апреля был страшный налет на Ленинград{456}. Бомба упала через дорогу напротив Дома радио на улице Ракова. Я теперь, в отличие от осени, иду во время тревоги на крышу, вместо того что всегда скрывался в убежищах. Мне несколько раз снился Абрам, и так ясно. Ясно. Замечателен мой сон, будто я в Саранске. Играл в саду с Симочкой, и как надоедал всем рассказами об ужасах Ленинграда, как все от меня отворачивались, не желая слушать, и как я утонул в трясине.

Потом сон — бомбежка, такой ясный-ясный, и Абрам был со мной.

С середины апреля пошел трамвай{457}. Кой-где появилось электричество. Заработали некоторые кино: «Колосс» и др[угие].

Город весной

Я пишу о весне, когда уже 2-е сентября. На носу осень, за нею страшная зима, которую в нашем состоянии — не совсем изжитого истощения после ужасного голода, когда народ все еще в блокаде, ожидании вражеского наступления и неизбежного с ним усиления обстрелов и бомбежек, разных трудработ и др[угих] прелестей войны, — зима, которую трудно представить, чтоб можно было пережить. У меня есть зимнее пальто, ботинки. Еще достать валенки — и у меня будут все возможные средства для встречи с ней. Но почему я пишу о весне? Мой сосед по общежитию, мальчик Вадим, показал мне свое сочинение — любовные стихи. Я был ошеломлен. Не оценивая их качества, я был поражен одним фактом их существования, фактом того, что между нами после пережитых ужасов и истощения не умерла любовь и влечение к женщине[16]. Чувства, совершенно забытые мной, и темы, столь частые и популярные прежде, теперь совершенно исчезнувшие в товарищеских беседах. Все же прочитанное меня смутно взволновало, и я старался представить себе и в своем прошлом любовь и весну. Эти два понятия так связаны друг с другом. Прежде меня, к тому же довольно часто, посещало это прекрасное чувство. Я говорю «прежде», как будто я старик, а мне 32 [года]. Прежде — это до войны. Ожидание весны. Ее приближение и связанный с ним подъем и радостное оживление. Появление почек на деревьях, зелени, девушки, продающие первые полевые цветы, завязывающиеся любовные интрижки, скорое окончание театрального сезона и отпуск — благословенные блага весны и лета — прогулки, купание. Наконец дома свежие овощи и фрукты, о которых мне здесь неудобно упоминать после абсолютно гастрономического содержания всего прошлого в дневнике. Как все это отлично от нашего ожидания этой весны — весны 1942 года.

Заснеженному, находящемуся в долгой осаде, холодному, голодному, без воды и света городу, загаживаемому в течение нескольких зимних месяцев всевозможными человеческими испражнениями, в котором под сугробами снега лежали во дворах и на улицах тысячи трупов, городу без воды и света, измученному холодом и страшным, может быть не имеющим сравнения в истории, голодом, городу, хоть и сумевшему с трудом связать себя с страной тоненькой ниточкой знаменитой «ледяной дороги», но все же находящемуся в блокаде, весна грозила окончательной гибелью в виде нашествия страшных средневековых эпидемий. Ожидание потепления, когда начнут таять громадные, слоистые сугробы снега, во дворах и на улицах,

когда они превратятся в ручьи помоев и кала, когда из-под этой грязи и ужаса станут появляться человеческие трупы с отрезанными, во многих случаях, мягкими частями тела (это то мясо, которое продавали и меняли на рынках и у магазинов под видом баранины и конины), и все это начнет разлагаться, отравлять воду и воздух… Ожидание разложения этой ужасной скверны и грозящая опасность мутила разум и приводила в содрогание. Страшен был холод и мучителен голод[17], хотелось солнца и тепла, но никто не хотел прихода весны, — она грозила всеобщей гибелью всем тем, кому посчастливилось пережить эту страшную зиму: бомбежки и обстрелы, а в особенности ее холод и голод. Нас три месяца почти ежедневно бомбили днем и ночью, а между воздушными налетами обстреливали снарядами всяких калибров, ведь враг находился в 5-ти, 8-ми километрах от города, а потом, с 6-го декабря, когда надолго прекратились налеты, изводили артобстрелами днем и ночью, длившимися по нескольку часов подряд. Как это было, когда я стоял и дрожал в коридоре у себя дома на Васильевском. По нашему району садили прямо залпами с 4-х часов дня до 9-ти вечера без передышки. Это одно извело немало народу, но что эти убийства в сравнении с тем громадным числом жизней, что отняли голод и холод. В громадном, многомиллионном городе вымерло больше четверти населения{458}. И вот нам, пережившим и видевшим все это, после того как появилась «ледяная дорога», или «Дорога жизни»{459}, как ее удачно прозвали, по которой нам стали подвозить понемногу еду и снаряды, а с ними надежду на спасенье, грозила новая, еще большая опасность — эпидемии, холера, а может и чума. И это тогда, когда почти не было медикаментов, когда трудно было достать слабительного, салола, порошки от головной боли, не было йоду, а дизентерия уже вовсю свирепствовала. Я успел отвезти с Дашей на саночках от мамы к нам на Васильевский кровати, шкаф и др[угое] барахло, собираясь в скором времени приехать за сундуком и столом, оставленным в коридоре. Правда, я не очень торопился с этим делом, т. к. это было не только очень тяжело (я, отвозя первый раз вещи, едва довез их), но я и боялся обстрелов, как уже начало таять, и из-под сугробов стали появляться черные, страшные трупы. Среди [них] были одетые и раздетые, часто попадались матери с детьми. И тогда был издан знаменитый приказ. Приказ Военного совета фронта о поголовной мобилизации населения для очистки города{460}. И это решило его судьбу.

Рабочие остановившихся предприятий еще зимой были посланы для заготовки топлива — дров. Это топливо давало возможность некоторым электростанциям частично работать и

кое-где подавать свет и воду (до 1-го этажа). Но вот 15 апреля пошел 1-й трамвай. И вот дистрофическое население города — истощенные донельзя голодом, страшно худые, еле двигающиеся люди, преимущественно почти сплошь женщины, вылезли из своих грязных, закопченных каморок и кухонь, где они ютились[18] зиму, спасаясь от адского холода, т. к. их легче было обогревать малюсенькими железными печками-времянками, отапливавшимися в большинстве случаев мебелью из пустовавших теперь больших комнат, на улицу навстречу первым лучам весеннего солнца. Они выходили партиями, мобилизованные в домоуправлениях или на предприятиях, вооруженные кирками, лопатами, ломами, и отвозили счищаемый снег на саночках, сбрасывая его в реки и каналы, большим количеством которых изобилует наш город. Там, где до водной магистрали было 2 или 3 квартала, снег сваливали на грузовые трамваи, которые теперь стали шнырять по улицам, несколько оживляя унылый пейзаж несчастного, побитого, пережившего столько ужасов города. А немцы ежедневно, методично обстреливали его улицы, только иногда изменяя часы обстрела. Теперь обстрелы продолжались не более 20–30 мин[ут]. Враг выпускал несколько десятков снарядов и замолкал, т. к. защитники города зорко следили и научились быстро засекать огневые точки врага, которые затем уничтожались, если не успевал быстро отойти. (В большинстве случаев) Обычно обстрел города производился с бронепоезда{461}, который, выпустив определенную порцию снарядов, отходил. Немало невинных людей — женщин и детей сгубили они таким образом. Обстрелы страшны своей внезапностью, т. к. снаряды, падая на людные улицы все еще перенаселенного, несмотря на эвакуации населения, города, почти всегда находили жертвы, не говоря уже о попадании в вечно торчавшие у магазинов очереди, которые устанавливались в ожидании привоза и выдачи своих мизерных норм продуктов. Тогда количество жертв бывало очень большим. И все же люди ходили и под обстрелами, и в тревогу и сетовали только на голод. Но и теперь кровь, когда очистка города шла вовсю, окрашивала снег местами большими сгустками по 2–3 дня, пока доберутся до очистки этого места или пока новый снег не засыплет страшных следов столь частых трагедий. 15 апреля пошел 1-й пассажирский трамвай. Несмотря на то что их вместо прежних 48 маршрутов стало только 2, трамваи все же часто застревали с перебитыми дугами и помятыми боками.

29 января 1943 г.

Этот месяц после так называемого «прорыва блокады», т. е. отнятия у немцев куска земли, вернее, болота южнее Ладожского озера шириной в 14 км.[462], мы опять получаем удовольствия в виде бесконечных тревог с бомбами и солидные артобстрелы 27-го. Вчера шел с Ольгой в драматический на Фонтанку[463] обедать, а она на свою прежнюю квартиру. Мы разговаривали немного у театра, потом я решил ее проводить дальше немного. Не успели мы дойти до угла Гороховой, как недалеко, очевидно на Невском и Садовой, разорвался снаряд. Мы сразу сунулись в подворотню. Ждем. Через равные промежутки в несколько минут — 2–3 — рвался очередной снаряд. Я предложил ей постараться в эти промежутки каждому добираться до своего места, и на этом мы расстались. Леонтьев[464], пришедший почти одновременно со мной, принес горячий осколок, ударившийся о стену над его головой. Били шрапнелью[465]. Обстрел все усиливался. Мне надоело ждать в театре. Все понемногу расходились. Пошел и я. Но пришлось отсиживаться в Хореографическом училище[466]. Сидел я там довольно долго и пришел домой в 6-м часу. Поздно стал бриться и переодеваться, как всегда самому себе устраивая глупую спешку. Я спешил на концерт (платный от Серкова[467]). В 6 я выехал и к 7-ми должен был вернуться на передачу на Радио. Приехал я туда в 6 ч. 20 м. Концерт еще не начинался, и я решил уехать обратно, боясь опоздать на передачу. Я успел доехать до Литейного, как объявили тревогу, и я пешком в страхе побежал на Радио[468]. Концерт отменили. Тревога была довольно спокойной. Пока меня не было, меня заменил Висневский. Еще днем, ввиду освобождения Ясенявского на 10 дней «по болезни», меня назначили вместо него командиром[469]. Вчера 28-го получил письмо от Муси, а за день-два до того — письма от пропавших Клавы и Любы. Опять я чего-то нервничал, не успевая прочесть письма, которое я дня 2 все не мог получить. В столовой, как всегда, было забито, и я стоял за стулом Мацкевича, горя желанием прочесть письмо и одновременно боясь упустить место и не сдать вовремя талончик на обед. Наконец я сел и прочел письмо. Вчера вечером я немного позанимался в 38 комнате после праздного сидения у Шор[470] в очередной напрасной попытке послушать запись «Medetation»[471] Глазунова.

Сегодня 29 проснулся в 7 час. утра и все думал о Мусе и Симе. Вчера Толя принес мне хлеба, и я неплохо поел. <…> Сегодня я расстроен и зол. В 6 час. опять поехал на Харьковскую. Ждал полчаса трамвая и замерз, но все-таки поехал. И должен и не должен был играть. Все-таки сыграл. На «Тарантелле» меня оборвали зенитки. Собрался идти домой пешком, но ужасная

темень, грохот и молнии разрывов зенитных снарядов вгоняли меня обратно в помещение. Была Скопа, Нечаев. Какое кругом свинство! Ушел я пешком и пришел к началу передачи по эфиру{472}. Оркестр уже сидел и репетировал минут 5. Жутко ходить в тревогу в ожидании новой стрельбы.

Письмо из эвакуации Марии Альбовой,

жены Льва Маргулиса

16/XII-41 г.

Дорогой милый Левушка! Прежде всего поздравляю тебя с успехами Красной армии — уверена, что и от Ленинграда ему придется так же ухиливать, как и от Москвы. Мое терпение совершенно истощилось. На работе у меня ничего не клеится. Я тебе писала, что наше заведение переезжает, и вот директор только и тыкает носом — вы комендант. Я должна везде успеть, а расстояние между зданиями 1½ км. Я с ним жутко поругалась, а сегодня (как ни странно тебе покажется) кстати заболела Симуха. Я ее носила в больницу и получила справку, что освобождаюсь на три дня от работы. У Симы ангина. Провались все пропадом, пускай что хотят, то и делают. Буду сидеть с Симухой и не пойду никуда. Обещали дать около общежития комнату, но теперь, наверное, ничего не дадут, а может быть, и вообще уволят. Кто бы чего ни сделал — все я виновата — вы комендант! По ведомости я — зав. общежитием, а они нашли дурочку за 125 р. и то и другое. Левочка, милый, я не могу больше, у меня уже нет сил. Я уж и так стараюсь не обращать ни на что внимания, но ведь всему бывает предел. Эти дни я работала с утра до 7-ми вечера. Сима одна оставалась в садике, ее брала к себе заведующая, и мы с ней уже в темноте по сугробам тащились домой. У хозяйки одна комната, и вот в этой комнате их трое, мы с дочкой да две больших овцы, которые принесли ягнят. Вонь адская, ночью орут, на пол не встать, нагажено. К тому же у нее два кота, которые тоже гадят под кровать. И вот за все эти удовольствия у нее хватает нахальства просить 50 р. в месяц. До последних дней я держалась, но сегодня ночью мои нервы разошлись и проревела всю ночь. Будет ли конец

всем этим мучениям. Лева, если бы ты не выслал мне деньги, трудно сказать, что бы я сейчас делала, (нрзб.) не видно, денег осталось 350 р. Цены тут жуткие. Масло фунт 70 р., мясо тоже и т. д. Я купила 4 кило мяса по 40 р. кило и вот давно тяну, варю суп, купила 4 меры картошки. Вообще, куплено самое необходимое, а эти деньги на всякий случай. Вдруг Клавка напишет письмо, что там в Чкалове{473} можно будет устроиться на работу, что я рискну поехать. Пишу часто бате и Харлаше, но давно не получаю от них ответа. Дуська собирается ехать. У меня в башке такой разнобой, столько горечи, обиды, что, кажется, никогда не излил бы ее. Ты все спрашиваешь, много ли я продала вещей. Продала я немного, но если только купят, то в недалеком будущем прибегну опять к этому пути. Одалживать не у кого. Да когда берешь, надо знать, что отдашь. Дуся все время мне должна, пока я с ней. Вот и сейчас 50 р. у меня, а 300 у нее. Я знаю, что тебе ужасно тяжело, особенно когда был Тихвин у немцев, но при всех бедах ты один, а я все время должна думать о ребенке, а потом о себе. Не будь Симки, я давно бы удавилась от такой жизни. После сообщения, что наши войска взяли Тихвин, я дала тебе молнию{474} на ТЮЗ, справляясь о твоем здоровье, но, вероятно, зря, т. к. ответа нет. Твою молнию (что перевел деньги) получила в тот же день. Последнее время пишу реже. От тебя после открытки за 7 ноября получила несколько писем за октябрь 20, 21, 24 числа. Вот каковы мои (нрзб.) дела. Ты по ним, наверное, вспомнишь меня. Левочка, милый, будем ли мы вместе, и буду ли я работать на своей чудной флейточке. Пиши чаще, как твои дела. Лева, ты получишь письмо, будет уже полгода, как мы в разлуке. Желаю тебе не быть в моем положении и настроении, а в лучшем, (нрзб.) твои Муся и Сима. Скорей бы быть вместе, иначе будет худо.

Документы и материалы

В этом разделе помещены документы, а также выдержки из писем и дневников других музыкантов БСО, отклики слушателей. Созвучные по теме записям Маргулиса, они вводят его блокадный дневник в более широкий контекст, восполняют имеющиеся в нем лакуны (в том числе те, которые затронули время подготовки Седьмой симфонии).

Хронологически материалы делятся на два периода: от начала войны — через осенние месяцы 1941 — к первой военной зиме (здесь сосредоточено все, что стоит за словом «блокада»), и — от начала весны — через весь 1942 год — к прорыву блокады в январе 1943 года. В этом разделе представлена картина возрождения музыкальной жизни в блокадном городе с ее главной кульминацией — премьерой Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича. Из значительного по объему массива сохранившихся материалов отобраны наиболее интересные. Многие публикуются впервые, как, например, выдержки из писем скрипача БСО К. А. Лейбенкрафта, чье имя часто встречается в дневнике Маргулиса, и выдержки из писем Ж. К. Айдарова.

Раздел подготовлен А. Н. КРЮКОВЫМ

ИЗ ПИСЕМ К. А. ЛЕЙБЕНКРАФТА[19]

24 сентября 1941 г. <…> Ты знаешь, как ты уехала, у нас на другой день запретили музыку на Радио, и мы остались без дела[20], и дирекция, чтобы не платить зря деньги, послала нас на трудработы, и я проработал 20 дней — копал, потом через два дня опять послали, и все время работаю. Я работаю с семи утра до семи вечера на трудработах и ночую в Радио, а дома бываю раз в десять дней, когда выходной день. <…>

10 октября 1941 г. <…> Мы сейчас только начали играть немного. Когда ты уехала, с тех пор мы месяц не играли и нас всех отправили на трудработы, и только сейчас начинаем немного разворачивать музыкальные дела. Мы начали давать концерты в Филармонии раз в неделю по воскресеньям. Потом организовывается опера из оставшихся артистов, и их очень много, и они будут работать в Михайловском театре, так что немного разворачиваемся. <…>

14 октября 1941 г. <…> Мы начали немного играть, а то посылали на трудработы. Я работал месяц, а теперь начали играть, устроили концерт симфонич<еского> оркестра в Филармонии 12 октября. Народу было битком, и все говорили — почему уехал оркестр Филармонии? Мы теперь будем давать два-три концерта в месяц в Филармонии. <…>

Я все время нахожусь на Радио, но теперь приказали — когда мы выходные, то есть раз в неделю, чтобы мы уходили домой ночевать. Так что придется спать в холоде дома в выходной день.

26 окт<ября> мы играем опять в Филармонии симфонич<еский> концерт — дирижер Рабинович, солист Каменский (пианист), в программе Чайковский. Народу битком на концерты, сумасшедшая публика, если бы Филармония не уехала, то могли сейчас хорошо работать. Но лучше, что уехали. <…>

5 ноября 1941 г. <…> Относительно меня, то я получил повестку и хотел устроиться в морской оркестр, у Астрова симфонич<еский> оркестр[21], и обо всем уже договорился, но узнала наша дирекция каким-то образом, и позвонили по телефону туда, чтобы они не смели брать из Радио ни одного человека, и мне отказали зачислить туда. Какая досада, я был бы там спокоен и избавился бы от всех команд. Но не вышло. Мы считаемся как военнообязанные, и вот еще теперь открывается филиал театра оперы, и им нужен концертмейстер, и приглашают всех старых работников, и я не знаю, дирекция будет хлопотать за меня, чтобы меня отпустили, но вряд ли удастся. Я залез в это Радио, и теперь не вырвешься, надо было временно зачислиться, а не в штат. А теперь они платят мне гроши, и ничего не могу сделать. И я так измотался в пожарной команде и на военных занятиях, и играть просто силы не хватает. <…>

3 декабря 1941 г. <…> Я играл соло — передавали по Радио, и музыканты слушали, говорят, очень хорошо звучало. <…>

ИЗ ПИСЕМ Ж. К. АЙДАРОВА[22]

16 июля 1941 г. <…> После объявления войны работаем как комендантская команда. Насчет отправки на фронт ничего не слышно пока.

11 декабря 1941 г. <…> Пока что получаю 10 руб[лей], которые уходят в фонд обороны. Твое письмо получил, которое

шло ровно два месяца и шесть дней. Мама, пиши, как теперь в Ташкенте жизнь. <…> Если будут принимать посылки, то пришли побольше сухарей, хоть черных, и масла или сала посоли, чтоб они дорогой не испортились.

17 января 1942 г. <…> Я сам пока жив и здоров. В каком положении находится Ленинград, ты, наверно, знаешь из газет.

5 февраля 1942 г. <…> Я пока сам жив и здоров, но чувствую себя утомленным ввиду некоторого недоедания и недостатка жиров, т[о] е[сть] ввиду блокады Ленинграда. Ты сам, наверное, ежедневно читаешь газеты и слушаешь сообщения Совинформбюро[23].

11 февраля 1942 г. Сегодня у нас радостный день, почти праздник: сегодня прибавили хлеба двести граммов, итого мы теперь получаем шестьсот грамм. Я просто хотел поделиться моей радостью с тобой. Сегодня позавтракал с двухстами граммами хлеба, набил полный рот хлеба и ощущал, что я ем хлеб. <…> В Ленинграде жизнь налаживается, к первому марта, думаю, что Ленинград будут обеспечивать продовольствием вполне нормально.

17 февраля 1942 г. <…> Я сам пока жив и здоров, себя начал чувствовать немножко лучше, но некоторая слабость организма еще осталась, тяжело с ногами, очень трудно ходить, и ноги быстро устают, это, конечно, от недостатка жиров в организме. Надеемся на лучшее, когда будут выдавать больше жиров. Теперь я убедился, что никакой роскоши для Человека не нужно, что самое ценное — это питание. Теперь если буду я жив и здоров, и жизнь будет такой же хорошей, как до войны, то буду все свои деньги, все-все-все тратить на питание. Строю такие кулинарные планы — какая моя крупа больше разваривается, с какой крупы каша делается больше и какая более выгодная. Ты, конечно, не смейся, может быть, если бы ты был на моем месте, то рассуждал бы точно так же, как я теперь. Папа! Как у вас в Самарканде дела с папиросами? У нас в Ленинграде на базаре только можно достать, и то по 75–80 руб[лей] за пачку у спекулянтов. <…> Мы ходим и у друг друга клянчим. В общем, жизнь в Ленинграде налаживается и делается все лучше и лучше.

7 мая 1942 г. <…> Я по-старому нахожусь все на старом месте, но, будучи музыкантом, очень мало приходится заниматься по своей специальности. Работаю все время

экспедитором. Сейчас, как пошли трамваи, стало легче для ног: не так уж устаешь и меньше приходится ходить. <…> Многие из моих товарищей по консерватории и муз[ыкальному] училищу находятся на фронте, т[о] е[сть] на передовых позициях, и многие из них кто убит, кто ранен. Еще прошлой зимой подавал докладные, чтоб отправили на передовые позиции, и до сих пор не отправляют. Как-то досадно, что все товарищи находились на фронте, а ты отсиживался в тылу, хотя Ленинград, по существу, по настоящее время можно назвать фронтом.

15 мая 1942 г. <…> Я пока жив и здоров, но в эти дни чувствую некоторую усталость, особенно устают ноги, наверное, следствие нехватки жиров. Но ничего, скорее бы кончилась война; тогда я бы приехал к тебе и мы вместе копали огород и сажали овощи, в общем, наготовили бы столько продовольствия на зиму, что нам бы хватило до следующего урожая овощей. Купили бы рису, круп разных. Ты бы варила плов. О, как хочется попробовать плов, разные каши, я бы работал, в общем, голодные не сидели. Но, кажется, я размечтался о дальнейшей жизни, надо выйти из войны живым и невредимым, тогда все остальное будет.

ИЗ ПИСЕМ В. А. И Н. П. ЗАВЕТНОВСКИХ[24]

20 сентября 1941 г. <…> Очень жалею, что не уехали все вместе, надо было все бросить. <…> Окна мы забили в комнатах досками от сарая. <…> Театр, где играли, требует очень большого ремонта[25]. <…> Я такая стала трусиха, все у меня трясется внутри, а папа бледнеет и теряет голос. Как вечер — сидим в коридоре, поставили там себе кушетку. <…>

27 сентября 1941 г. <…> Вчера папа был на Радио — за ним прислали. Там осталось пять скрипачей. Была репетиция, и сегодня тоже, а завтра концерт. Ему очень приятно было поиграть, он очень соскучился. <…>

10 октября 1941 г. <…> 12-го будет концерт симфонический. Музыканты оставшиеся Филармонии и Радио. Хорошо было бы, если бы в этот день был дождь — общая мечта[26]. <…> Репетиции у папы каждый день в 12.30 дня. Папа сейчас как бы помощник концертмейстера. <…>

13 октября 1941 г. <…> Аппетит у меня и у папы есть, к сожалению, и иногда из-за супа и киселя приходится ходить в

Дом ученых[27]. <…> Папа 19-го играет соло в концерте в Филармонии, будет и с балетом играть. Вчера публика устроила ему большую овацию. <…>

23 октября 1941 г. <…> Вчера папу и Брика[28] вызвали в Комитет по делам искусств, предложили вывезти их, но они отказались… <…> Тут у отца пока есть работа. 26-го, в воскресенье, будет опять симфонический концерт. Странное дело — у меня, как и у папы, очень большой аппетит. <…>

24 октября 1941 г. <…> 26-го (воскресенье) днем хочу пойти в Филармонию. Идет Четвертая симфония Чайковского, дирижер Рабинович. Билеты давно все проданы. <…>

31 октября 1941 г. <…> В Народном доме хотят устроить оперу, но немного запоздали. Радио раньше всех собрало отовсюду оставшихся музыкантов — из Малого оперного, Филармонии, Кировского театра и оставшихся на Радио, и вышел приличный оркестр, только духовые часто врут. 7, 8 и 9-го [ноября] много концертов, но как они пройдут, меня многое беспокоит. <…>

20 ноября 1941 г. <…> С 6 часов вечера я начинаю волноваться, все из-за отца, когда у него вечерняя передача. <…> Скончался у нас Игорь Алекс. — смерть тихая, уснул. Сложная история хоронить, в особенности с гробом.

Он три дня лежал в комнате, а потом в коридоре в гробу, у которого мы с папой как-то пили чай и ели вечером. <…>

11 декабря 1941 г. <…> Я тут совсем упала духом, тем более что отец стал такой сердитый, раздражительный, придирается к каждому слову, и все это, понятно, из-за его строгой диеты. <…> Папа застудил себе пальцы и сейчас мается — ему мучение играть. В Радио холодно, в Филармонии холодно. В будущее воскресение будет концерт, и, верно, это последний. Да и пора. <…>

15 декабря 1941 г. <…> Нас выручает Дом ученых. Папа через день ходит за обедом, а уж я дома из него что-нибудь составляю. <…> Обещают теперь улучшить питание, а то смертность невероятная, всё везут и везут на санках.

Очень много умирает молодых. Концертов в Филармонии и в Радио нет — не топят, очень холодно, и концерты отменены. <…>

22 декабря 1941 г. <…> Заходил дядя Володя. Я испугалась — так он страшен, лицо распухло. <…> Невероятно изменились музыканты, где папа играет. Одно желание у всех — скорее бы этих проклятых отогнали бы от нас. <…>

2 января 1942 г. <…> У нас теперь большие морозы. Очень трудно работать. На Радио совсем не топят, играем в шубах и перчатках. Такой же холод в Филармонии. Концерты часто отменяются или переносятся. <…>

5 февраля 1942 г. <…> У нас, правда, совсем плохо. Люди мрут как мухи, много знакомых умерло от истощения. <…> На службах обеды давали только суп, а второго совсем не давали или очень редко каша на воде, а если мясное, то обыкновенно на всех не хватает. Хорошо, что я с мамочкой получаем обеды в Доме ученых. Хоть и маленькие порции, но всегда, кроме супа, второе блюдо: лапша или каша, и довольно часто мясное. Кроме того, я имею оборонный пропуск, так что крупяные и мясные талоны даю на 50 % меньше.

На рынках за деньги ничего не купишь — все на обмен. <…> Спрос на рынке на теплые вещи, часы, водку, спирт, вино и папиросы. Как видишь, у нас с едой плохо. Много народу голодает и от голода умирают. <…>

…Ленинград наш — как разбитый параличом, мертвый город. Трамваи не ходят — свету нет. Водопровод не действует, уборные тоже: фановые трубы замерзли. Нечистоты выливаются прямо во дворах и на улицах. Всюду валяются мертвые тела. Света нет, а поэтому многие учреждения не работают. Магазины и аптеки закрыты. Некоторые аптеки открыты, но за отсутствием воды и света рецепты не принимаются. По этой же причине и многие почтовые отделения тоже закрыты. Газеты не приходят. За письмами приходится ходить самим. <…> Теперь фугасных бомб с аэропланов не бросают, и поэтому тревог нет, но артиллерийские обстрелы города почти каждый день. Вчера неожиданно наш район, и не только наш район, а попали два снаряда в наш дом. <…>

…У меня иногда падает надежда когда-нибудь увидеть тебя, но не надо падать духом, надо надеяться. Мы оба с папой очень состарились, часто друг на друга раздражаемся, папа бывает такой раздражительный с утра, что прямо сил нет никаких. С ним всё казусы каждый день — то в темноте вечером откроется кран у самовара, и при недостатке воды всю большую комнату зальет водой, то с самоваром споткнется и упадет с ним. А 1 февраля,

когда было еще темно, пошел в булочную за белой мукой[29], и у него тут же в булочной стащили и муку и «авоську». Бедный, в каком он виде пришел. <…> Для отца надо, чтобы как можно было бы больше, а что — все равно. Он так скоро все съедал, что я стала отделять себе отдельно. Теперь все поели. По карточкам у нас, кроме хлеба, не выдавали даже той нормы, которая напечатана. <…> Лица у большинства распухшие и желтые, была молодой женщиной, а в две недели сделалась старухой и рот перекосился. <…>

ИЗ ДНЕВНИКА К. М. МАТУС[30]

16 октября 1941 г. Как ужасно судьба играет людьми. Вот уже скоро четыре месяца идет война, проливается человеческая кровь, уничтожаются города, гибнет то, что создано природой. Как странно устроена жизнь. Строят, учатся, делают всевозможные открытия, а для чего? Для уничтожения самих же себя.

И вот настало это время, когда жизнь человека — ничто, когда люди гибнут как мухи, когда с человеком вообще не считаются, и сколько их гибнет — всем все равно. Люди стали зверьми, и к тому же — хищными.

Кто мог подумать, что Ленинград когда-нибудь будет в таком положении, что кто-нибудь посмеет на него покушаться и его громить. И вот ужас, это время пришло. Нет уже ни одной улицы, где бы не было видно, что здесь люди повидали горе и несчастье. Нет ни одной семьи, которая бы не проводила своих любимых отцов, мужей, братьев на кровопролитие. Сколько уже убитых, и родные еще не знают. Народ стонет от холода, голода и страданий. А конца еще не видно. Живешь только предыдущей минутой, так как смерть, гибель и несчастья ждут на каждом шагу, каждую минуту. И только подумать, как ужасно потерять дорогого, близкого человека, который никому не делал зла и который должен положить свою жизнь на поле битвы. <…>

18 ноября 1941 г. Война в полном разгаре. Мы в кольце — подвоза нет. Голод, люди чахнут, пухнут с голоду. Хлеб сбавили до 150 г. Сахар — 100 г в декаду. Что будет — одному Богу известно. Все время хочется кушать. С каждым днем слабеют силы. Бомбежки превращаются просто в звериное уничтожение народа. Город с каждым днем несет разрушения, гибнут сотни людей. Снаряды сыплются по всему городу. Жизнь стала невыносимой и тяжелой. Ужасно хочется найти хоть на время покой, но, увы, невозможно. Нервы жутко напряжены в ожидании

тревог. Живешь только настоящим. Устала жить, хочется покоя души и тела и морального спокойствия.

7-го небольшой бригадой были в Автово, давали концерт. Там удалось неплохо покушать и, к большому удивлению, даже так, что не хотелось совсем есть некоторое время. <…>

25 декабря 1941 г. <…> Жизнь стала настолько тяжелой и отвратной, что не хочется и писать. Силы слабеют с каждым днем, ноги отказываются ходить. Ни минуты не забываешь о том, что хочется кушать. Одно только желание осталось — пожрать. Буквально, в полном понимании этого слова. Эта мысль ни на минуту не уходит. Ночью бесконечно снятся вкусные вещи. Кушаем только один суп и к тому же — раз в день, а утром и вечером крохи хлеба и иногда черные из гущи [кофейной] лепешки. 125 г хлеба на день взрослому человеку — смешно сказать, а каково это испытать на собственной шкуре?! <…> Дома запасы исчерпаны все, живем на голом пайке, который никак не получить. С мамой ходим в 7 часов утра занимать очередь и уже стоим до 12–1 часа дня, а в результате заведующий выходит и объявляет, [что] сегодня ничего не будет. И так каждый день. А если что и привезут, то очередь превращается в бушующий океан, где тебя и раздавить и затоптать до смерти могут, и никто не даст руку помощи. Такие мизерные нормы и то не получишь… <…>

С 7 декабря устроилась в Театр [имени] Кирова. В пошивочную мастерскую на I категорию. Хлеба 250 г. Конечно, я и маме, и Зине (сестра. — *А.К.*) добавляю, поэтому и прибавки не чувствуется. Как материала нет, так приходится убирать снег. Другой раз так тяжело бывает. Перед глазами темные круги, сил нет совсем, ноги как по колено в воде, и вот в таком состоянии занимаешься таким трудом. Невольно вспомнишь окопы[31], как там питались, и, дураки, все были недовольны. А теперь работай и молчи. <…> Никакого облегчения не видно. Город гибнет, рушится, народ мрет. Покойников девать некуда. Кладбища, покойницкие завалены трупами от снарядов, от голода. По улицам бесконечно везут покойников, в гробах — очень мало, а то просто завернуты в тряпки, одеяла и на санях. Трамваи не ходят — нету тока. В квартирах света нет. У многих (большинства) керосина, дров нет, и вот картина: холод, тьма и голод. Одно время у меня были на что-то надежды, но сейчас я уже не могу себе представить, что мы, ленинградцы, когда-нибудь сможем увидеть хотя бы серенькую, но нормальную, спокойную жизнь. Люди стали как трупы, одни — совсем почерневшие от голода, другие — опухшие, налившиеся водой. <…> У нас дома

ни крупинки. Сегодня доедим щи из последней капусты, и завтра варить нечего.

31 декабря 1941 г. Семья, слава богу, пока сохранилась полностью. Хоть и в нужде, но мы все вместе. Но разве это цель жизни, я хочу жить, любить и наслаждаться жизнью. Хочу гореть как пламя. Не могу больше переносить мертвечины. О боже! Хочу музыки, хочу окунуться в мысли о чем-то жизненном, а не думать только о своем желудке. <…> Я не хочу смерти такой жалкой и ничтожной. Я хочу жить, жить и жить. Завожу пластинки Шестой симфонии Чайковского, душа сжимается, слышу родные, близкие, но «далекие» звуки, закрою глаза — вижу зал Филармонии, оркестр — знакомые лица. <…>

8 января 1942 г. <…> Пошли с мамой на Клинский рынок. Проболтались, замерзли. Она купила кусок дуранды за 120 р. Попали под обстрел, стреляли целый день. 6-го, в Сочельник, была в церкви. <…> Я с таким наслаждением постояла Всенощную, получила такое удовольствие, опять вернулись силы и бодрость, но — увы! — ненадолго. <…>

13 января 1942 г. Сегодня простояла за хлебом с 2-х час. до 6 час. 30 мин. Думала, будет обморок в магазине, до чего тошно стоять. Народу много, темно, все ругаются, хлеб воруют друг у друга. Взамен крупы за январь сегодня давали кисель. <…> А по радио сегодня говорили, что жители города Ленинграда героически пережили тяжелое время, что, мол, блокада прорвана, с каждым днем увеличивается подвоз продуктов и, мол, дела налаживаются и т. д.[32]

18 января 1942 г. <…> Я рада за Зину. Их в ансамбле теперь кормят три раза в день. Отобрали карточки, и хоть она одна покушает, и то хорошо. Утром дают кофе со сгущенным молоком, хлеб, сахар. На обед три блюда — суп, каша на молоке или с маслом, компот. И вечером опять суп, чай. За день 300 г хлеба. Вчера выступали в Смольном перед Ждановым и другими, так накормили досыта: 600 г хлеба, обед, ужин из трех блюд, куда входили две тарелки каши полные с жиром и мясом. Давали бутерброды со шпротами, которые принесла домой и угостила нас. Она приехала в

12 часов ночи. Мы уже спали, и, когда она стала все рассказывать, мне стало ужасно нехорошо, слюна подкатывалась к горлу, и я не могла спать, всю ночь промучилась. <…>

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Г. Ф. ЛЕЛЮХИНОЙ[33]

Когда началась война, мне было 20 лет. Тогда моя фамилия была Ершова. В музыкальном училище я заканчивала класс флейты. Поначалу мы не придавали такого значения событиям, совершенно не думали, что война столько времени, столько лет продлится. Но очень скоро, когда начались наши отступления, когда наши покатились назад и мы не успели опомниться, как враг подошел к городу, вот тогда мы поняли, что нас ждут тяжелые времена. Мы были в шоке. Потом начали урезать хлеб, стали пропадать продукты. С продуктами уже ноябрь был очень тяжелый. Ледовая дорога еще не работала, нас снабжали еле-еле-еле-еле.

Я поступила на завод, чтобы получать рабочую карточку — по ней давали больше хлеба. Работала сверловщицей на заводе — дырки сверлила в щитах для танков. И у меня кожа на руках начала трескаться. Начальник цеха, узнав, что я музыкант, перевел меня в ОТК [отдел технического контроля] проверять снаряды. Работали в несколько смен. До дома идти было далеко. Случалось попадать в бомбежки, в обстрелы. А в голове одна мысль: «Господи, скорее бы до дома добраться». Сначала мы все-таки были бодрые, а потом, честно-то говоря, какая-то тупость появилась. Люди умирали. Вот идешь по улице, а перед тобой человек хлопнулся, подойдешь — мертвый, ну что, пошел дальше. Как-то поздно, часов в 12, возвращалась домой — я на Лиговке жила тогда, — вошла в парадную, чувствую, нога что-то задела, смотрю — труп лежит. Ну что, перешагнула через него и пошла. <…> У меня потери начались с января 1942-го года. Сперва муж моей тети умер, потом тетя умерла, потом другая, в марте умерли мама и сестра. Я осталась с племянницей — больше никого не было. <…> Плакала ли я, когда вот так, даже без гроба, в одеяле положила маму в траншею? Переживала, конечно, но все-таки черствость какая-то была. <…> Ну, поплакала. Потом я по-настоящему плакала, когда мы в оркестре играли Чайковского. <…>

ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЙ И ДЕЛОВЫХ ПИСЕМ РУКОВОДИТЕЛЕЙ РАДИОКОМИТЕТА[34]

21 июля 1941 г. Приказ.[35]

Полагать на трудовых работах с 14 июля следующих товарищей с сохранением среднего заработка. [Подавляющее большинство в списке составляют

артисты БСО — 36 человек.]

25 июля 1941 г. Приказ.

Все мужчины, работающие в Радиокомитете, способные носить оружие, зачисляются в роту резерва. Занятия производить через день с 7 до 9 часов утра. [Среди перечисленных — 39 музыкантов БСО.]

11 сентября 1941 г. Приказ.

По сигналу «В. Т.» [«Воздушная тревога»] приказываю всем работникам Комитета, не состоящим в формированиях МПВО [Местной противовоздушной обороны], переходить в газо- и бомбоубежища.

28 октября 1941 г. Приказ.

Завтраки, обеды и ужины выдаются столовой по соответствующим карточкам и разовым талонам. <…> Завтраки и ужины обеспечиваются лишь сотрудникам, занятым на производстве или дежурящим по МПВО в течение данной ночи.

Начальнику Управления пожарной охраны

19 ноября 1941 г.

Ленинградский Радиокомитет (ул. Пролеткульта, 2) снабжается тепловой энергией от теплосети Ленэнерго. В настоящее время ввиду недостатка угля теплоцентраль не может обеспечить подачу воды требуемой для минимального нагрева помещений температуры (входная температура воды не более 40°). Кроме того, приходится считаться с возможностью, в случае повреждения линии, полного прекращения подачи горячей воды. Вместе с тем радиовещание должно проходить безостановочно, без перебоев, и ни под каким видом не может быть прекращено. В Комитете имеются помещения, требующие определенной температуры по техническим соображениям. К таким помещениям относятся: аппаратная, аккумуляторная, цеха записи на воск, на шоринофон, магнитофон и др. Недостаточное тепло в этих цехах приведет к техническим авариям, выводу из строя ценной радиоаппаратуры и тем самым к срыву вещания. Помимо того, для обеспечения бесперебойного художественного вещания необходимо

поддерживать нормальную температуру воздуха в студиях, где работают артисты — певцы, чтецы, оркестр и хор. Все это заставляет Радиокомитет просить [у] Вас разрешения на установку в некоторых своих помещениях временных железных печек.

Ввиду срочности вопроса прошу разрешить его безотлагательно.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 2. Д. 88.

Название архива далее не повторяется и указывается лишь номер дела.

Начальнику Главресторана

29 декабря 1941 г.

Трест столовых Куйбышевского района не отпускает на столовую ни дров, ни транспорта для перевозки продуктов, причем тов. Козлов требует их от Радиокомитета. Имеющееся у нас ограниченное количество горючего может быть израсходовано только на оперативную работу. Дров же мы не получали и получать не будем, так как имеем отопление теплоцентрали. <…>

Прошу Вас направить опытного инспектора для проверки работы столовой и принятия радикальных мер к улучшению обслуживания и снабжения.

Д. 88. Л. 2.

Приказ

9 января 1942 г.

Направить на работы по захоронению умерших… <…>

[Названы четверо сотрудников, в их числе музыканты БСО.]

Начальнику Горвнуторга

15 января 1942 г.

Ленрадиокомитет убедительно просит отпустить 10 кг свечей для комитета ввиду отсутствия осветительной энергии и необходимости бесперебойно вести вещание.

Д. 354. Л. 38.

В Топливно-энергетическое управление

15 января 1942 г.

Ленрадиокомитет просит отпустить дрова для отопления комитета на январь месяц в количестве 15 кбм. Расчет месячной потребности в дровах (32 печи 25, 2 кбм) представлен Вам 30 декабря 1941 г. (отопление печей-времянок)… <…> Ввиду сильных морозов и совершенной невозможности вести напряженную работу в условиях неотапливаемых помещений убедительная просьба удовлетворить заявку комитета (дополнительно к авансу — 15 кбм.) полностью и без отлагательств.

Д. 354. Л. 31.

Начальнику Горвнуторга

15 января 1942 г.

Согласно договоренности с Вами, Ленрадиокомитет убедительно просит отпустить для вышковых наружных постов МПВО три пары валенок.

Д. 354. Л. 12.

Заведующему Горздравотделом

17 января 1942 г.

Ленинградский Радиокомитет убедительно просит предоставить места в госпитале (гостиница «Астория») следующим руководящим работникам Ленинградского радиовещания: 1. Бабушкину Я. Л, — члену ВКП(б),

художественному руководителю радиокомитета. 2. Ходза Н. А. — писателю, начальнику отдела радиовещания для детей. 3. Меланеду М. Н. — члену ВКП(б), главному диктору Радиокомитета. 4. Маратову В. С. — члену ВКП(б), хормейстеру Радиокомитета, старейшему работнику ленинградских театров. 5. Элиасбергу К. И. — главному дирижеру Большого симфонического оркестра Ленинградского радиокомитета, лауреату Всесоюзного конкурса дирижеров. 6. Бронниковой Н. [Д]. — концертмейстеру (жене дирижера Элиасберга).

Д. 354. л. 6.

Начальнику Управление госрезервов

24 января 1942 г.

Ленрадиокомитет просит Вас отпустить для освещения аппаратных, диспетчерской, студий и редакционных помещений 40 литров керосина. (Электроосвещение в Доме радио отсутствует.)

Д. 354. л. 11.

Начальнику Горвнуторга

«__» января 1942 г.

Ленинградский радиокомитет просит отпустить для аварийных нужд 20 фонарей «летучая мышь».

Д. 354. Л. 8. Дата в копии документа не проставлена.

Управляющему продторгами Ленинграда

30 января 1942 г.

Ленинградский радиокомитет просит отпустить для нужд комитета: умывальников однососковых — 5, тазиков оцинкованных — 10.

Д. 351. Л. 21.

Директору Союзплодовощ

30 января 1942 г.

Ленинградский радиокомитет просит отпустить для нужд Радиокомитета три бочки, могущие быть использованы для хранения питьевой воды.

Д. 354. Л. 13.

В Управление Госрезервов

4 февраля 1942 г.

В связи с прекращением работы теплоцентрали Ленинградский радиокомитет, не имеющий своей котельной установки, в декабре месяце оказался под угрозой полного срыва радиовещания из-за холода. Установив печи-времянки в помещениях аппаратных, студиях, диспетчерской, цехах звукозаписи и основных редакционных помещениях, где необходимо поддерживать минимальную температуру для сохранения техники и работы редакций, мы оказались в крайне затруднительном положении с дровами. Прошу Вас отпустить на февраль месяц не менее 60-ти куб. м. дров, учитывая, что прекратить отопление ряда комнат — означает заморозить технику радиовещания, что в свою очередь приведет к тяжким осложнениям с почти единственным источником информации ленинградцев — радиовещанием.

Д. 351. Л. 132.

Секретарю Ленинградского горкома партии

и зам. председателя Ленгорисполкома

6 февраля 1942 г.

Положение с исполнительскими силами (артисты,

музыканты) в художественном радиовещании настолько серьезно, что Радиокомитет считает необходимым довести его до Вашего сведения.

Осенняя эвакуация театров и концертных организаций сократила базу исполнителей для Радио. Проходящая в настоящее время дополнительная эвакуация полностью лишает нас возможности приглашения музыкантов, чтецов и певцов со стороны. Оставшиеся в Ленинграде исполнители почти все время находятся в разъездах, работая в армейских художественных коллективах и концертных бригадах, обслуживающих армию и флот. Следовательно, основой художественного вещания могут быть сейчас только артисты, находящиеся в штате Радиокомитета.

Уже в настоящее время репертуар художественного радиовещания крайне беден, ограничен небольшими фондами граммофонных пластинок и тонфильмов. (Как известно, граммофонных пластинок и тонфильмов на современные темы — темы Отечественной войны — нет.)

Имея в виду необходимость в ближайшее время развертывать художественное вещание в полном объеме, нужно безотлагательно решить вопрос о судьбе основных коллективов Радиокомитета — Большого симфонического оркестра и хора.

Работа их занимает в обычное время 40–50 % всей программы радиовещания. В настоящее время положение этих коллективов может быть охарактеризовано следующими данными: в Большом симфоническом оркестре умерло 7 человек, больных и крайне истощенных — 16, ослабевших до временной потери трудоспособности — 12; в хоре умерло 4 человека, больных и крайне истощенных — 15, ослабевших до временной потери трудоспособности — 5. Таким образом, в настоящее время коллективы неработоспособны.

Благодаря помощи, оказанной Ленинградским Советом группе ведущих артистов, коллективы сохранили еще костяк в 20–25 человек, работоспособных и сейчас. В этот костяк входит большинство наиболее квалифицированных и ценных исполнителей, но эта группа начинает в последнее время таять (умерло два ведущих скрипача, первый фаготист, лучший ударник оркестра и второй концертмейстер — контрабас, в очень тяжелом положении находятся лучший виолончелист,

лучший контрабасист, первый гобоист и первый флейтист). Аналогично положение и в хоре, где особо пострадала мужская группа басов и теноров.

В настоящих условиях Радиокомитет не имеет возможности коренным образом изменить положение этих ценнейших коллективов. Эвакуация их обычным порядком неизбежно повлечет распад коллективов и означает безнадежную потерю их для Ленинградского радио не только на весь период войны, но и на несколько лет вперед.

Просим разрешить нам провести следующее:

Ходатайствовать перед Всесоюзным радиокомитетом о командировке этих коллективов в распоряжение одного из крупных областных радиокомитетов (Вологда, Архангельск). Перевести лимиты зарплаты из Ленинграда на этот радиокомитет. Работая в системе радио, имея обеспеченный заработок и производственную базу, музыканты и певцы поправят здоровье.

При первой же необходимости мы должны отозвать их в Ленинград целиком, для обслуживания вещания и города. Сохранив оркестр и хор, мы сразу же после снятия блокады получим для радиовещания высококачественные коллективы и будем иметь реальную основу для восстановления их в полном объеме.

д. 351. л. 119.

Начальнику продторгов

10 февраля 1942 г.

Прошу Вас оказать помощь сотрудникам Радиокомитета, ведущим напряженную работу по радиовещанию, путем выделения некоторого фонда льняного жмыха.

Д. 351. Л. 114.

ИЗ ПИСЬМА В. А. ЗАВЕТНОВСКОГО[36]

13 февраля 1942 г. <…> За это время у нас в

продовольственном отношении произошли улучшения: во-первых, прибавили хлеба. Я стал получать 500 г в день, а мамочка 300 г. <…> Кроме того, неожиданно 10 февраля я получил так называемый «академический паек» по ходатайству Дома ученых. Совет Дома ученых составил и послал письмо т. Жданову, в котором просил помочь ученым, академикам и заслуженным деятелям науки и искусства по примеру голодных годов во время революции, так как стали умирать и довольно много заслуж<енных> ученых. <…> 10 февраля (через Филармонию) я был вызван к заведующему магазином Елисеева, где и получил в тот же день этот паек. Он состоял: 2 кило мяса, 2 кило белой муки, 1 кило пшенной крупы, 1 кило гречневой крупы, 1 кило гороху, 1 кило сахара, кило сливочного масла. Весь пакет стоит 57 р. Кроме того, прикрепили наши прод[уктовые] карточки к этому магазину и предоставили право получать нормированные продукты в особом помещении (со двора) без очереди.

Приказ

17 февраля 1942 г.

<…> В мужском общежитии команды МПВО и оркестра (комната № 29) грубо нарушаются элементарные правила санитарного содержания комнаты, нет и намека на желание живущих в комнате благоустроить свой быт. В общежитии грязно, постели не убираются, пол не выметен, не проветрена комната. Дневальные отвиливают от работы, некоторые товарищи не моются[37].

В Управление по делам искусств

20 февраля 1942 г.

Прошу поместить в стационар работников искусств (в БДТ[38] и Филармонии) следующих работников Ленинградского радиокомитета [перечислены 15 человек — музыканты оркестра и хора].

Д. 351. Л. 88.

В Управление по делам искусств

20 февраля 1942 г.

В дополнение к нашему списку на 15 человек работников Радиокомитета направляю дополнительный список на 5 человек (согласно указания тов. [Е. Т.] Федоровой) для направления в стационар [в списке — музыканты оркестра и хора].

Д. 351. Л. 87.

Заведующему Горздравотделом

16 марта 1942 г.

Ленинградский радиокомитет убедительно просит предоставить места в стационаре гостиницы «Астория» артистам Большого симфонического оркестра в состава следующих товарищей [перечислены 4 человека].

Д. 354. Л. 49.

Заведующему Горздравотделом

23 марта 1942 г.

Ленинградский радиокомитет просит предоставить места в стационаре гостиницы «Астория» сотрудникам Ленрадиокомитета, артистам Большого симфонического оркестра и хора [названо 5 фамилий].

Д. 354. Л. 47.

В Управление по делам искусств

25 марта 1942 г.

Довожу до вашего сведения, что контингент питающихся в столовой БДТ — 26 человек явно недостаточен для удовлетворения основного костяка симфонического оркестра, в котором должен быть 60–61 человек. Поэтому прошу Вас добавить в список столующихся еще 14 человек и довести число питающихся до 40 человек, причем прошу выделить 20

постоянных и 20 скользящих пропусков[39].

Д. 351. Л. 36.

Заведующему Горздравотделом

25 марта 1942 г.

Ленинградский радиокомитет просит поместить в стационар «Астория» главного дирижера Радиокомитета тов. Элиасберга К. И., много работающего по воссозданию Большого симфонического оркестра, а также других музыкальных коллективов города. Тов. Элиасберг единственный оставшийся в городе крупный дирижер[40].

Д. 351. Л. 30.

Заведующему Горздравотделом

3 апреля 1942 г.

На основании договоренности с секретарем горкома ВКП(б) тов. Шумиловым Ленинградский радиокомитет просит предоставить два места в стационаре «Астория» — для главного дирижера тов. Элиасберга и его жены тов. Бронниковой.

Д. 351. Л. 15.

СУДЬБА МУЗЫКИ

Первой блокадной зимой музыки в эфире Ленинграда не было. Из радиопередач она практически ушла. «В обстановке усиливающегося голода мы рекомендовали воздержаться от музыкальных передач», — признавался секретарь горкома партии Н. Д. Шумилов. Берггольц о зиме 1941/42 года: «…по радио тоже очень долго не передавалось ни музыки, ни пения, но зато были обширные и ежедневные литературные передачи». «По радио музыка уже не звучала», — писал о декабрьских днях М. Меланед (главный диктор блокадного Радиокомитета). «По городской сети нельзя было давать музыку», — свидетельствовал один из

руководителей Радио. Есть и другие того же рода свидетельства[41]. Наиболее определенно высказался К. Лейбенкрафт в своем письме: «Запретили музыку на Радио».

Отсутствие музыки действовало гнетуще. Об этом, в частности, говорили моряки-балтийцы при встречах с руководителем Театра Краснознаменного Балтийского флота А. Пергаментом. Тот связался с художественным руководителем Радиокомитета Я. Бабушкиным. Решительный переворот произошел, когда в дело вмешался Жданов. Об этом Бабушкин рассказал

1 мая 1942 года писателю А. Фадееву, навестившему сотрудников блокадного Радио: «Можешь себе представить, — вспоминал он минувшую зиму, — обледеневший город, немец под городом, ежедневно обстрел, трамвай не ходит, время суровое — мы думали, музыка неуместна в такие дни. И все агитировали с утра до вечера. Ну, агитаторов тоже не хватало, выпадали целые часы молчания, когда только один метроном стучал: тук… тук… тук… тук… Представляешь себе? Эдак всю ночь, да еще и даем. Вдруг нам говорят: „Что это вы эдакое уныние разводите? Хоть бы сыграли что-нибудь“. Тут я и стал искать по городу музыкантов»[42].

Итак, определяющим толчком к развороту музыкального вещания, к возрождению его коллективов, и в первую очередь — симфонического оркестра, было замечание, исходящее от секретаря Центрального комитета партии, секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), члена военного совета Ленинградского фронта (таковы были официальные титулы А. А. Жданова). Замечание, высказанное начальством, может быть, мимоходом, у нас, согласно традиции, воспринимается как руководство к действию, как приказ, подлежащий непременному выполнению. «Руководящее указание» надлежало выполнить с максимальным размахом. Как мы видели, продовольственная и медицинская помощь оркестру была оказана.

За ней последовали и творческие успехи. Сдвиги начались весной 1942 года.

ХРОНИКА ВЕСЕННИХ СОБЫТИЙ

Март. 2 марта в Куйбышеве (теперь по-старому — Самара) состоялась премьера Седьмой симфонии Шостаковича.

29 марта она впервые прозвучала в Москве. Газета «Известия» привела слова композитора: «Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу —

Ленинграду я посвящаю свою Седьмую симфонию». В том же месяце в Ленинграде, в Управлении по делам искусств, решалась судьба Большого симфонического оркестра Радиокомитета — возрождать или эвакуировать. Из стационара в «Астории» пришел К. И. Элиасберг, из Дома радио — А. Прессер (инспектор коллектива). Прессер сообщил, что относительно работоспособны лишь 16 человек. Остальные либо умерли, либо не могут трудиться, находятся в госпиталях и стационарах. Однако почти все ведущие исполнители сохранились. Начальник управления Б. Загурский сказал, его ведомство располагает продуктовыми ресурсами, которые будут направлены на возрождение оркестра. Таким образом, было решено восстанавливать коллектив и начать концертный сезон. О наборе в оркестр объявили по радио. Известие о том, что принятых «подкормят», распространилось в городе. Музыканты стали приходить на испытание. 30-го в малой студии Радиокомитета состоялась первая репетиция. Топилась печка-буржуйка, было дымно, угарно. О. Берггольц и Г. Макогоненко описали свое впечатление в киносценарии. «Никто не сказал бы, что эти исхудавшие, темнолицые, фантастически одетые люди — музыканты, больше того — оркестр. Они похожи на беженцев, на погорельцев… Дирижер в ушанке с поднятыми ушами, в меховых варежках стоит перед оркестром. <…> Оркестранты устремляют на него ввалившиеся глаза. Дирижер взмахивает палочкой. Нестройные, какие-то разбредающиеся, жалкие звуки — все вразброд, слабо, хрипло, фальшиво» (*Берггольц О., Макогоненко Г.* Ленинградская симфония: Киносценарий // Звезда. 1945. № 3. С. 70). Некоторых музыкантов пришлось отсеять. Рухнули их надежды на паек, на возвращение к музыке. Не оправдал себя валторнист. В бухгалтерию поступила записка с просьбой рассчитать его, не задерживая: ему будет трудно приехать вторично, он «очень больной и слабый».

Подготовили бумагу военкому Ленинграда: «Укомплектовывая и восстанавливая по заданию горкома ВКП(б) симфонический оркестр города Ленинграда, Радиокомитет наталкивается на трудности отсутствия в городе некоторых категорий артистов оркестра, как, например, фаготов и валторн. Ввиду изложенного просим Вашего разрешения к совмещению в работе комплектуемого оркестра бойцов-оркестрантов комендантского оркестра тов. Еремкина — фаготиста и тов. Орехова — валторниста, без которых восстановить симфоническую музыку в Ленинграде почти невозможно» (Д. 351. Л. 35). Согласие последовало незамедлительно: оба музыканта участвовали уже в первых репетициях. К концу марта начала

функционировать столовая. Все музыканты оркестра получили продуктовые карточки I категории.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Г. Ф. ЛЕЛЮХИНОЙ

Услышав объявление по радио, я взяла под мышку свою флейту и пошла. Прихожу, а там Карл Ильич Элиасберг — тоже весь такой дистрофичный. Он мне сказал: «Больше на завод не ходи. Всё. Завод твой кончился. Теперь будешь в оркестре работать». Нас сперва было мало. Кого-то привозили на санках, кто-то шел с палочкой. Я сильно хромала: из-за цинги у меня стянуло ногу под коленкой.

Если Элиасберг замечал, что я на репетициях плачу, он сердился, говорил: «Все мы переживаем, что это еще за слезы!» Он нам слабинки не давал никакой. Но ко мне относился хорошо. Я, можно сказать, в оркестре была самая молодая, а потом, все знали, что у меня девочка-племянница на руках. <…>

ИЗ ДНЕВНИКА К. М. МАТУС

31 марта. Мы с мамой скушали супец, и я поплелась на Радио (где оформилась с 20 марта) на репетицию. Репетиция была небольшая… <…> Домой пришла еле-еле — ноги совсем не идут. <…>

Апрель. 1 апреля по Ленинградскому радио была зачитана статья известного публициста Ем. Ярославского «Симфония всепобеждающего мужества» (в связи с московской премьерой симфонии Шостаковича). Спустя несколько дней прозвучал очерк Д. Заславского «Симфония героической борьбы и победы» (о новом произведении и о «пристальном внимании», которое весь мир проявляет к творчеству композитора).

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЕВНИКА К. М. МАТУС

6 апреля. Мне пока повезло. С 3 апреля я питаюсь в столовой Большого драматического театра. Столовая

открылась специально для поддержки работников искусства, ну и наш оркестр, конечно, этими благами пользуется. 3-го я обедала в первый раз, и пришлось без хлеба, поэтому я не получила полностью удовлетворения, зато все остальные дни я блаженствую. Обед из трех блюд, а на завтрак дают чай и что-нибудь к чаю (омлет, кашу, запеканку и пр.). <…> Немец, видимо ради праздничка, в субботу соизволил после продолжительного перерыва опять пошвырять «конфеток». Ночью тоже прыгали в постелях. Налеты были большие, и швырял много. <…> Вечером [в воскресенье, 5-го] у нас был первый концерт в Александринке. Мы были заняты только в первом отделении. <…>

5-го апреля оркестр Радиокомитета впервые выступил перед публикой. «Мы заняли лишь одно отделение: оркестранты (да и дирижер) были еще слишком слабы», — вспоминал Элиасберг[43]. Звучала русская музыка — арии героико-патриотического характера, симфонические фрагменты.

Второе отделение было отдано большой группе солистов (в основном — певцам). «Ленинградская правда» поместила анонс об открытии цикла концертов. Назвала ведущих музыкантов, дирижера. Публика откликнулась на приглашение, тем более что дорогу к Пушкинскому театру она освоила — уже месяц здесь успешно выступал Театр музыкальной комедии. Теперь — в свои часы — здесь звучала симфоническая музыка. Концерты проходили по воскресеньям. Один из ленинградцев описал концерт, состоявшийся 12 апреля: «Все билеты были проданы, и я купил билет с рук у подъезда, где стояло много желающих их приобрести. Зал не отапливается, было холодно, но все же можно было сидеть не особенно замерзая, но, конечно, в пальто. Оркестранты выступали без верхней одежды, но заметно мерзли»[44].

ИЗ ДНЕВНИКА К. М. МАТУС

16 апреля. Ну, кажется, окончательно пришла весна. Солнышко греет, последний снег тает. Самочувствие неплохое. Еще неважно с ногами, но, надеюсь, и это пройдет. Обеды и завтраки прекрасные, и почти сыта. Вернее, сыта, но ненадолго — и к вечеру хочется опять кушать. Каждое воскресенье у нас

концерты. Два раза были в Александринке, а теперь не знаю, где будет. С 15-го пошли трамваи 3, 7, 11, 9, 12. Правда, ходят очень нерегулярно, но все же очень приятно, что город оживает. В магазинах продукты выдают систематически, но нормы те же, не прибавляют. В Радио каждый день репетиции с 12 до 2-х часов.

19 апреля оркестр играл для моряков — дал большой концерт в Доме флота.

26 апреля — вновь в Пушкинском театре. Параллельно творческой работе продолжались поиски музыкантов — в оркестровых группах оставались вакантные места. Хороших профессионалов следовало не только найти, но и договориться с их руководителями (почти все работали, подчас не по специальности). Иногда приходилось вести длительные переговоры, используя то дипломатические методы, то «силовые» приемы… Так или иначе оркестр пополнялся, на ежедневных репетициях музыканты всё увереннее сыгрывались, превращались в единый организм. Сложнее становились программы, которые звучали в концертных залах, шли в эфир, включались в шефские выступления.

Два мало заметных факта необходимо отметить особо. В ЦГАЛИ хранится фрагмент какого-то решения или обязательства. Один из пунктов гласит: «Добиться получения из Москвы Седьмой симфонии Шостаковича, поставить ее силами симфонического оркестра»[45]. Это раннее свидетельство возникшего замысла исполнить симфонию. Оно относится к концу марта — началу апреля. А 6 апреля Радиокомитет подготовил письма Шостаковичу, содержащие просьбу о содействии в получении нот его Седьмой симфонии. Сообщалось, что ленинградскую премьеру хотят подготовить «не позже 1 мая»[46].

Май. 1 мая выступлением симфонического оркестра Радиокомитета открылся Большой зал Филармонии — главная концертная площадка города. Отныне коллектив стал здесь постоянным исполнителем. Сделанный в тот день фотокорреспондентом снимок (событию придавалось большое значение) запечатлел и заполненный зал, и дирижера, и (частично) оркестр (см. фотографию на вклейке).

Известны две дневниковые записи, сделанные в тот день слушателями. Программа состояла из произведений Чайковского. Особенно впечатлил финал Пятой симфонии — завершающее ее победное шествие. Один ленинградец писал, что под эти звуки и

умереть было бы радостно, другой заметил, что «под этот марш хотелось бы вступить под Бранденбургские ворота»[47].

Спустя несколько дней программа была повторена. Затем оркестр выступил в подшефном госпитале, постоянно звучал в эфире ленинградского радио. Репертуар становился все более разнообразным. Он включал и «большую» симфоническую музыку, и оркестровые миниатюры, и аккомпанемент певцам-солистам (любимые блокадниками артисты исполняли оперные арии, ансамбли, песни). Большинство музыкантов оркестра постоянно выступали и помимо своего коллектива — особенно часто в дни государственных праздников.

О том, как у него сложилось 1 мая, написал дочери В. Заветновский. Он встал в 5 часов утра, чтобы успеть выполнить всю домашнюю работу (принести воду, сходить в магазин, приготовить еду, позавтракать и покормить больную жену — она не могла ничего делать из-за сломанной руки). В 8.30 репетиция ансамбля с пианистом А. Каменским к предстоящему выступлению. В 10.15 в Филармонии началась репетиция вечернего концерта. В час дня скрипач играл в госпитале, а в 5 часов — в воинской части. В 7 часов он сидел за своим пультом в Филармонии. «На концерт в 5 часов возили на машине, а остальное все пешком», — сообщал артист. Тем не менее ответственное соло в сюите из «Лебединого озера» он исполнил, по собственным словам, «очень удачно». (Слушавшая концерт по радио, жена подтвердила: «Очень хорошо звучало».) Может быть, помогло, что в течение дня музыканта несколько раз накормили (об этом он также не упустил сообщить в своем письме).

Из его же письма от 14 мая: «На Радио работа наладилась. Репетиции каждый день с 10 утра, вечером бывают передачи, а по воскресеньям или субботам концерты в Филармонии. Сегодня и репетиция, и передача вечером — увертюра Россини „Сорока-воровка“, марш из „Пророка“ (опера Мейербера), тарантелла Листа… <…> 16-го концерт в Филармонии под управлением Альтермана — норвежская музыка. Концерт фортепьянный Грига играет Каменский».

Заметным событием в начале мая стало выступление по радио Ольги Берггольц. Еще в марте Радиокомитет направил ее в командировку в Москву, и теперь, вернувшись, она рассказала по радио об огромном впечатлении от московской премьеры Седьмой симфонии: «Это наша бесслезная скорбь о наших родных и близких — защитниках Ленинграда, погибших в битвах на подступах к городу, упавших на его улицах, умерших в его полуслепых домах»[48].

О своем впечатлении о музыке Шостаковича Берггольц

сделала запись еще раньше, в дневнике от 29 марта 1942 года: «Сегодня была на 7 симфонии Шостаковича… Я внутренне все время рыдала, слушая первую часть, и так изнемогла от немыслимого напряжения, слушая ее, что середина как-то пропала. Слыхали ли ее в Ленинграде, наши! <…>»[49] Но чрезвычайно характерна и запись от 1 марта: «О Ленинграде все скрывалось, о нем не знали правды так же, как об ежовской тюрьме. Я рассказываю им о нем, как когда-то говорила о тюрьме, — неудержимо, с тупым, посторонним удивлением»[50]

И запись от 20 марта: «А для слова — правдивого слова о Ленинграде — еще, видимо, не пришло время… Придет ли оно вообще?»[51]

Июнь. Та же Берггольц сообщила ленинградцам по радиоо предстоящей блокадной премьере. «Через месяц-полтора в открытом дневнике города — на славных стенах его — появится новая страница: афиша, извещающая о первом исполнении Седьмой симфонии в Ленинграде»[52]. Правда, Радиокомитет был озабочен не рекламой, а реальными, насущными проблемами: в Управление по делам искусств была направлена докладная записка о том, что для исполнения Седьмой симфонии необходимо максимально увеличить состав оркестра.

Параллельно развертывалась концертная деятельность. Большой резонанс имела программа, исполненная 14 июня, — Элиасберг и оркестр подготовили Шестую (Патетическую) симфонию Чайковского. Мало-мальски образованный в классической музыке человек знает, что это сочинение для коллектива исполнителей является проверкой на высокий профессионализм. Оркестр подтвердил его.

В Филармонии побывал А. Фадеев. Увиденное и услышанное потрясло писателя. Несколько десятков строк, написанных им, — восторженный романтический дифирамб слушателям, заполнившим Филармонию, и оркестру, дарующему ленинградцам минуты истинного счастья.

«<…> В тишине зала, — пишет Фадеев, — перед одетыми в черное и уже наладившими инструменты музыкантами вырос над пультом высокий, сутуловатый человек с выразительными белыми руками, в черном фраке. Он поднял палочку, и симфония началась.

И только она началась, лица всех сидящих в зале преобразились. Из будничных, обремененных суровыми тяготами и заботами, они, эти изможденные лица, стали очень ясными, открытыми и простыми. Они не были похожи на лица любого обычного концертного зала. Печать великого знания лежала на

этих лицах.

Раза два во время исполнения симфонии начинался артиллерийский обстрел города, а лица людей с тем же ясным, открытым и простым выражением, выражением знания, недоступного и неизвестного людям других мест, были обращены к оркестру.

Часа через три я был уже в Москве и вступил в привычные условия жизни. Но еще много дней я не мог привыкнуть к этой жизни. И когда люди говорили мне что-нибудь, я не мог вслушаться в то, что они говорили, и видел только, как они шевелят губами, настолько то, что они мне говорили, было далеко от меня. Снова и снова вставали в памяти моей и этот зал Филармонии, и эти лица, и мощные звуки Шестой симфонии Чайковского, восходящие к небу»[53].

Восторженные строки Фадеев посвятил концерту и в другой публикации: «В то время, когда враг <…> в бессильной ярости пытается запугать ленинградцев бомбами и снарядами, в Ленинграде стоят июньские белые ночи, распустились тополя, и в переполненном зале Филармонии звучат мощные звуки Шестой симфонии Чайковского, звучат на весь мир, как символ величия человеческого духа»[54].

Романтическая приподнятость ощущается даже в деловом документе, подготовленном в те дни. Это был приказ по Ленинградскому радиокомитету и Управлению по делам искусств (подписан обоими руководителями, а также художественным руководителем Радиокомитета Я. Бабушкиным). Ниже он изложен в пересказе и с обширными выдержками[55].

«Последние концерты симфонического оркестра — программа из произведений Массне (исполнена 10 июня в студии Лен. радиокомитета) и, особенно, Шестая симфония и Итальянское каприччио Чайковского (концерт в Филармонии 14 июня) — свидетельствуют о значительном росте оркестра как художественного коллектива.

Успехи последних концертов убедительно говорят о том, что, вопреки обывательскому неверию в возможность возобновления работы в Ленинграде, в условиях блокады, общегородского симфонического оркестра, последний в небольшой срок был восстановлен и с честью выполняет немаловажную политическую задачу по обслуживанию радио и Филармонии.

Возобновление работы оркестра проходило в исключительно трудной обстановке, обусловленной блокадой Ленинграда. Эта обстановка требовала инициативного и разностороннего участия артистов в его восстановлении, вплоть до выполнения разного рода черновой организационной работы, независимо от

специальности и квалификации. Нынешние успехи оркестра стали возможны только благодаря трудовому энтузиазму, упорству и любви к своему делу лучшей, передовой части артистов оркестра, победившей все препятствия на пути к превращению оркестра в подлинный художественный коллектив».

Особый параграф приказа посвящен руководителю коллектива: «Исключительную роль в восстановлении симфонического оркестра сыграл его главный дирижер К. И. Элиасберг, которому оркестр в первую очередь обязан своими художественными достижениями». Авторы приказа подчеркивают «самоотверженную работу, настойчивость, преданность делу», проявленные Элиасбергом при восстановлении оркестра, отмечают «активную борьбу за улучшение его качества».

Далее выделена группа музыкантов, оказавших «большую помощь администрации в восстановлении симфонического оркестра», принявших «активное участие, независимо от затрат времени и здоровья, в развертывании деятельности оркестра», проявивших «высокое качество артистической работы». В этом разделе названы концертмейстер оркестра С. Аркин, скрипач В. Заветновский, концертмейстер альтов И. Ясенявский, гобоист солист Е. Шах, трубач В. Елисеев, инспектор оркестра А. Прессер, ответственный редактор симфонических концертов Ф. Гоухберг.

Большое число музыкантов отмечено за «отличную работу, способствовавшую восстановлению симфонического оркестра», за «подлинно честное отношение к труду», за «образцы организованности и дисциплины».

В приказе указано, что существенную помощь в возобновлении работы оркестра оказали комендант Ленинграда полковник Денисов и военком старший батальонный комиссар Сидоров Названы уже знакомые нам музыканты-красноармейцы Еремкин и Орехов, «принимавшие по приказанию своего командования участие во всех концертах симфонического оркестра и проявившие аккуратность, дисциплинированность и высокое знание дела».

В заключительном параграфе говорится: «Сейчас — в период, когда оркестр приступает к развернутой производственной деятельности, перед ним стоит задача приложить все усилия для повышения качества своей работы…»

Дирекция Радиокомитета, как мы знаем, сдержанно относилась к деятельности оркестра, не часто поощряла его. Характер приказа наводит на мысль о том, что он был подготовлен с дальним прицелом. Суть излагалась в заключительном абзаце, где было предложено «показать образцы

исполнительской культуры и мастерства в подготовке Седьмой симфонии лауреата Сталинской премии композитора Шостаковича» и выражалась «твердая уверенность в том, что коллектив оркестра с этой задачей полностью справится».

Июль. Боясь, видимо, что «пряник» в виде предыдущего приказа принесет и нежелательный результат, руководство вспомнило и о «кнуте». 6 июля был издан «Приказ по объекту МПВО Дома радио». «За последние месяцы, — отмечалось в нем, — дисциплина среди бойцов и командиров МПВО значительно упала… <…> Особенно выделяются как дезорганизаторы охраны объекта артисты БСО. Исходя из вредных представлений, что якобы в связи с большой производственной нагрузкой оркестрантам „некогда“ заниматься охраной Дома радио, товарищи <…>[56] плохо работают в команде». Все были призваны к порядку, а командир снят со своего поста и «разжалован» в рядовые.

И все же в центре внимания и руководства Радиокомитета, и музыкантов оставалась предстоящая премьера.

В июле о симфонии часто писала «Ленинградская правда». 2 июля в газете напечатана заметка «Публичное исполнение Седьмой симфонии Шостаковича». Сообщается о доставленной в Ленинград самолетом партитуре симфонии, напоминается, что она — «одно из выдающихся произведений симфонической литературы» и навеяна «героической борьбой ленинградцев <…> участником и очевидцем которой был композитор»; говорится, что ее исполнение состоится в Филармонии под управлением К. Элиасберга (временем премьеры названа середина июля).

В ближайшие за тем дни ленинградцы узнавали об исполнении Симфонии в Англии (произвела там «глубокое впечатление»), за океаном (заметка шла под названием «Успех Седьмой симфонии Шостаковича в США»), в Новосибирске (исполнял находящийся там в эвакуации оркестр Ленинградской филармонии под руководством Е. Мравинского; Шостакович приехал на эту премьеру и после концерта сказал журналистам, что «удовлетворен исполнением симфонии, задуманной и написанной в героическом городе Ленина»).

Курьезную, если взглянуть со стороны, бумагу сохранил архив. Радиокомитет осажденного города обратился к директору гостиницы «Астория» с просьбой предоставить на месяц номер для семи военнослужащих, «прикомандированных Политуправлением Ленинградского фронта в распоряжение Большого симфонического оркестра радиокомитета для исполнения Седьмой симфонии Шостаковича».

Документ датирован 21 июля[57]. А 25-го Элиасберг, проведя очередной концерт по радио, полностью переключился на Седьмую симфонию. «Мы приступили к работе — длительной, тщательной, трудной», — вспоминал дирижер[58]. Если поначалу часть музыкантов сомневалась в возможности успешно справиться со столь сложным произведением, то постепенно сомнения преодолевались. Все большее число людей начало верить в успех.

«Работы уйма всякого рода. В общем — борьба! <…> Ленинградцы поистине герои», — писал на Большую землю виолончелист К. Ананян[59].

Сначала симфония разучивалась группами инструментов. 28 июля состоялась первая общая репетиция. Работа шла над первой частью симфонии.

Август. Мы приблизились к знаменательной дате. 9 августа 1942 года в Ленинграде впервые прозвучала Седьмая (Ленинградская) симфония Шостаковича. Факт ее сочинения в большинстве стран был воспринят как событие мирового масштаба, и примерно так же мировое культурное сообщество отнеслось к ее исполнению в осажденном городе.

В преддверии этого события, 7 августа, «Ленинградская правда» опубликовала беседу с К. И. Элиасбергом. «Вся подготовительная работа нами закончена, — говорил дирижер. — Сейчас коллектив оркестра занят художественной отделкой исполнения симфонии».

Концерт из зала Филармонии транслировался, и перед началом диктор торжественно зачитал текст: «Товарищи, в культурной жизни нашего города сегодня большое событие. Через несколько минут вы услышите впервые исполняемую в Ленинграде Седьмую симфонию Дмитрия Шостаковича — нашего выдающегося земляка… <…> Дмитрий Шостакович написал симфонию, которая зовет на борьбу и утверждает веру в победу. Само исполнение Седьмой симфонии в осажденном Ленинграде — свидетельство неистребимого патриотического духа ленинградцев, их стойкости и веры в победу, их готовности до последней капли крови бороться и завоевать победу над врагом. Слушайте, товарищи…»[60]

Как видим, премьере был придан официально-торжественный статус. Это подчеркивалось и присутствием в зале необычных для Филармонии слушателей — высоких военных, партийных, советских руководителей[61]. В то же время в зале находилась и культурная элита города, и обычные любители филармонических концертов. Зал был «наполовину пуст» или «наполовину полон»?

В последние годы — годы пересмотра всех утверждений минувших лет — иногда доводилось слышать, что публику составляли военные, прибывшие в организованном порядке.

Конечно, их было много — при генералах и руководящих лицах всегда большая свита. Не вдаваясь в полемику, приведу выдержки из письма сотрудника Публичной библиотеки В. Люблинского (написано 10 августа). В них и его взгляд на желанный концерт, и ситуация с билетами. Люблинский «был очень огорчен» тем, что «вопреки двухнедельным ожиданиям и надеждам» не попал накануне в Филармонию. «Не успев достать полностью расхватанных билетов», он «даже обеспечил себе пропуск», но не удалось освободиться от дежурства на работе. «У меня, — продолжает Люблинский, — хватит терпения дождаться следующих исполнений, но мне было бы бесконечно любопытно присутствовать на премьере, как на событии, увидеть нынешний „цвет общества“, запомнить момент; ведь в любом серьезном романе о Ленинграде эпохи блокады этот вечер должен был бы найти место в цепи таких дат, как начало войны, как последние дни перед началом осады, как дым первых бомбежек <…>»[62]

Концерт вошел в историю. Вошли в историю и люди, осуществившие премьеру. В программке были перечислены 80 человек (Лев Маргулис — в их числе), а также дирижер К. Элиасберг, ассистент дирижера С. Аркин, руководители духовых оркестров, чьи музыканты были в числе исполнителей, — А. Геншафт и Н. Маслов, инспектор оркестра А. Прессер, библиотекарь О. Шемякина.

Понимание своей причастности к истории укреплялось в музыкантах постепенно. «Мы как-то не отдавали себе отчета, что это что-то чрезвычайное, — вспоминала Г. Лелюхина (Ершова). — Ну, думали надо играть эту симфонию Шостаковича, ведь специально написана, вроде бы, о Ленинграде. Знали, что будем ее в Филармонии играть и готовились, репетировали. Играть было очень трудно, потому что музыка сама по себе трудная. Особенно трудно было нам, духовикам. Не хватало дыхания. Кроме того, в Радиокомитете было холодно, особенно у скрипачей руки мерзли»[63]. Уже говорилось, что некоторые исполнители протестовали против подготовки симфонии, считали это непосильным трудом. Подобные ситуации при подготовке музыкальных шедевров складывались и в прошлом (например, в 1930-е годы солисты балета заявляли, что танцевать балет «Ромео и Джульетта» Прокофьева невозможно).

Однако талант композитора, масштаб сочинения, воля дирижера сделали свое дело. Ведь исполнителями были профессионалы, и мощь музыки не могла оставить их

равнодушными. И сама симфония, и ажиотаж вокруг премьеры постепенно пробудили понимание масштаба события. Возникло желание подтвердить, зафиксировать свое участие в нем. Так возникали своего рода «заметки на полях».

В нотной библиотеке бывшего Радиокомитета (ныне «Телерадиокомпания „Петербург“ (Радио „Петербург“)») в нескольких толстых папках хранятся ноты, по которым оркестранты-блокадники играли Седьмую симфонию. Это, помимо дирижерской партитуры, также оркестровые *партии*, то есть ноты, предназначенные для определенного исполнителя и во время концерта лежащие перед ним на пульте. Однако, кроме нотных записей, в них есть и иные. Часть сделана, чтобы зафиксировать время и место очередного исполнения симфонии. Часть вызвана желанием приобщиться к истории («по этим нотам играл NN»). Некоторые пометы напоминают о кропотливой работе музыкантов, предшествовавшей репетициям: ведь комплект партий не был прислан из Москвы. Каждую партию следовало, сверяясь с партитурой, переписать (нелегкая и ответственная задача). Сотрудникам Радиокомитета запомнились белые исписанные тушью листы, вывешенные на просушку. Обратимся к примерам.

На одной из скрипичных партий, помимо даты и места исполнений, указан даже хронометраж каждой части:

> 9 VIII 1942 г. Филармония.
> 12 VIII 1942 г. Дом Флота. I ч. 30 м., II ч. 8 м. 30 с, III ч. 24 м. 30 с, IV ч. 19 м.
> 13 VIII 1942 г. съемка для кинохроники.

Продолжим этот ряд по записи Е. Л. Шаха (партия первого гобоя):

> Третье исполнение в Филармонии 15 VIII 42 г.[64]
> Четвертое исполнение в Филармонии 16 VIII 42 г.
> Пятое исполнение в Филармонии 20 IX 42 г.

На партии первого тромбона в конце первой части помечено:

> В день празднования юбилея г. Ленинграда. Со дня основания 240 лет. 30.5.43. Филармония. Ленинград. Орловский[65].

В других партиях проставлены и иные даты — видимо,

некоторых репетиций: это 31 июля, 2 и 6 августа. На библиотечном формуляре (он тоже сохранился) помечено, что 27 июля нотный материал симфонии получила библиотекарь оркестра О. О. Шемякина. Днем ранее она взяла партии дополнительной группы духовых инструментов. Очевидно, что к концу июля весь нотный материал был готов и началась систематическая работа дирижера со всем оркестром.

В партии первого фагота зафиксировано: «По этим нотам в блокаду играл Медведев». Таких прямых, «лобовых» высказываний больше нет. Обычно музыканты находили более скромную форму. Например, в конце партии фортепиано: «1-й раз в Ленинграде 9 VIII 1942 г. Филармония. Дирижер К. Элиасберг, партию ф-п. Н. Бронникова». Или — в партии второго гобоя: «В первый раз в г. Ленинграде в зале Гос. Филармонии 9 VIII 42 г. К. Матус». В конце партии первой валторны: «Н. Дульский. Ленинград, 9 VIII 42 в первый раз». В партии первой трубы (в начале второй части): «Симфония исполнялась впервые в Ленинграде 9-го августа 1942 г. оркестром Радиокомитета под упр. Элиасберга в Филармонии. Чудненко Д. Ф.». Он же проставил на обложке даты четырех первых исполнений. В конце партии имеется его пометка: «Чудненко Д. Ф. Ленинград. Радио. 1942. 6-го августа». На некоторых партиях видны пометки «Б. С.» и «Г. Ф»: эти партии переписывали Б. В. Савельев и Г. Ф. Фесечко.

Особый интерес представляют страницы, на которых сделаны рисунки. В ходе репетиций у оркестрантов, как это всегда бывает, возникали свободные минуты: или композитор не занял в данный момент какую-то группу инструментов, или дирижер попросил их помолчать, отрабатывая сложное место с другой группой. Наконец, всегда имеются минуты ожидания перед началом работы, затем общие перерывы. В такие моменты у некоторых музыкантов появлялся в руках карандаш и на бумагу ложились то торопливые штрихи, то даже достаточно четкие рисунки. Всего их около десяти. И связаны они в основном с музыкой Шостаковича, с обликом дирижера и коллег-оркестрантов. До сих пор не были известны какие-либо изобразительные отклики ленинградцев на Седьмую симфонию, сделанные не post factum, а в дни войны, и тем более в дни, непосредственно примыкавшие к знаменитой премьере, что делает эти документы уникальными.

Больше всего рисунков на партиях виолончелей. На некоторых изображены фашисты. Один из них — толстый, перехваченный ремнями, в надвинутой на лоб форменной фуражке (напоминает Геринга в изображении карикатуристов) — шагает, подняв руку в фашистском приветствии. Другой прорисован тщательно. Он в очках и фуражке, у него худое,

удлиненное лицо, тонкая вытянутая шея. Здесь же марширует, высоко задирая ногу, какой-то молодой вояка в каске и с длинной саблей в руке. Конечно, перед нами иллюстрации к знаменитому эпизоду вражеского нашествия в первой части симфонии.

Несколько рисунков изображают птиц и зверей.

Наиболее ценен рисунок на партии третьей трубы: он изображает дирижирующего Элиасберга. Перед нами истощенный, физически слабый человек. Он ведет репетицию сидя, его движения экономны, руки — в низкой позиции. Лицо осунувшееся, его черты заострены, вокруг рта образовались складки. Тем не менее чувствуется волевое напряжение дирижера. Он весь собран, на исполнителей устремлен сосредоточенный, может быть немного скептический, взгляд: музыкант строго контролирует слухом идущий навстречу звуковой поток.

Можно высказать предположение об авторе рисунка. На этой же партии несколько раз изображен вензель, объединяющий две латинские буквы — E и W, то есть в русском варианте Е и В. Из трубачей, исполнявших симфонию, они подходят лишь одному — В. П. Елисееву. Во всем же остальном оркестре эти инициалы находим еще только у одного музыканта — альтиста В. А. Елизарова, но трудно себе представить, что он имел отношение к партиям труб. Очевидно, именно благодаря Елисееву сейчас можно увидеть мгновение прошлого: Элиасберг готовит блокадную премьеру Седьмой симфонии Шостаковича. Стараясь утвердиться в своем мнении, я спросил у трубача В. С. Марголина — коллеги Елисеева, — рисовал ли тот. И услышал в ответ недоуменное: «Рисовал? Нет!.. Разве что какие-нибудь фигурки на нотах…»[66]

После громкой премьеры прошло три месяца, и вновь оркестр стал одним из героев дня. 8 ноября возобновил спектакли вновь сложившийся оперный коллектив (его составили оставшиеся в городе артисты Кировского, Малого оперного и других театров). Ансамбль исполнителей-вокалистов был готов и ранее, но дело упиралось в оркестровое сопровождение. Организовать еще один симфонический оркестр было невозможно — отсутствовали музыканты необходимых специальностей. Управление по делам искусств решило использовать оркестр Радиокомитета.

Элиасберг не хотел взваливать на плечи коллектива (и свои собственные) еще одну нагрузку, тем более что в области оперного театра опыта не имел. Но пришлось подчиниться. Первой в репертуаре стала опера «Евгений Онегин», затем — «Пиковая дама» П. И. Чайковского. Несколько спектаклей подготовила балетная труппа.

Большой симфонический оркестр продолжал жить насыщенной творческой жизнью. Расширялся его репертуар, концерты становились разнообразнее. Сказывался профессиональный рост коллектива, сказывались также изменения, происходившие в среде слушателей. Их стало меньше: одни, страшась новой блокадной зимы, эвакуировались, другим теперь еще тяжелее было преодолевать путь в Филармонию, и они ограничивались радиотрансляцией (передачи из студий и из концертных залов осуществлялись регулярно, и их слышал весь город). Привлекательными были необычные программы — либо с участием всесоюзно известных солистов, либо включавшие редко исполнявшиеся произведения.

Как это ни странно выглядит, уже с конца 1942 года в осажденный Ленинград начали прилетать артисты с Большой земли. Им хотелось приобщиться к атмосфере города, который становился легендой. Многие еще с довоенных пор любили особого, ленинградского слушателя, у кого-то здесь оставались родные, близкие. Имели значение и повышенные гонорары. Приезжавшие на гастроли исполнители могли по достоинству оценить мастерство ставшего знаменитым ленинградского оркестра.

Также с конца 1942 года в репертуар оркестра начали входить масштабные произведения торжественно-праздничного характера. В войне наметился перелом, в январе 43-го были одержаны первые победы под Ленинградом. В праздничных откликах на события оркестр занял ведущее положение. Его мощный голос, усиленный в необходимых случаях музыкантами военных ансамблей, а иногда дополненный хором, звучал грандиозно, производил неотразимое впечатление на руководителей всех рангов, вызывал яркие эмоции у «рядовых» слушателей.

Однако блокадных будней было значительно больше, чем праздников. Ленинградцы продолжали умирать от голода. Налеты авиации и — особенно — обстрелы вражеской артиллерии оставались частью повседневности. Реальной была и угроза штурма города.

Возвышенное и приземленное, прекрасное и страшное сплеталось и в жизни горожан, и в судьбе музыкантов оркестра. В качестве примера далее приведены выдержки из сохранившихся материалов.

Из приказа председателя Радиокомитета

21 августа 1942 г.

Для выполнения оборонного задания приказываю: всем трудоспособным сотрудникам Радиокомитета и Дома радио в течение трех дней (до 25 августа) заготовить по 50 кирпичей каждому.

Радиокомитет — в Управление по учету

и выдаче продуктовых и промтоварных карточек

31 августа 1942 г.

В связи с новыми директивами о снабжении артистов Ленинградский Радиокомитет просит Вас распорядиться о выдаче карточек 1-й категории следующим группам артистов радиовещания. 1. Артистам Большого симфонического оркестра. <…>

ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 2. Д. 353. Л. 93;

далее в ссылках на этот фонд указывается лишь номер дела.

Из приказа председателя Ленрадиокомитета

28 октября 1942 г.

За невыполнение приказа о явке на слом дома 19 октября артистам оркестра <…>[67] объявляю выговор. Дирижеру Аркину указать на недопустимость проведения репетиций без согласования <…>.

Председатель Ленрадиокомитета —

секретарю Смольнинского райкома ВКП(Б)

28 октября 1942 г.

Прошу Вас распорядиться о предоставлении

пропуска в баню Вашего района следующим работникам радиокомитета… <…>

Д. 353. Л. 177;

среди перечисленных далее четырнадцати руководящих сотрудников — К. И. Элиасберг.

Председатель Ленрадиокомитета —

зам. председателя Исполкома Ленгорсовета

29 октября 1942 г.

Ленинградский радиокомитет просит Вас оказать содействие в приобретении руководящими работниками радиовещания необходимой им одежды и обуви…

Д. 353. Л. 179;

среди вошедших в список восьми руководящих сотрудников — К. И. Элиасберг — для него просили «дамское зимнее пальто, мужской шерстяной джемпер и костюм мужской»; вещи приобретались по специальным талонам.

1 декабря 1942 года. В Филармонии прошел симфонический концерт героико-патриотического настроя. Оркестр Радиокомитета исполнил Пятую симфонию Бетховена, Торжественную увертюру «1812 год» Чайковского (при участии духового оркестра погранвойск, капельмейстер Н. Маслов), в его сопровождении прозвучали ария Сусанина из оперы «Иван Сусанин» Глинки (солист А. Атлантов)[68] и ария Иоанны [Жанны д'Арк] из оперы «Орлеанская дева» Чайковского (пела Н. Вельтер). Дирижировал К. Элиасберг. Концерт транслировался. На архитектора С. Пермута огромное впечатление произвела увертюра «1812 год». Он описал в дневнике ее развитие и закончил словами: «Изумительная, за душу берущая музыкальная картина»[69].

13 декабря 1942 года. Увертюра «1812 год» прочно вошла в репертуар оркестра. Ее третье исполнение состоялось на так называемом «правительственном» концерте в Смольном. Симфонический оркестр под управлением К. Элиасберга исполнил увертюру к опере «Вильгельм Телль» Россини, затем

при участии солистов прозвучали фрагменты из оперы «Иван Сусанин» (пели А. Атлантов и Г. Скопа-Родионова), ария Ленского из оперы Чайковского «Евгений Онегин» (солист И. Нечаев), 1-я часть его же концерта для скрипки с оркестром (Г. Баринова), ряд других сочинений. Увертюра «1812 год» завершила концерт (на этот раз оркестру Радиокомитета помогал Образцовый духовой оркестр Ленинградского военного округа, капельмейстер М. Васильев). Певцы, участвовавшие в этом концерте, были хорошо знакомы ленинградцам, многократно выступали на открытых концертах и по радио. Скрипачка Баринова была для них новым исполнителем. Вместе с виолончелистом С. Кнушевицким она прилетела из Москвы, положив начало гастролям столичных артистов[70].

Увертюрой «1812 год» оркестр отметил долгожданный прорыв блокады, исполнил в эти дни (18 и 19 января 1943 года) много другой праздничной музыки. Однако приходилось помнить, что враг оставался у стен города, что в немецких укреплениях удалось пробить лишь узкий коридор, и снабжение города было по-прежнему затруднено.

Приказ председателя Ленрадиокомитета

12 ноября 1942 г.

Топку печей производить один раз в сутки. <…> Предупреждаю, что нарушение режима топки печей будет рассматриваться как незаконное расходование топлива, и виновные будут привлекаться к ответственности.

Председатель Ленрадиокомитета —

зам. председателя Ленсовета

27 января 1943 г.

Ленинградский радиокомитет испытывает серьезные затруднения с топливом, причем в ближайшие дни радиовещание может быть поставлено под угрозу срыва. <…> В настоящее время дров в Радиокомитете нет. Райтоп предоставляет Радиокомитету неразобранные дома. Но у нас нет чернорабочих, необходимых для

сломки домов, а использовать редакционный аппарат, артистов и техников означает подрывать качество работы радиовещания, так как объем его увеличен по сравнению с довоенным вдвое, а количество работников уменьшилось на 40 %. Прошу Вас срочно разрешить Радиокомитету получать дрова готовыми, то есть со складов, или предоставить Радиокомитету рабочую силу… <…>

Д. 859. Л. 27.

Январь 1943 г.

Типовое извещение: «Извещен, что за включение электронагревательных приборов <…> буду отдан под суд».

Д. 848. Л. 3; документ с подписями сотрудников.

21 мая 1943 г.

Приказ «О мероприятиях по приведению и содержанию в надлежащем порядке запасной студии, бомбогазоубежищ и подвалов в Радиокомитете».

В 1943 году особенно усилились артиллерийские обстрелы. В записях Элиасберга появляются указания на задержки, переносы, отмены спектаклей и концертов. Назначенный в Филармонии большой первомайский концерт (его главным номером была увертюра «1812 год») пришлось отложить — в здание попал снаряд. Не везло слушателям оперы «Евгений Онегин»: разного рода помехи (воздушные тревоги и обстрелы) отмечены Элиасбергом несколько раз.

Трагический случай произошел 8 августа. На Невском проспекте близ Радиокомитета, у Театра Комедии (там работали оперная и драматическая труппы), разорвалось несколько снарядов. Рабочему сцены театра оторвало руку, погибла оператор фонотеки Радио семнадцатилетняя Галина Яргина. Сохранилась просьба Радиокомитета в Похоронное бюро — «срочно сделать один гроб» (Д. 861, Л. 49).

Спустя несколько часов на этом месте оказался Н. Кондратьев. Там велись обычные в таких случаях работы. «Производился, — пишет он, — ремонт воздушной сети [трамвайные провода], поврежденной на значительной длине, смывались осколки камня, штукатурки, грязь и кровь… Следы крови имелись во многих местах тротуара вплоть до ворот Сада отдыха. Уже замечено, — отмечает Кондратьев, — что, если

только на Ленинградском фронте немцев начинают беспокоить, они начинают приносить неприятности Ленинграду — то ли в виде воздушных налетов, то ли в виде обстрелов. <…> Нет такого дня, когда бы они не обстреливали город. Обстрел производится с утра до вечера, а иногда и ночью. Ему подвергаются все районы и части города, но не сразу, а разновременно. Обыкновенно делается теперь так: неожиданно один за другим разрываются три-четыре снаряда, потом наступает перерыв, иногда большой (полчаса-час), и снова слышатся разрывы один за другим».

Руководители Радиокомитета неоднократно в самых резких выражениях, подкрепленных к тому же ссылками на приказ начальника гарнизона, требовали от сотрудников в моменты опасности уходить в укрытия. В то же время все, включая руководителей, понимали, что творческие коллективы не могут целыми днями отсиживаться в убежище. Громко заявлял о себе главный конфликт блокады — схватка жизни со смертью. Что делать? Затаиться и ждать или, как-то приспосабливаясь, продолжать работу? Документы дают ответ. Большой приказ по Радиокомитету от 11 июля 1943 года открывался категорическим предписанием: «В развитие приказа начальника гарнизона г. Ленинграда о поведении населения по сигналу ВТ [воздушная тревога] или артобстрела приказываю <…>» — дальнейшее каждый сотрудник хорошо знал: «не рисковать», «уходить в укрытие». Но был в приказе особый раздел, который начинался словами: «Репетиции оркестров и хора по сигналу ВТ и артобстрела продолжаются <…>»! И хотя далее разъяснялось, у кого для этого следовало получить особое разрешение, данная добавка воспринималась как чистая формальность.

Жизнь продолжалась. Тем же летом большая группа музыкантов, «прикомандированных» ранее для исполнения Седьмой симфонии, была демобилизована и включена в штат Большого симфонического оркестра. Успехи коллектива отмечались и Радиокомитетом, и другими организациями, о них знали в Москве. 24 мая приказом по Радиокомитету «За высокохудожественное исполнение в первомайском концерте увертюры Чайковского „1812 год“ и сцены у посада из оперы „Иван Сусанин“» была объявлена благодарность К. Элиасбергу и музыкантам оркестра. На следующий день в Москву было направлено ходатайство об отнесении оркестра к всесоюзной категории. В ходатайстве говорилось, что оркестр является «единственным квалифицированным коллективом в Ленинграде», что «художественным руководителем и главным дирижером оркестра долгое время работает такой авторитетный мастер, как

К. И. Элиасберг», что «исполнение Седьмой симфонии Шостаковича, Четвертой, Пятой и Шестой симфоний Чайковского, увертюры „1812 год“, Пятой и Девятой симфоний Бетховена, симфоний Рахманинова, Скрябина, Танеева, Шуберта, Шумана, Моцарта, Гайдна и других доказало высокий исполнительский уровень оркестра». Далее отмечалось, что коллектив пользуется «заслуженной популярностью у ленинградцев и фронтовиков», регулярно выступает по радио, в Филармонии, ежемесячно проводит десять — двенадцать оперных и балетных спектаклей (Д. 857).

«На эстраде, у самой клавиатуры рояля, стоял рефлектор. Изредка пианист подносил к нему руки. В остальном обстановка этого концерта ничем не отличалась от обычной. Яков Флиер играл с большим подъемом» — так газета «Ленинградская правда» описала выступление московского пианиста 7 февраля 1943 года. Ряд выдающихся музыкантов — гастролеров продолжили, после Бариновой и Флиера, пианисты Мария Юдина, Яков Зак, Эмиль Гилельс, скрипач Давид Ойстрах.

Они давали сольные концерты, украшали своим участием выступления симфонического оркестра. Лишь однажды я столкнулся с высокомерно-пренебрежительным отношением к филармоническому концерту. Человек, бывавший в Филармонии до войны и приведенный теперь в этот зал своей спутницей, говорил: «Я не могу видеть этих людей в пальто, валенках, ободранные люстры. Юдина плохо играет Шопена… <…> Больше не пойду в Филармонию». Спутница хорошо это откомментировала: «Его отталкивает то, что меня трогает. Холодно, голодно — и Юдина играет, отогревая руки у стоящей около нее на стуле электрической печки. А мы в шубах и валенках идем ее слушать и возвращаемся домой в кромешной темноте. Концертантке тоже не полагается никакого транспорта — она пешком идет в „Асторию“. Бедные маленькие людишки, двадцать месяцев сидящие в блокаде, перенесшие все ужасы этого времени, имеют мужество, а главное, имеют желание слушать одухотворенную игру М. В. [Марии Вениаминовны Юдиной]. Преклоняться перед этим надо, а не быть шокированным» (сообщила В. Петрова)[71].

Для контраста приведу краткое описание филармонического концерта конца 1943 года (состоялся 17 ноября). Героями дня были оркестр под управлением Элиасберга, пианисты Я. Зак и Э. Гилельс. Исполнялись фортепианные концерты Шопена (Зак) и Чайковского (Гилельс). «Войдя в вестибюль Филармонии, — пишет Н. Кондратьев, — поразился: он весь был заполнен публикой так, как в прежнее время в дни концертов крупнейших

исполнителей. В кассе продавались только входные билеты. <… > Концерт прошел очень хорошо, празднично-приподнято».

Вернувшись из Ленинграда, Зак на расспросы журналистов сказал: «…должен заметить, что никогда не сталкивался во время своих поездок с таким высоким качеством исполнения и с такой великолепной оркестровой дисциплиной, как в Ленинграде» (Музыка в эфире военного Ленинграда. С. 261).

«Большими событиями в музыкальной жизни Ленинграда в 1943 году были впервые исполнявшиеся кантата „Москва“ Чайковского и „Торжественная кантата“ Глазунова. Глубоко патриотический смысл произведений, прекрасно выполняемых симфоническим оркестром Ленрадиокомитета, сводным хором Радиокомитета и Политуправления Ленфронта и солистами вызвал широкое внимание общественности и сделал сразу очень популярными оба произведения». Так сказано в отчете Радиокомитета (Д. 854. Л. 22). Оба названных произведения не звучали еще с дореволюционного времени[72], но о них вспомнили, когда потребовалось расширить торжественно-праздничный репертуар. Заменили текст, искореняя «верноподданнический дух» (кантата Глазунова называлась «коронационной» и была подготовлена к восшествию на престол нового монарха), произвели изменения в музыке (гимн «Боже, царя храни» был заменен «Славься» М. Глинки). Произведения звучали мощно: оркестр, два хора, группа солистов, выразительный голос чтеца производили должное впечатление. «Ленинградская правда» откликнулась на премьеру «Торжественной кантаты» — «большого патриотического произведения, прославляющего величие русского народа» (номер от 26 декабря 1943 года). Кантату «Москва» Элиасберг назвал «самой заметной работой года»[73]. Обе кантаты, особенно «Москва», были «ударным» номером самых ответственных концертов. Премьера «Москвы» состоялась в Филармонии 18 сентября 1943 года (концерт транслировался — его слышал весь город). Через неделю прозвучала там же для комсомольского актива (в связи с 25-летием комсомольской организации) и вновь транслировалась. На следующий день ее исполнили в Доме Красной армии. 29-го — для высшего командного состава — в расположении 23-й армии. 6 ноября — в канун главного советского праздника — на «правительственном» концерте в Смольном.

«Оркестр за годы войны значительно вырос и превратился в серьезный художественный коллектив. Несмотря на значительные потери в составе, оркестр гораздо более сыгран, имеет хороший строй. Высокая оценка, которую дают слушатели и зрители

Ленинграда, вполне заслуженна. Значительно обогащен репертуар оркестра. Все наиболее значительные произведения русской и советской музыки постоянно пропагандируются концертами симфонического оркестра», — говорилось в отчете. «За дни войны и блокады сложился оркестр, по своим качествам превосходящий довоенный», — отмечалось в другом документе 1943 года (Д. 853. Л. 13).

Год спустя председатель Радиокомитета на страницах «Ленинградской правды» писал: «Тяжелые условия, в которых проходила творческая работа (холод в студиях, отсутствие света, срывы репетиций из-за бомбардировок и обстрелов), не помешали оркестру вырасти и оформиться в очень крупную творческую единицу союзного значения, с широким репертуаром (вся мировая симфоническая литература и оперное наследие). За время Отечественной войны оркестр дал 164 симфонических концерта, из них 75 — в Филармонии; 126 оперных и балетных спектаклей, из них 110 — открытых, в театре. Десятки гастролировавших за это время в Ленинграде солистов отмечали блестящее исполнительское мастерство, организованность и дисциплинированность оркестра <…>» (номер от 16 декабря 1944 года). Неизменно воздавалось должное мастерству дирижера, указывались фамилии руководителей групп оркестра. Заслуги коллектива оценила Москва. Всесоюзный комитет по делам искусств и Всесоюзный радиокомитет отнесли симфонический оркестр по квалификации к первой категории (предварительно в Ленинград с инспекцией был послан Д. Б. Кабалевский; он назвал оркестр одним из лучших в Союзе). Элиасбергу было присвоено звание заслуженного деятеля искусств.

14 января 1944 года началось мощное наступление наших войск, которое успешно развивалось. 27-го многострадальный город был полностью освобожден от вражеской блокады. Между этими двумя числами стояло еще одно, памятное жителям Ленинграда — 18-го они отметили первую годовщину прорыва смертоносного кольца осады. Эфир в эти дни был заполнен музыкой. Выступали любимые ленинградцами солисты, разные коллективы. Оркестр исполнял лучшие сочинения своего репертуара. Радость соседствовала с памятью о пережитом. «Мы делили с ленинградцами все трудности и превратности жизни в осажденном городе», — говорил, выступая по радио, К. Элиасберг (Д. 1192). О работе музыкантов, о «превратностях» их блокадной жизни теперь, благодаря публикации дневника Л. Маргулиса, можно узнать более подробно.

Репертуар симфонического оркестра

Ленинградского радиокомитета в период блокады Ленинграда[74]

Источниками настоящего перечня послужили: тетрадь записей концертов К. И. Элиасберга, афиши и программы, хранящиеся в музыкальной библиотеке Ленинградской филармонии и Российской национальной библиотеке, тетрадь записей концертов оркестра, которую вели редакторы радиокомитета Е. М. Личкус (в 1941 г.) и Ф. Н. Гоухберг (с 3 июня 1942 г.).

РУССКИЕ КОМПОЗИТОРЫ-КЛАССИКИ

Бородин. «Богатырская» симфония, «Князь Игорь» (увертюра, ария Игоря, ария Кончака, ариозо Ярославны, песня Галицкого, дуэт Галицкого и Ярославны).

Глазунов. «Барышня-служанка» (фрагменты), «Времена года», Концерт для скрипки с орк., Концертный вальс № 1, Концертный вальс № 2, Лирическая поэма, Марш на русскую тему, Meditation, Пляска Саломеи, «Раймонда» (сюита и фрагменты), Серенада, симфонии — II, IV, VI, Торжественная увертюра, Торжественная кантата, «Эй, ухнем!».

Глинка. «Арагонская хота», «Вальс-фантазия», «Иван Сусанин» (увертюра, ария Антониды, ария Сусанина, сцена у посада, финальный хор), «Камаринская», «Ночь в Мадриде», «Руслан и Людмила» (увертюра).

Даргомыжский. «Русалка» (ария Мельника).

Калинников. I симфония.

Лядов. Восемь русских народных песен, «Кикимора», Полонез.

Рахманинов. Концерт для ф-п. с орк. № 2, II симфония, «Утес».

Римский-Корсаков. «Вера Шелога» (вступление), «Золотой петушок» (ария Шемаханской царицы, Свадебное шествие), «Испанское каприччио», «Кащей бессмертный» (ария Кащеевны), «Майская ночь» (ария Левко), «Садко» (песня Варяжского гостя, песня Веденецкого гостя, песня Индийского гостя, ария Любавы), «Сказка о царе Салтане» (сюита), «Сказание о невидимом граде Китеже…» (Сеча при Керженце), «Снегурочка» (ария Мизгиря,

ария Снегурочки, третья песня Леля), «Царская невеста» (ария Любаши, сцены), «Шехеразада».

Серов. Варяжская баллада.

Скрябин. «Мечты», Симфонии — I, II.

Чайковский. Вариации на тему Рококо, «Евгений Онегин» (ария Гремина, ария Ленского, ариозо Онегина, полонез, сцены), «Иоланта» (ария Роберта), «Итальянское каприччио», Концерт для скрипки с орк., Концерт для ф-п. с орк. № 1, «Лебединое озеро» (сюита, фрагменты), «Мазепа» (ария Мазепы), «Манфред» (1 часть), кантата «Москва», «Моцартиана», «Орлеанская дева» (ария Жанны д'Арк), «Пиковая дама» (ария Лизы, ария Германа, ария Елецкого, сцена у Зимней канавки), «Ромео и Джульетта», дуэт, «Ромео и Джульетта», увертюра-фантазия, серенада «Ты куда летишь как птица», симфонии — I, IV, V, VI, Славянский марш, «Спящая красавица» (вальс), Струнная серенада, сюиты — 1-я, 3-я, 4-я («Моцартиана»), увертюра «1812 год», «Франческа да Римини», «Чародейка» (две арии кумы), «Щелкунчик» (сюита, фрагменты).

Вариации на русскую тему для большого оркестра (Н. Арцыбушев, И. Витоль, А. Лядов, Н. Римский-Корсаков, Н. Соколов, А. Глазунов).

Русские народные песни для балалайки с симфоническим оркестром.

СОВЕТСКИЕ КОМПОЗИТОРЫ

Александров. Гимн партии большевиков.

Богданов-Березовский. Концерт для скрипки с орк. (1 ч.), Скерцо.

Глух. Песня о Жданове.

Дешевов. Музыка к пьесе «Жди меня», музыка к к/ф «Архитектура Ленинграда».

Евлахов. Ночной патруль, Сюита.

Животов. Торжественный марш.

Кочуров. Героическая ария, Песня о Ленинграде, Суворовская увертюра.

Носов. Сказ о городе-герое.

Хачатурян. Песня о Сталине.

Шостакович. Симфонии — I, VII.

ЗАРУБЕЖНЫЕ КОМПОЗИТОРЫ

Берлиоз. Ракоци-марш, «Римский карнавал».

Бетховен. Концерт для ф-п. с орк. № 5, симфонии — IV, V, IX.

Бизе. «Арлезианка» (сюита № 1), «Искатели жемчуга» (ария Надира), «Кармен» (увертюра, куплеты Тореадора, Хабанера, Цыганская песня и др.).

Вебер. «Волшебный стрелок» (увертюра).

Венявский. Полонез ре мажор.

Верди. «Риголетто» (песенка Герцога), «Травиата» (сцены).

Гайдн. Симфония «С ударом литавр».

Григ. «Сигурд Крестоносец» (сюита), концерт для ф-п. с орк., лирические песни («Колыбельная Сольвейг», «Лебедь», «Последняя весна»), «Пер Гюнт» (сюита № 2), Симфонические танцы.

Гуно. «Фауст» (каватина Фауста).

Дворжак. Симфонии — V (IX), VII.

Дебюсси. Маленькая сюита.

Делиб. «Король забавляется» (сюита).

Дюка. «Ученик чародея».

Зуппе. «Поэт и крестьянин» (увертюра).

Лист. Венгерская рапсодия № 14, концерты для ф-п. с орк, — № 1, № 2, Полонез ми-бемоль мажор, тарантелла «Венеция и Неаполь», «Тассо», «Хроматический галоп».

Массне. «Вертер» (строфы Оссиана), «Живописные сцены», «Таис» (антракт), «Федра» (увертюра).

Мейербер. «Пророк» (марш).

Мендельсон. Концерт для скрипки с орк., «Рюи-Блаз» (увертюра), симфонии — «Итальянская», «Шотландская», «Сон в летнюю ночь» (ноктюрн и скерцо), «Фингалова пещера», увертюра.

Моцарт. «Дон Жуан» (увертюра, ария Лепорелло), «Eine kleine Nachtmusik», концерт для ф-п. с орк. ре минор, концерт для 2-х ф-п. с орк., Серенада № 17 (фрагменты), симфония «Юпитер».

Мошковский. Вальс-скерцо, опера «Боабдиль» (фрагменты), Мавританская фантазия, Серенада, Фантастическое скерцо, Фантастическое шествие.

Россини. «Вильгельм Телль» (увертюра), «Севильский цирюльник» (каватина Фигаро), «Сорока-воровка» (увертюра).

Свенсен. Норвежская рапсодия № 3.

Сен-Санс. Алжирская сюита.

Тома. Полонез Филины.

Франк. «Симфонические вариации» для ф-п. с орк.

Шопен. Вальс № 7, Вальс в инструментовке Глазунова, Концерт для ф-п. с орк. № 2.

Штраус И. Вальсы — «Весенние голоса», «Жизнь артиста», «Голубой Дунай», «Радуйтесь жизни», «Розы юга», «Сказки

Венского леса», «Там, где цветут лимоны», галоп «Гром и молния», «Летучая мышь» (фрагменты), полька «Тик-так».

Шуберт. Симфонии — «Неоконченная», VII, Утренняя серенада.

Шуман. IV симфония.

Иллюстрации (вклейка)

Студия Радиокомитета. Репетиция оркестра.
За дирижерским пультом К. И. Элиасберг. 1942.
Предоставлено А. Н. Крюковым.

Репетиция оркестра. За первым пультом С. Аркин и Л. Маргулис. 1942.
Народный музей «А музы не молчали…»

Дом офицеров (ДКА). Литейный пр., д. 20.
Фотография 2012 г.

Большой зал филармонии. Вид с площади Искусств.
Фотография 2012 г.

Репетиция в Большом зале Ленинградской филармонии. 1942.

Предоставлено А. Н. Крюковым.

Концертный ансамбль. Дирижер — С. Аркин. Первая скрипка — Л. Маргулис. 1943.

Предоставлено А. Н. Крюковым.

Большой зал Ленинградской филармонии.

1 мая 1942 г. здесь были возобновлены симфонические концерты.

ЦГЛКФФД СПб.

Афиша первого исполнения Седьмой (Ленинградской) симфонии Д. Д. Шостаковича.

Предоставлено А. Н. Крюковым.

Продажа билетов в Филармонию на Невском проспекте в июне 1942 г.

ЦГЛКФФД СПб. Предоставлено А. Н. Крюковым.

СОСТАВ СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРА

1-е скрипки

1. АРКИН С. А. — солист
2. МАРГУЛИС Л. М.
3. ЛЕВИН С. Л.
4. МИНАЕВ В. С.
5. ПРЕССЕР А. Р.
6. ГИТЕР Э. С.
7. ЕРМАНОК С. К.
8. ГЕРШКОВИЧ А. Д.
9. ПАНФИЛОВ С. И.
10. ВЕРДНИКОВ В. Н.

2-е скрипки

11. САВЕЛЬЕВ Б. В.
12. ОКУНЬ Х. И.
13. ЗАЦАРНЫЙ А. Л.
14. СЛОБОДСКАЯ С. Б.
15. КАЧКОВСКАЯ Р. А.
16. ЛЕВИТИН П. И.
17. ФЕСЕЧКО Г. Ф.
18. КРЕСИН И. О.

Альты

19. ЯСЕНЯВСКИЙ И. А. — солист
20. ПИОРКОВСКИЙ И. И.
21. ИГНАТЕНКО Е. Д.
22. НАРОВЛЯНСКИЙ А. И.
23. МИНЯЕВ Н. И.
24. ЕЛИЗАРОВ В. А.

Виолончели

25. АНАНЯН К. М. — солист
26. САФОНОВ А. Н.
27. ХРАМОВ Н. В.
28. ШОСТАКОВ М. И.

Контрабасы

29. ЦЕМКО П. Д. — солист
30. БАЗАРЕВСКИЙ М. В.
31. КЕРКЕШКО Г. Ф.
32. ФЕДОРОВ Д. Я.

Арфы

33. ПОКРОВСКАЯ Л. А. — солист
34. ГРИГОРЬЕВ Д. Ф.

Рояль

35. БРОННИКОВА Н. Д.

Флейты

36. ТЕЛЯТНИК С. Ф. — солист
37. ЕРШОВА Г.
38. СОЛОВЬЕВ А. И. } солисты
39. КАЦМАН Д. С. }

Гобои

40. ШАХ Е. Л. — солист
41. МАТУС К. М.
42. ПЕТРОВА В. К. — солист

Кларнеты

43. СЕРГЕЕВ Г. А. — солист
44. ВАСИЛЬЕВ М. В.
45. ФАДЕЕВ И. С.
46. СТЕПАНОВ К. К.
47. БЫСТРИЦКИЙ А. С. — солист

Фаготы

48. МЕДВЕДЕВ Г. С. — солист
49. ЕРЕМКИН Г. З.
50. КУРГАНСКИЙ А. И.

Валторны

51. ДУЛЬСКИЙ Н. М. — солист
52. ФЕДОРОВ Н. Н.
53. ОРЕХОВ П. К.
54. НАГОРНЮК Н. М.
55. ПЕТРОВ Б. А.
56. ГОРЕЛЮК С. Б.
57. ПАРФЕНОВ М. Т.
58. ПАВЛОВ И. Д.
59. КОПАНСКИЙ Л. Н.

Трубы

60. ЧУДНЕНКО Д. Ф. — солист
61. ГРИСЯК П. В.
62. КЛИМОВ Г. Д.
63. ЕЛИСЕЕВ В. П.
64. НОСОВ Н. А.
65. ПОКЛАД А. Ф.
66. ВАХРАМЕЕВ В. А.

Тромбоны

67. ОРЛОВСКИЙ В. М. — солист
68. СМОЛЯК М. Е.
69. ЮДИН В. И.
70. БОГДАНОВ П. В.
71. КАРПЕЦ И. И.
72. ПЛЕХАНОВ Н. М.
73. ИДЕЛЬСОН М. А.

Тубы

74. ШАСТОВСКИЙ А. Н.
75. МУРЗЕНКОВ И. З.

Литавры:

76. ОСАДЧУК В. Е. — солист

Ударные

77. ПЕТРОВ А. А.
78. ЧУЛЮКИН А. И. з. а. р.
79. КУЛИКОВ К. М.
80. АЙДАРОВ Ж. К.

ДИРИЖЕР — ЭЛИАСБЕРГ К. И.

Ассистент дирижера — АРКИН С. А.

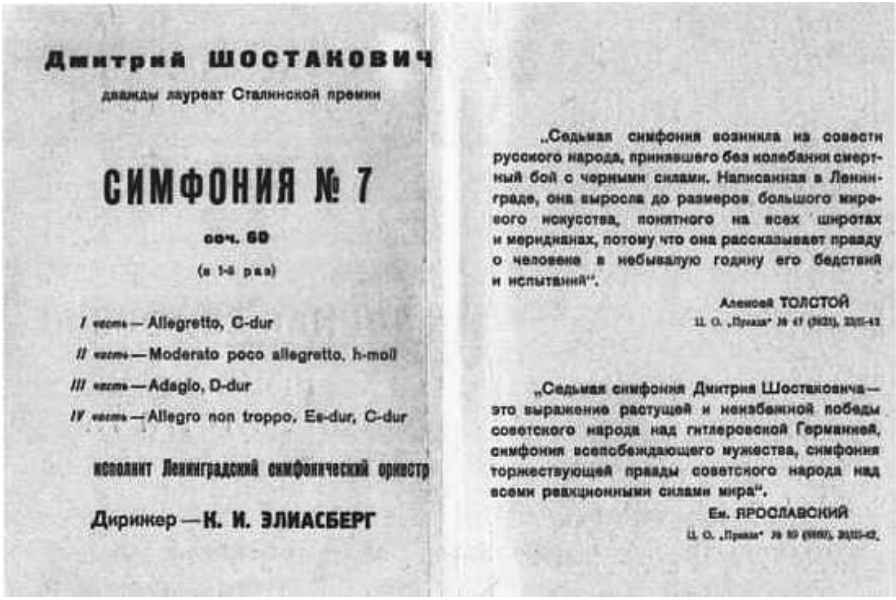
Руководители духовых оркестров, участвующих в исполнении симфонии:

Интендант I ранга ГЕНШАФТ А. М.
Инспектор оркестра — ПРЕССЕР А. Р.
Интендант III ранга МАСЛОВ К. И.
Библиотекарь — ШЕМЯКИНА О. О.

КП-3366(1)

Программка первого блокадного исполнения Седьмой симфонии с перечнем исполнителей.

Народный музей «А музы не молчали…»



Дмитрий ШОСТАКОВИЧ

дважды лауреат Сталинской премии

СИМФОНИЯ № 7

соч. 60

(в 1-й раз)

I часть — Allegretto, C-dur

II часть — Moderato poco allegretto, h-moll

III часть — Adagio, D-dur

IV часть — Allegro non troppo, Es-dur, C-dur

исполнит Ленинградский симфонический оркестр

Дирижер — К. И. ЭЛИАСБЕРГ

„Седьмая симфония возникла из совести русского народа, принявшего без колебания смертный бой с черными силами. Написанная в Ленинграде, она выросла до размеров большого мирового искусства, понятного на всех широтах и меридианах, потому что она рассказывает правду о человеке в небывалую годину его бедствий и испытаний".

Алексей ТОЛСТОЙ

Ц. О. „Правда" № 41 (7431), 23/II-42

„Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича — это выражение растущей и неизбежной победы советского народа над гитлеровской Германией, симфония всепобеждающего мужества, симфония торжествующей правды советского народа над всеми реакционными силами мира".

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

Ц. О. „Правда" № 69 (7459), 30/III-42.

Программка первого блокадного исполнения Седьмой симфонии.

Народный музей «А музы не молчали…»

Дирижерский пульт. За таким же стоял К. И. Элиасберг 9 августа 1942 г., в день первого исполнения Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича.

Оркестровый пульт, один из тех, которые стояли на сцене в день премьеры.

Музей Дома радио.

Титульный лист партитуры Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича.

Впервые была исполнена в Куйбышеве 5 марта 1942 г. Доставлена самолетом в Ленинград 2 июля 1942 г.

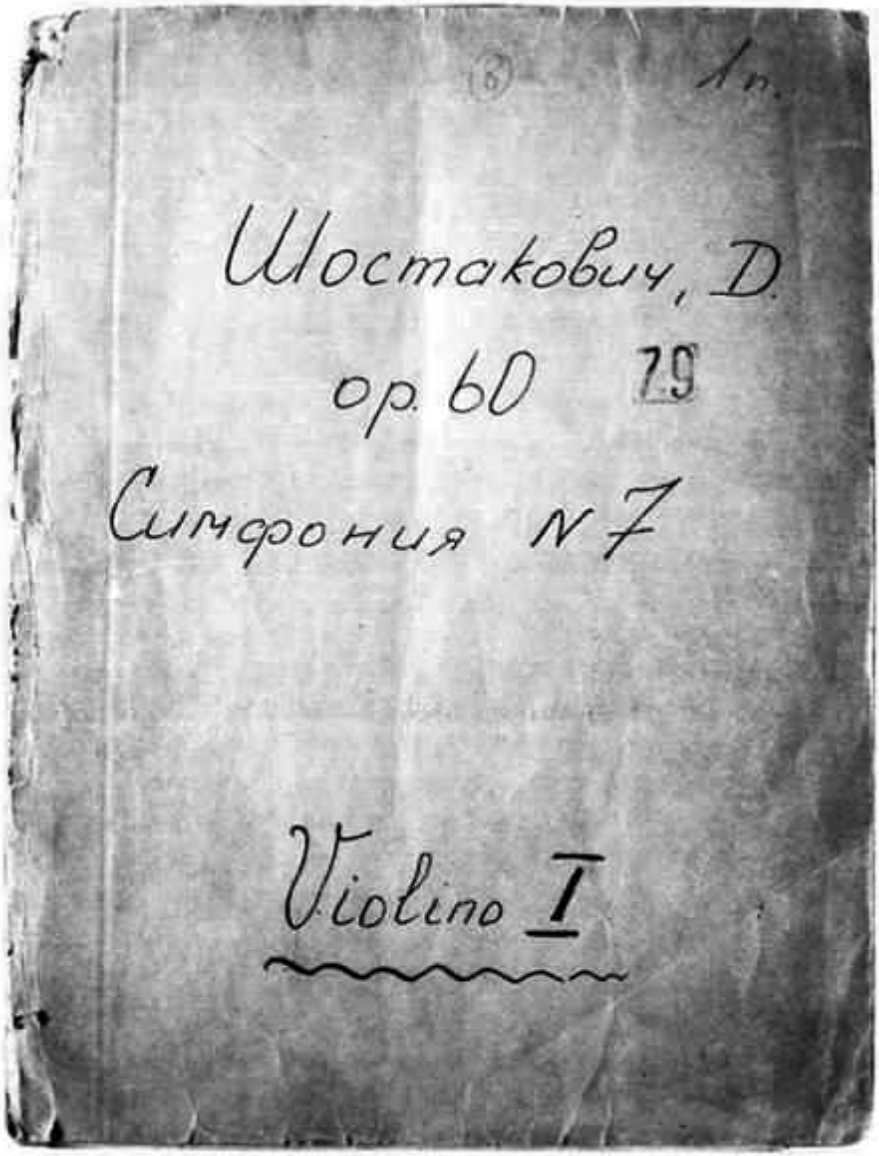
Нотная библиотека Дома радио.

Партитура Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича. Начало первой части.

Нотная библиотека Дома радио.

«…Притворившись нотной тетрадкой / Знаменитая

ленинградка / Возвращалась в родной эфир» (А. Ахматова. «Поэма без Героя»).



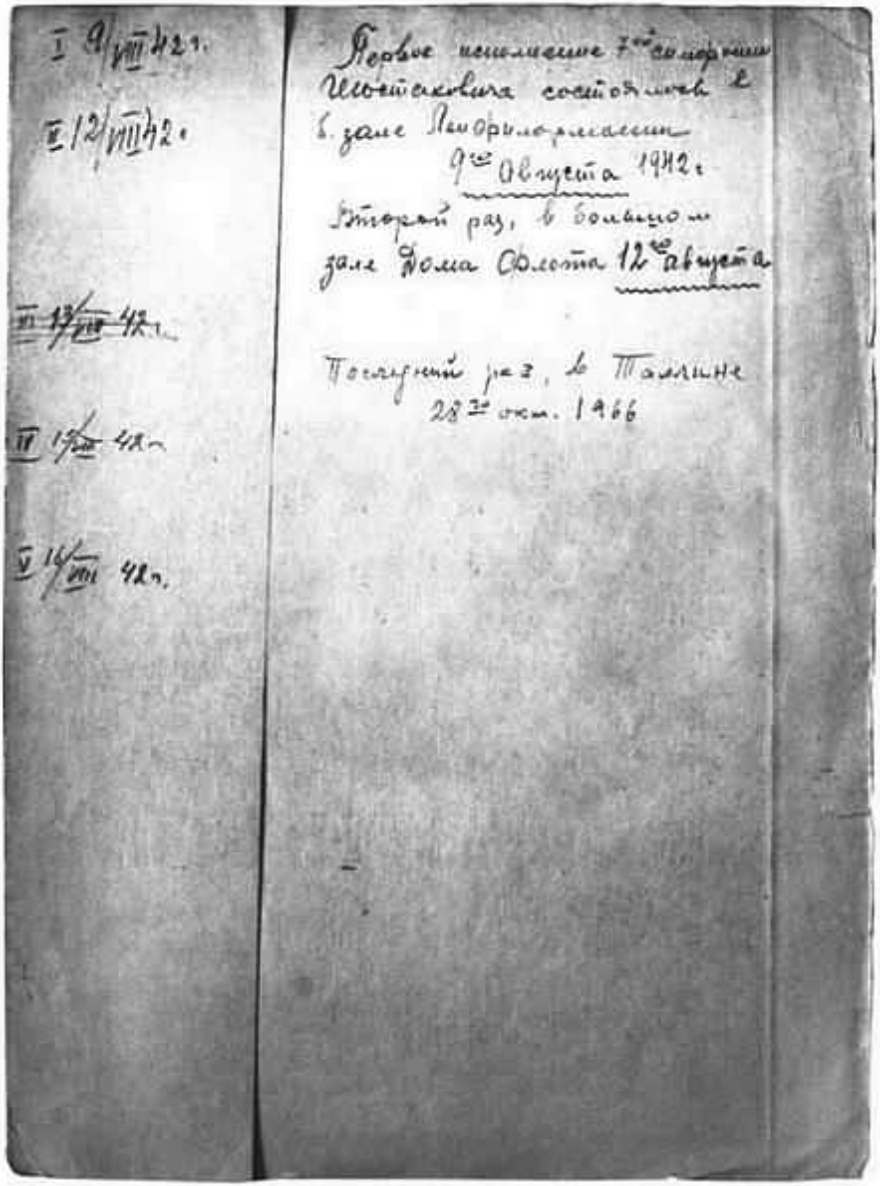
Ноты, по которым играл Л. Маргулис.
Нотная библиотека Дома радио.

Виолончель, первый пульт.

Виолончель, третий пульт.

Виолончель, пятый пульт.

Виолончель, пятый пульт.


I 9/VIII 42 г.
II 12/VIII 42 г.
III 13/VIII 42 г.
IV 13/VIII 42 г.
V 14/VIII 42 г.
Первое исполнение 7-ой симфонии Шостаковича состоялось в б. зале Филармонии 9-го августа 1942 г.
Второй раз, в большом зале Дома Союза 12-го августа
Последний раз, в Таллине 28-го окт. 1966

Записи об исполнениях Седьмой симфонии. Виолончель, первый пульт.

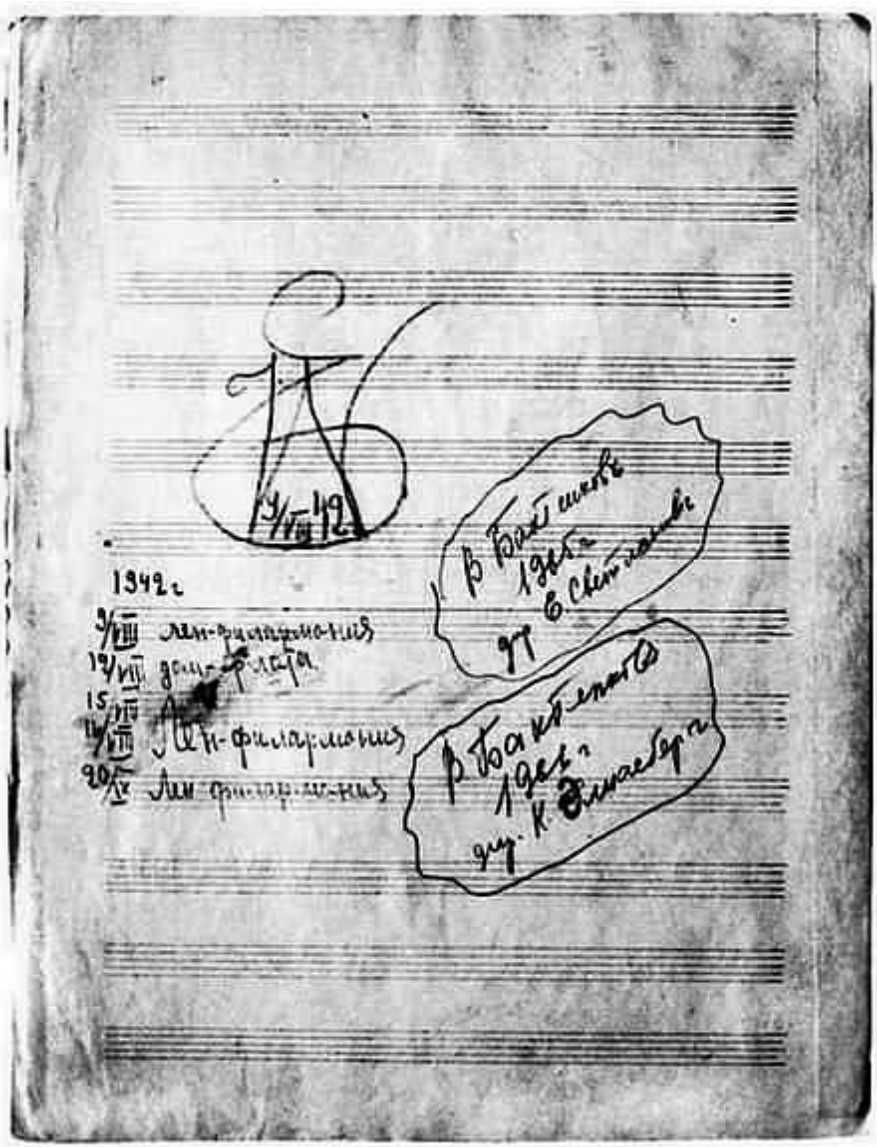
Нотная библиотека Дома радио

На рисунке изображен К. И. Элиасберг во время репетиции. Партия третьей трубы.

Нотная библиотека Дома радио.

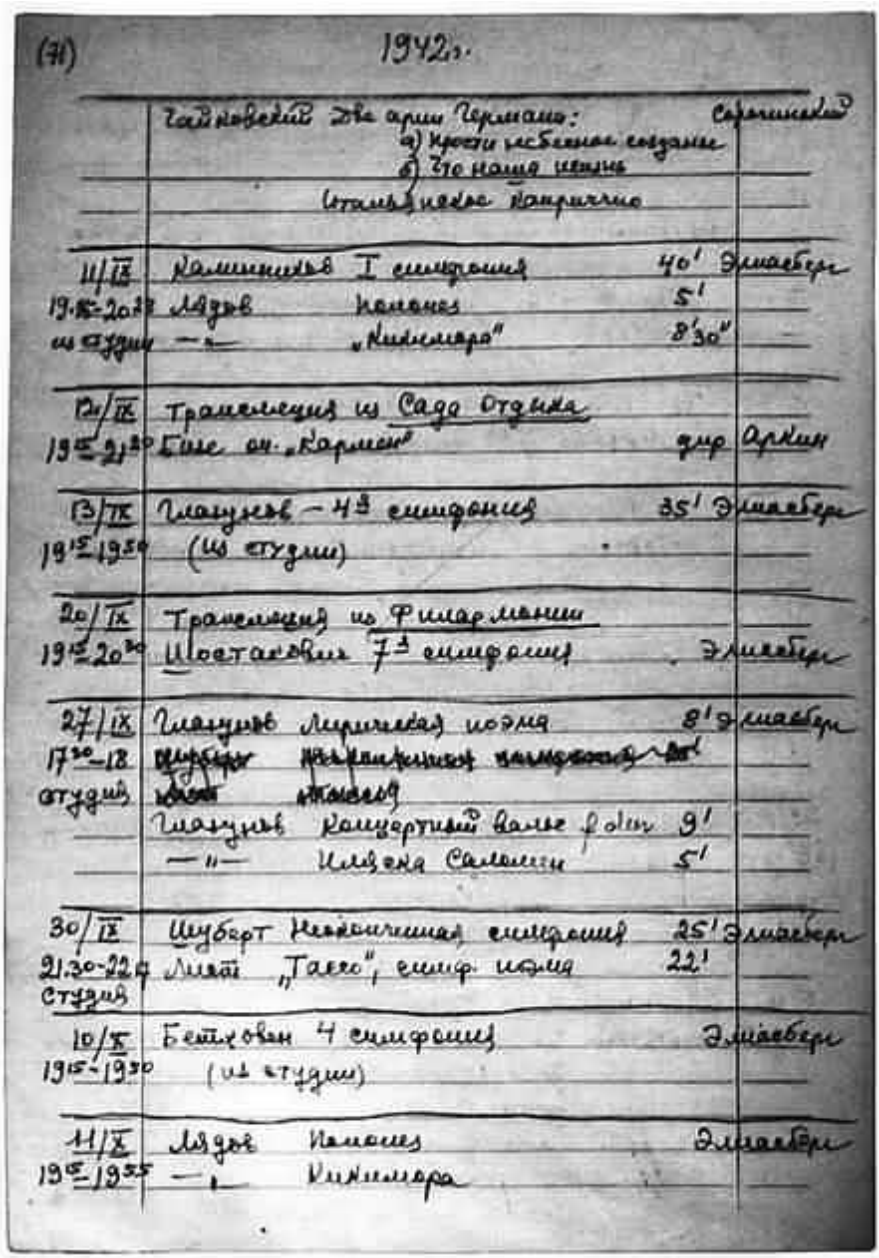
Фамилии музыкантов на партии скрипки.

Нотная библиотека Дома радио.



Записи об исполнениях Седьмой симфонии на партии третьей трубы.

Нотная библиотека Дома радио.



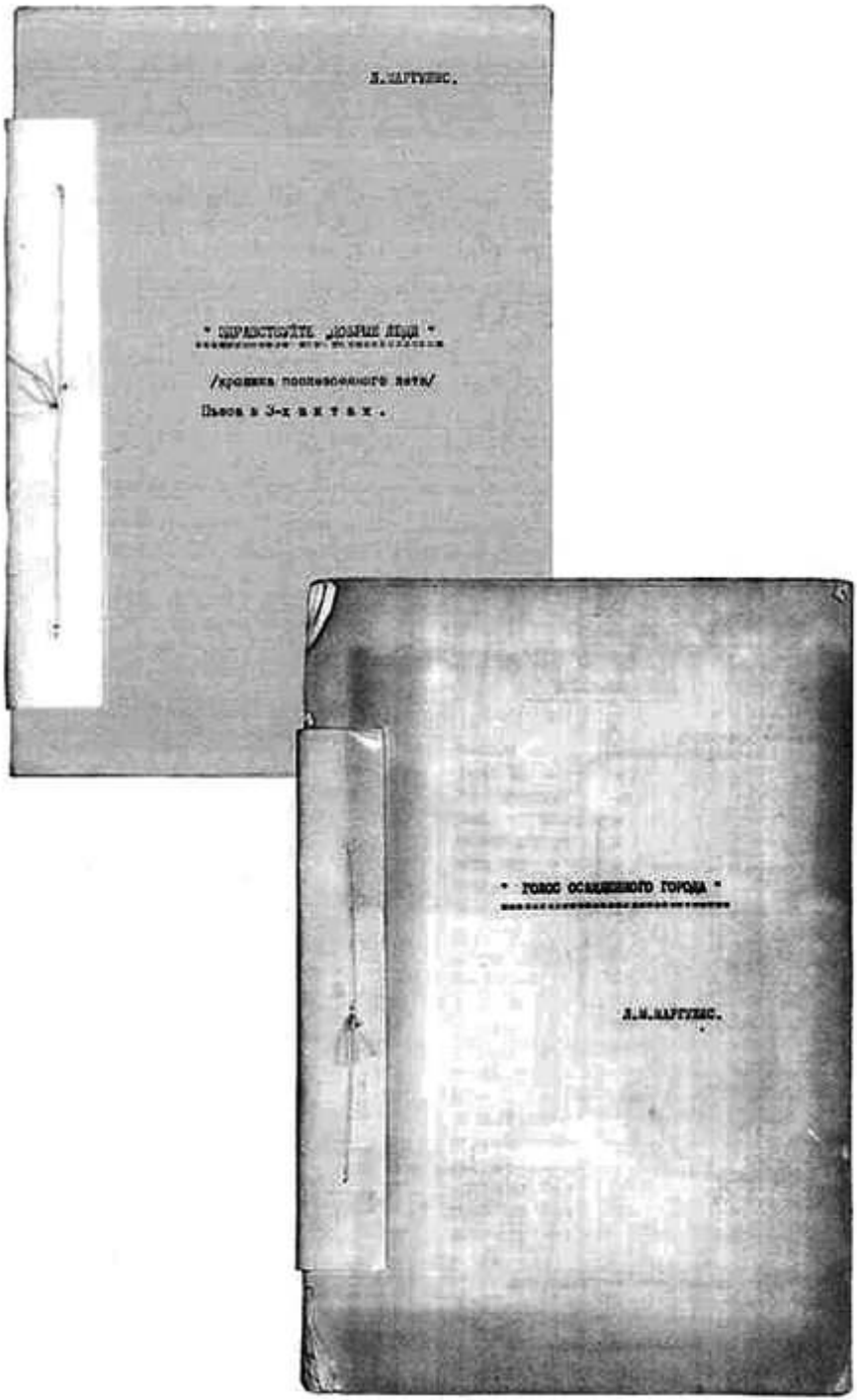
(71) 1942 г.

	Чайковский 2 арии Германа: а) Кроет небесная синева б) Что наша жизнь		Сафонников
	Отдельные номера Напрасно		
11/IX	Калинников I симфония	40'	Элиасберг
19.15-20.20	Лядов Напасть	5'	
из студии	— " — „Кикимора"	8'30"	
12/IX	Трансляция из Сада Отдыха		
19.15-21.20	Бизе оп. „Кармен"		дир. Аркин
13/IX	Глазунов – 4-я симфония	35'	Элиасберг
19.15-19.50	(Из студии)		
20/IX	Трансляция из Филармонии		
19.15-20.30	Шостакович 7-я симфония		Элиасберг
27/IX	Глазунов Лирическая поэма	8'	Элиасберг
17.30-18	[illegible]		
студия	[illegible]		
	Глазунов Концертный вальс f-dur	9'	
	— " — Испания Сарасате	5'	
30/IX	Шуберт Неоконченная симфония	25'	Элиасберг
21.30-22	Лист „Тассо", симф. поэма	22'	
студия			
10/X	Бетховен 4 симфония		Элиасберг
19.15-19.30	(из студии)		
11/X	Лядов Напасть		Элиасберг
19.15-19.35	— " — Кикимора		

Страница из журнала учета выступлений оркестра Радиокомитета за сентябрь-октябрь 1942 г.

Музей Дома радио.

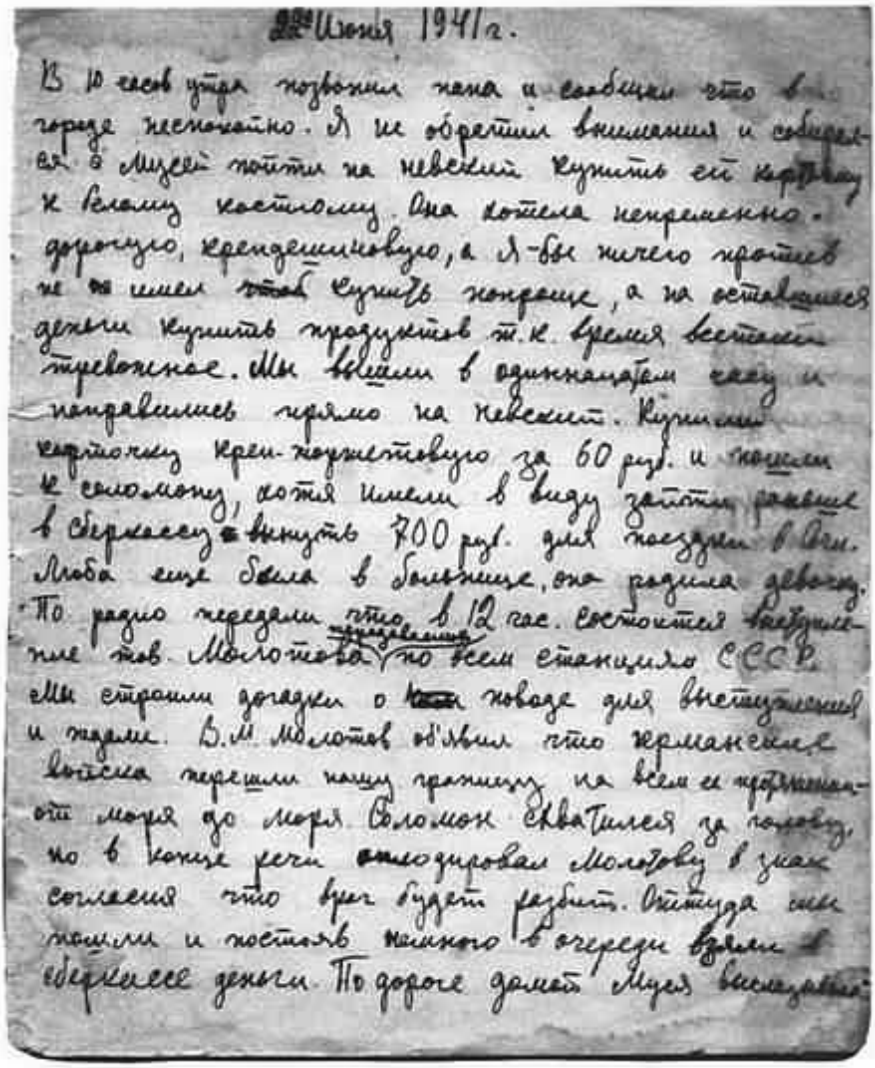
Лев Маргулис. 1960-е гг.



Титульная страница пьесы «Здравствуйте, добрые люди (Хроника послевоенного лета)», написанной Л. Маргулисом.

Титульная страница пьесы «Голос осажденного города»,

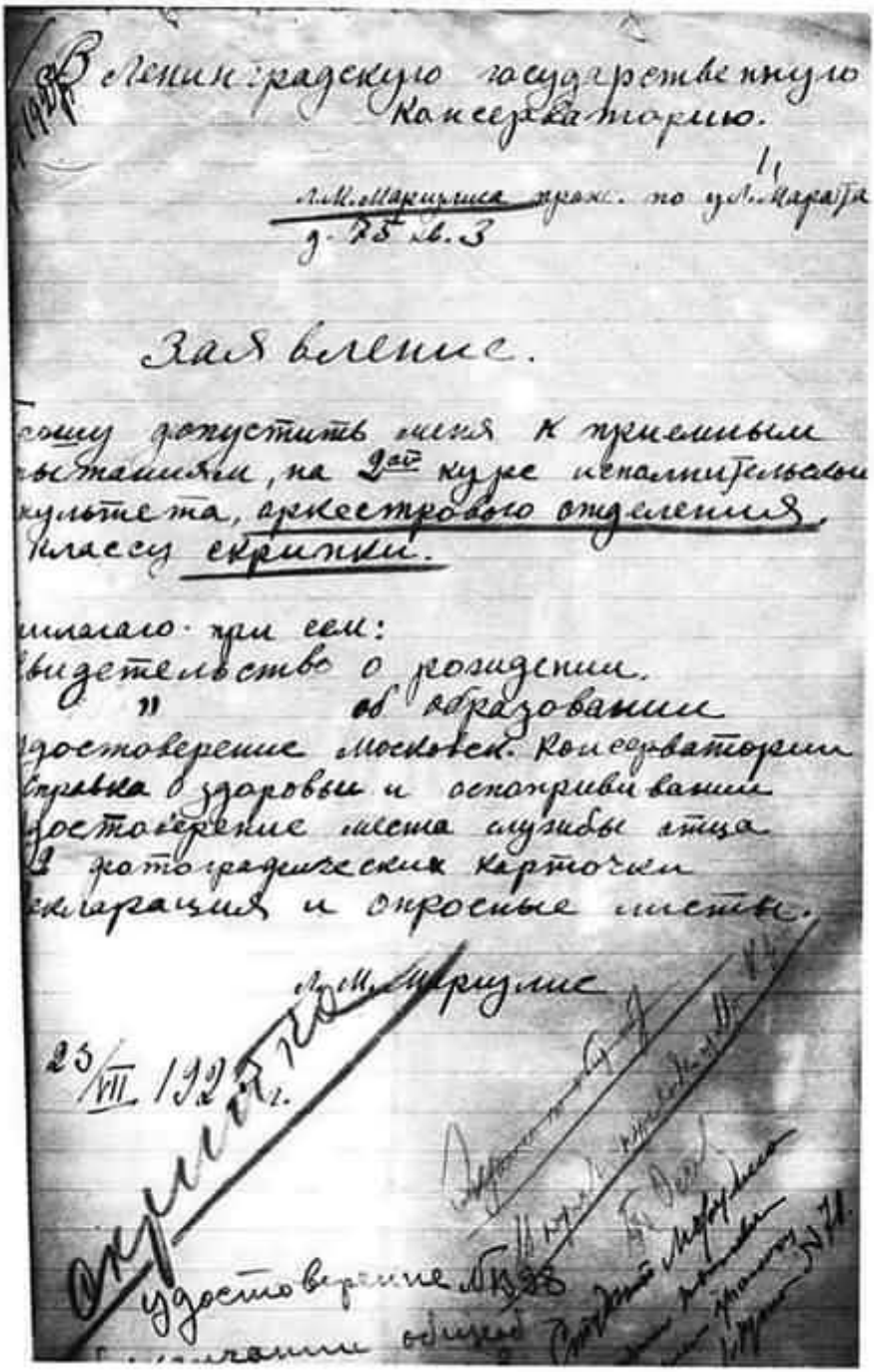
написанной Л. Маргулисом в 1963 г.



22 Июня 1941 г.

В 10 часов утра позвонил папа и сообщил что в городе неспокойно. Я не обратил внимания и собирался в Музей пойти на невский купить ей картину к Белому костюму. Она хотела непременно дорогую, крепдешиновую, а я-бы ничего хорошего не имел купить женщине, а на оставшиеся деньги купить продуктов т.к. время военное тревожное. Мы вышли в одиннадцатом часу и направились прямо на Невский. Купили кофточку креп-жоржетовую за 60 руб. и пошли к Соломону, хотя имели в виду зайти раньше в Сберкассу и вынуть 700 руб. для поездки в Оч. Люба еще была в больнице, она родила девочку. По радио передали что в 12 час. состоится выступление тов. Молотова по всем станциям СССР. Мы стояли долгое о войне для выступления и ждали. В.М. Молотов объявил что германские войска перешли нашу границу на всем ее протяжении от моря до моря. Соломон схватился за голову, но в конце речи отождествил Молотову в том сознании что враг будет разбит. Оттуда мы пошли и постояв немного в очереди взяли в сберкассе деньги. По дороге домой Муся высказала

Первая страница блокадного дневника Л. Маргулиса.



В Ленинградскую государственную Консерваторию.

л. М. Маркулиса прожив. по ул. Марата д. 75 кв. 3

Заявление.

Прошу допустить меня к приемным испытаниям, на 2-ой курс вспомогательного цикла, оркестрового отделения, по классу скрипки.

Прилагаю при сем:
Свидетельство о рождении.
" об образовании
Удостоверение Московск. Консерватории
Справка о здоровьи и освидетельствование
Удостоверение места службы отца
2 фотографических карточки
Декларация и опросные листы.

Л. М. Маркулис

23/VII 1927 г.

Принят

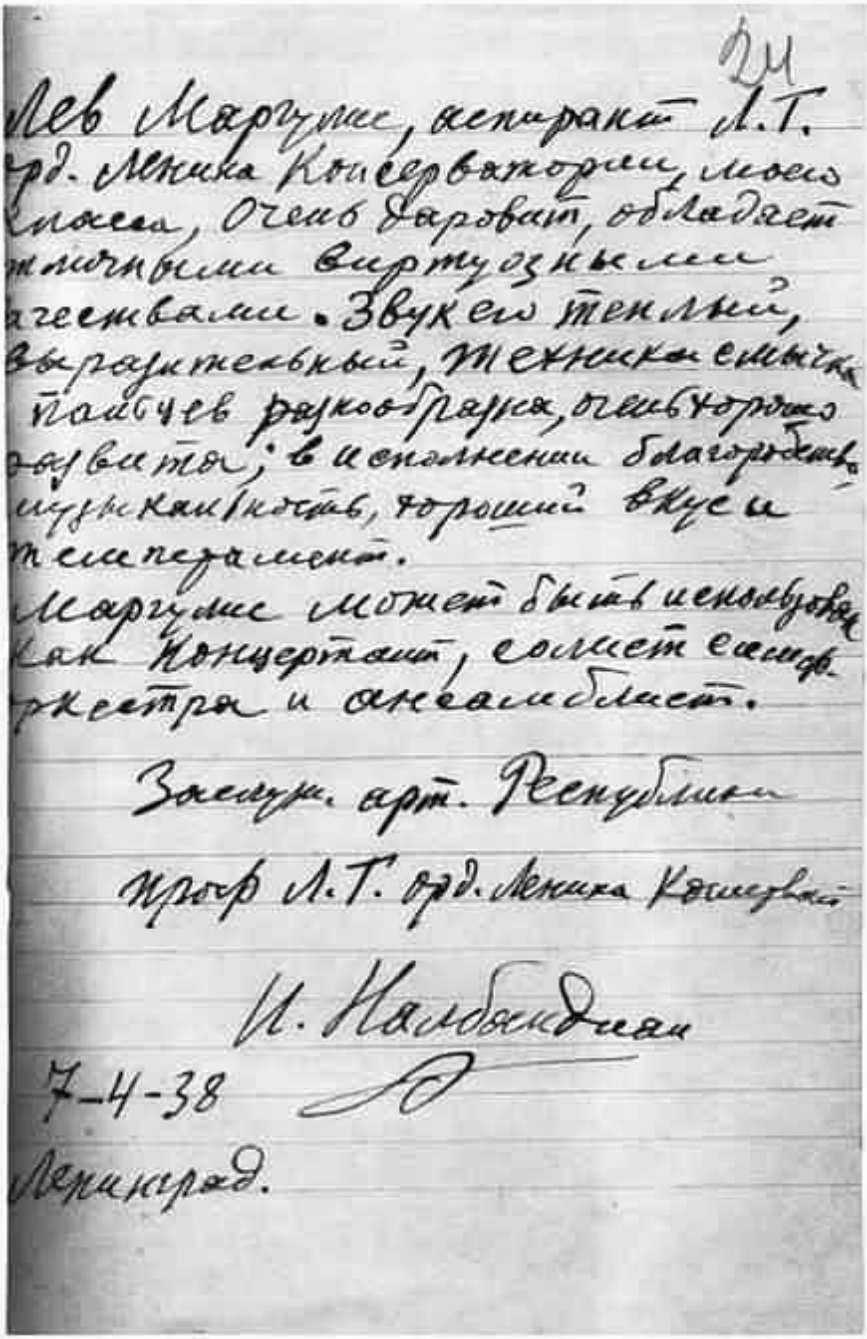
Удостоверение [illegible]

Заявление о приеме в Ленинградскую консерваторию. 1927. *ЦГАЛИ СПб.*

Фотография из личного дела Л. Маргулиса. 1927(?).
ЦГАЛИ СПб.

После окончания консерватории.

Надпись на обороте: «Дорогим родным от долгожданного „свободного художника“. Лева. 7/X 1931 г.»



Лев Маргулис, аспирант Л.Г. ор. Ленинградской Консерватории, моего класса, очень даровит, обладает отличными виртуозными качествами. Звук его теплый, выразительный, техника смычка, пальцев рук и рука, очень хорошо развиты; в исполнении благородный, музыкальный вкус и темперамент.

Маргулис может быть использован как концертант, солист симф. оркестра и ансамблист.

Заслуж. арт. Республики

Проф Л.Г. ор. Ленинградской Консерватории

И. Налбандян

7-4-38

Ленинград.

Характеристика аспиранта Л. Маргулиса, выданная профессором консерватории, заслуженным артистом РСФСР И. Налбандяном.

ЦГАЛИ СПб.

Оркестр Радиокомитета перед войной. Дирижер Д. И. Похитонов.

За первым пультом С. Аркин и К. Лейбенкрафт.

Народный музей «А музы не молчали…»

Здание Народного дома, где с 1938 г. по 1948 г. находился Филиал Кировского театра (теперь Театр «Мюзик-Холл»).

Фотография 2012 г.

Разрушенное правое крыло Кировского (Мариинского) театра. *ЦГАКФФД СПб. Предоставлено А. Н. Крюковым.*

Моховая улица, дом 35. Здесь с 1921 г. по 1962 г. находился ТЮЗ под руководством А. А. Брянцева.

Теперь в этом здании расположен Учебный театр «На Моховой».

Фотография 2012 г.

Дом на 5-ой линии Васильевского острова, где в блокаду жил Л. Маргулис.

Фотография 2012 г.

Дверь коммунальной квартиры, в которой жил Л. Маргулис. *Фотография 2012 г.*

Санкт-Петербургский Дом радио (Радиокомитет).

Угол Итальянской ул. (ул. Ракова) и Малой Садовой ул. (ул. Пролеткульта).

Фотография 2012 г.

Вид с внутренней лестницы во двор Дома радио.
Фотография 2012 г.

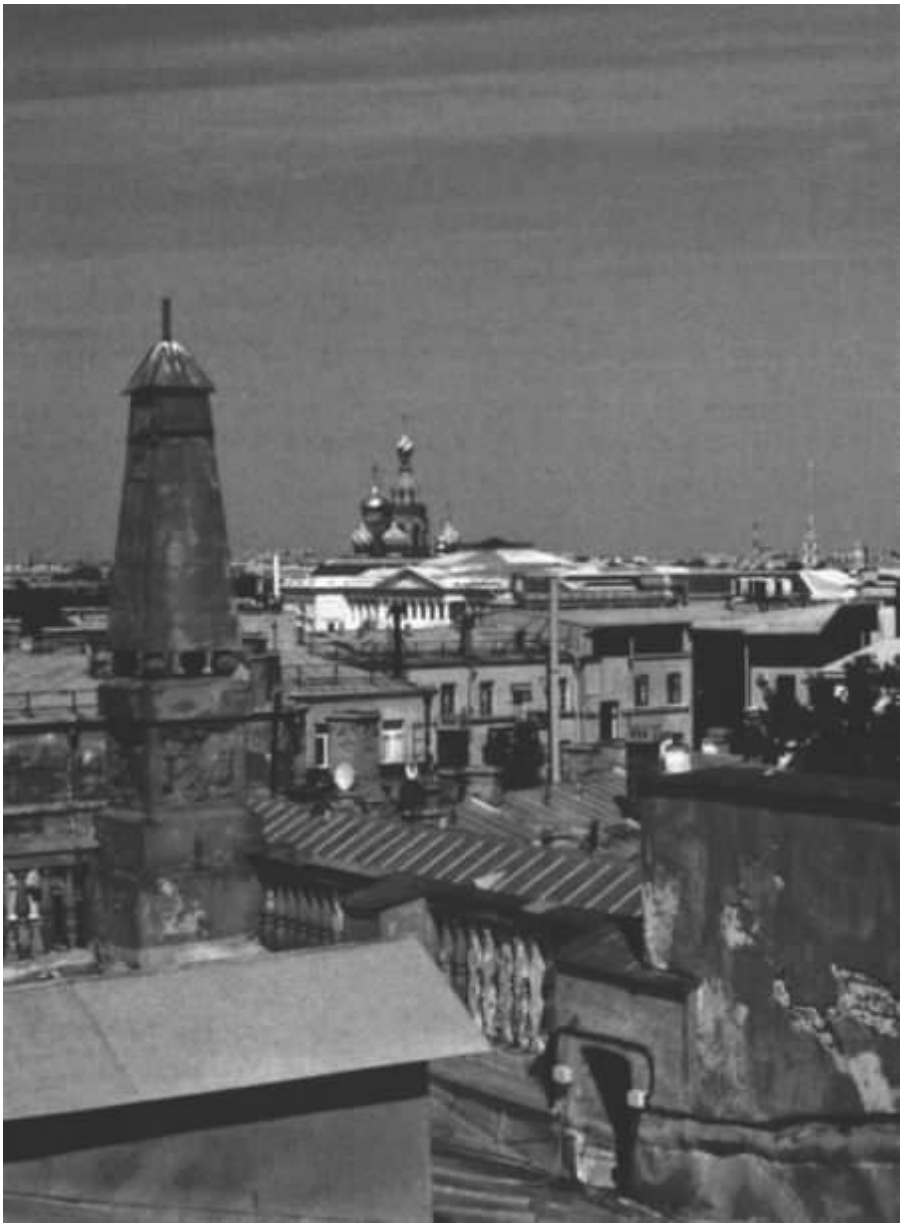
Одна из внутренних лестниц Дома радио.
Фотография 2012 г.

Чудом сохранившийся фрагмент старой нумерации, по которому удалось определить расположение комнаты.

Фотография 2012 г.

Дом Радио. В торце — комната № 30, в которой жили на казарменном положении Л. Маргулис и его коллеги зимой 1941–1942 гг.

Фотография 2012 г.

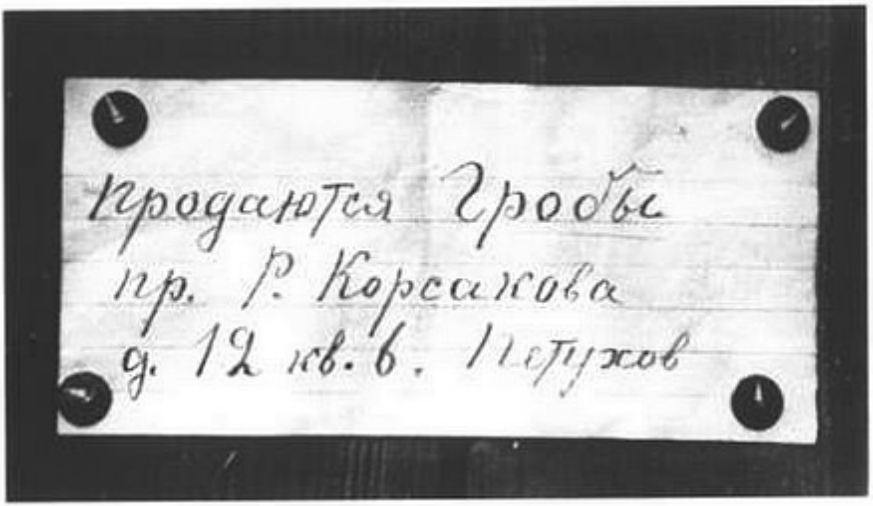


Крыша Дома радио (Радиокомитета), на которой в блокаду дежурили музыканты оркестра.

Фотография 2012 г.

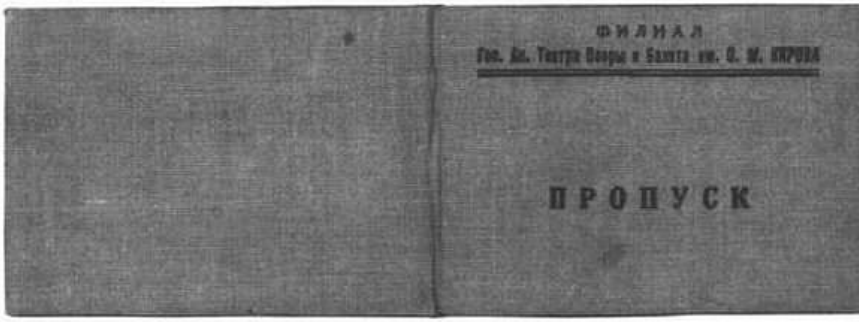
Набережная реки Фонтанки. Зима 1941–1942 гг.
ЦГАКФФД СПб. Предоставлено А. Н. Крюковым.

Блокадная столовая. Рисунок находился среди тетрадей Л. Маргулиса.



Объявление о продаже гробов. Зима 1941–1942 гг.
ЦГАКФФД СПб.

Улица в Красногвардейском районе. Зима 1942 г.
ЦГАКФФД СПб.



Пропуск К. А. Лейбенкрафта, музыканта оркестра Филиала Театра оперы и балета им. С. М. Кирова.

Материалы из семейного архива Л. К. Лейбенкрафта.

К. А. Лейбенкрафт. Зима 1941 г.
Материалы из семейного архива Л. К. Лейбенкрафта.

Гастроном № 1 (Елисеевский магазин) и вход в Театр Комедии, где зимой 1942–1943 гг. при участии БСО проходили оперные и балетные спектакли.

На переднем плане жители разбирают на дрова киоск.

ЦГАКФФД СПб. Предоставлено А. Н. Крюковым.

Работы по очистке города. Пл. Островского, напротив Александринского театра.

ЦГЛКФФД СПб. Предоставлено А. Н. Крюковым.

Угол Невского пр. и Малой Садовой ул. Ленинградцы слушают сводки с фронтов.

ЦГАКФФД СПб. Предоставлено А. Н. Крюковым.

Как создавалась эта книга

9 августа 1942 года, впервые в блокадном Ленинграде, Большим симфоническим оркестром (БСО) Радиокомитета была исполнена Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича. Каждый ленинградец-петербуржец понимает, что значило это событие для города, прошедшего через страшную блокадную зиму.

В апреле 2012 года, спустя семьдесят лет после первого ленинградского исполнения симфонии, в издательство попал уникальный документ: дневник Льва Маргулиса, скрипача оркестра Радиокомитета.

Впрочем, «попал» — мало что объясняющий глагол. Имеет смысл рассказать все с самого начала.

После смерти Маргулиса дневник, копию программки первого блокадного исполнения Седьмой симфонии Шостаковича, фотографии, письма, рисунки, а также две пьесы, написанные Маргулисом, хранила его вторая жена — Антонина Григорьевна Лапина. После ее смерти эти семейные реликвии хранились у альтистки Галины Николаевны Ловчиковой, друга семьи, с которой Маргулис два года перед выходом на пенсию работал в Отделе музыкальных ансамблей Ленконцерта (ОМА).

Позже все материалы были переданы ею Ирине Давыдовне Заморец, флейтистке оркестра Театра музыкальной комедии. Она долгое время работала вместе с Маргулисом (он был концертмейстером оркестра этого театра).

В 2009 году И. Д. Заморец передала дневник композитору, руководителю Музыкального Театра Детей «Радуга» — Марине Анатольевне Ланда, которая, в свою очередь, передала его режиссеру Алле Вячеславовне Масловской, на тот момент работавшей в Театре музыкальной комедии, где после блокады работал Маргулис. Таким образом, круг замкнулся.

Понимая, что такой блокадный документ — несомненная историческая и человеческая ценность, А. В. Масловская стала думать о возможной публикации дневника. В поисках издательства она обратилась за советом к режиссеру-документалисту Алле Степановне Чикичевой, которая сделала несколько блокадных проектов для телевидения (в том числе фильм «Блокада: эффект присутствия»).

И вскоре дневник Маргулиса оказался в «Лениздате».

Дневник — это три общие тетради, записи в которых для современного читателя выглядят почти как шифровка: встречаются десятки неизвестных и малоизвестных имен и фамилий, рассказывается о событиях, которые сейчас, спустя

десятки лет, требуют пояснений.

Первым человеком, к которому мы обратились за помощью, была директор народного музея «А музы не молчали…» Ольга Герасимовна Прутт. В музее, среди множества уникальных документов эпохи, хранятся и блокадные фотографии БСО Радиокомитета, на которых запечатлен и Маргулис. Часть материалов из музейной коллекции вошла в нашу книгу.

Для дальнейшей работы над книгой О. Г. Прутт посоветовала обратиться к Андрею Николаевичу Крюкову, исследователю музыкального радиовещания в Ленинграде времен ВОВ и блокады, автору нескольких книг по этой тематике. Его имя назвали и д. ф. н. А. Н. Чистиков, и д. ф. н. С. В. Яров, научные сотрудники Санкт-Петербургского Института истории РАН, специалисты в области блокады.

Комментарии А. Н. Крюкова, предоставленные им материалы и документы, касающиеся судьбы БСО, оказались поистине бесценным вкладом не только в эту книгу, но и в новейшие исследования музыкальной жизни блокадного Ленинграда.

А. Н. Чистиков и С. В. Яров посоветовали и еще одного специалиста: для комментирования военных и бытовых реалий блокадного города. Им оказался аспирант Института истории РАН, исследователь системы советской пропаганды и агитации в блокадном Ленинграде — Александр Сергеевич Романов.

Мы признательны сотруднику Института истории РАН Марине Николаевне Румынской за то, что она взяла на себя труд расшифровки дневника и создание его электронной версии.

Биография Маргулиса стала проясняться после обращения в архивы Санкт-Петербурга.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ СПб) сохранилось личное дело Маргулиса периода его обучения (студент, аспирант) в Ленинградской консерватории (Фонд 298. Оп. 2. Д. 2009). Мы благодарны директору архива Ларисе Сергеевне Георгиевской за возможность ознакомления с личным делом Маргулиса. Мы также благодарны Аде Константиновне Бонитенко, заведующей отделом использования документов, за осуществление сканирования необходимых материалов, часть из которых воспроизведена в этой книге.

Важные сведения оказались и в последнем личном деле Маргулиса, хранящемся в Объединенном межведомственном архиве культуры (СПб).

Отдельная страница в истории создания этой книги — сотрудничество с Домом радио, ведь именно здесь жили в блокаду музыканты БСО, здесь они умирали от дистрофии, здесь

участвовали в репетициях Седьмой симфонии.

Директор Дома радио Юрий Ольгердович Радкевич предоставил нам возможность осуществить уникальные фотосъемки в музее Дома радио (специальная благодарность ветерану ленинградского радио, хранительнице музея Маргарите Сергеевне Клыковой) и в нотной библиотеке, где хранится партитура Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича. За помощь в съемках благодарим заведующую библиотекой Дома радио Елену Владимировну Ошевенскую и сотрудника библиотеки Елизавету Николаевну Буш.

Во время съемок в помещениях Дома радио было также определено расположение комнаты, в которой жили на казарменном положении Л. Маргулис и его коллеги-музыканты.

Ряд ценных замечаний для книги сделала заместитель директора Дома радио Елена Васильевна Кийко.

Мы признательны начальнику отдела радийного производства Игорю Гдальевичу Парнасу за разрешение осуществить фотосъемку на крыше Дома радио.

Особая благодарность заместителю художественного руководителя Санкт-Петербургской академической Филармонии им. Д. Д. Шостаковича, художественному руководителю Большого зала филармонии Ирине Яковлевне Родионовой за организацию встречи с Юрием Хатуевичем Темирканом. Его вступительное слово задало тон всей книге.

Сильным эмоциональным моментом в работе над книгой было и общение со скрипачом, игравшим в Большом симфоническом оркестре Филармонии, — Львом Константиновичем Лейбенкрафтом, сыном скрипача Константина Александровича Лейбенкрафта (страница, посвященная его гибели, одна из самых трагичных в дневнике Маргулиса). Им были предоставлены для книги выдержки из писем, отправленных отцом из блокадного Ленинграда, и документы из семейного архива.

В архиве А. Н. Крюкова нашелся блокадный адрес Маргулиса. Дом сохранился, и дверь в коммунальную квартиру, где жил автор дневника, осталась та же, что в годы блокады, о чем свидетельствует фотография.

За осуществление всех современных фотосъемок выражаем благодарность художественному редактору Валерию Анатольевичу Гореликову.

Работа над этой книгой тоже напоминала репетицию — не оркестра, но — музыкального ансамбля. Первой скрипкой был, конечно же, автор дневника — Лев Маргулис. Мы надеемся, что исполненная нами пьеса запомнится читателям.

Наталия Соколовская

Благодарности

Издатели выражают признательность

за бесценную помощь, оказанную в подготовке этой книги:

♦ОАО «Телерадиокомпания „Петербург“ (Радио „Петербург“)», Музею Дома радио и лично Ю. О. Радкевичу, Е. В. Кийко, Е. В. Ошевенской, Е. Н. Буш, М. С. Клыковой и И. Г. Парнасу;

♦Центральному государственному архиву литературы и искусства (ЦГАЛИ СПб) и лично Л. С. Георгиевской и А. К. Бонитенко;

♦О. Г. Прутт — директору народного музея «А музы не молчали…» Санкт-Петербургской средней школы № 235 им. Д. Д. Шостаковича;

♦И. Я. Родионовой — заместителю художественного руководителя Санкт-Петербургской академической Филармонии им. Д. Д. Шостаковича, художественному руководителю Большого зала филармонии;

♦композитору М. А. Ланда;

♦режиссеру А. В. Масловской;

♦Центральному государственному архиву кинофотофонодокументов (ЦГАКФФД СПб);

♦Объединенному межведомственному архиву культуры (СПб);

♦Отделу ЗАГС Кировского района Комитета по делам ЗАГС Правительства Санкт-Петербурга;

♦Заведующей музеем ТЮЗа Т. Ю. Данченко,

а также

♦Л. К. Лейбенкрафту и О. А. Улитиной, Н. Ж. Айдарову, М. Н. Румынской, А. Н. Чистикову, И. Д. Заморец и Г. Н. Ловчиковой.

notes

Примечания

1

Народные консерватории были новым для того времени явлением. Они начали организовываться во второй половине 1900-х гг. с культурно-просветительской и музыкально-образовательной целью. Были распространены по всей России.

2

Сведения о Маргулисе почерпнуты из документов, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), а также в Объединенном межведомственном архиве культуры (СПб).

3

В статье из электронной Энциклопедии фонда «Хайазг» можно узнать основные сведения о Налбандяне. Примечательны заключительные строки: «В годы Великой отечественной войны был эвакуирован в Ташкент, где умер от тоски по Ленинграду».

Музыкальная деятельность этих учреждений историками блокады почти забыта.

5

Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С. 196.

6

Музыка в дни блокады: Хроника. СПб.: Композитор, 2002. С. 145 и 250.

Оркестр Радиокомитета сохранял свой статус до 1953 г., а затем, в качестве второго оркестра, был передан Филармонии. Маргулис оставил Радиокомитет уже в 1946 г. Он стал солистом Концертного бюро Филармонии. С 1950 до 1968 г. был концертмейстером оркестра в Театре музыкальной комедии. Последнее место работы — отдел музыкальных ансамблей Ленконцерта, руководил музыкальным ансамблем в кинотеатре «Московский». В 1970 г. вышел на пенсию (данные Объединенного межведомственного архива культуры). Скончался Л. Маргулис 15 марта 1975 г.

8

Светом блокады освещено написанное уже в мирное время литературное произведение Л. Маргулиса — пьеса в трех актах с говорящим названием «Здравствуйте, добрые люди» (с подзаголовком «Хроника послевоенного лета»). Блокадники и недавние фронтовики — от управхоза и торговца до оркестрового музыканта — живут в ней по законам взаимопомощи, человечности. Непосредственно блокаде посвящена вторая пьеса Маргулиса — «Голос осажденного города» (датирована 1963 г.). События в ней происходят в конце 1941 г. и связаны с жизнью музыкантов Большого симфонического оркестра. Фантазия автора если и присутствует, то в минимальном объеме. Иные эпизоды Маргулис перенес в пьесу из своего блокадного дневника, иные — его воспоминания. Блокадный быт в пьесе представлен. В то же время персонажи (многие из них имеют фамилии реальных музыкантов) думают и о вопросах высшего порядка: не следовало ли вывезти оркестр и таким образом сохранить ценный коллектив, в чем был высший смысл деятельности оркестра, могут ли оркестранты считать, что участвовали в борьбе с врагом, воздействовала ли музыка на самих исполнителей, или они просто отбывали повинность. (Некоторые строчки из пьесы цитируются в комментариях).

9

Так в ркп.

10

Далее в ркп. текст зачеркнут: «После утренней работы нас повели в мастерские Мариинского театра на работу. Делали ковры. С этого дня работали ежедневно с девяти до девяти с 2-х часовым перерывом на обед. Целый день в грязи и пыли».

11

В ркп. пропуск.

12

Кусочек края ркп. утерян.

13

Далее в ркп. текст зачеркнут: Дозвонился к Нюре, и уговорились сегодня оба ночевать д[ома].

В ркп. декабря *ошибочно.*

15

Вероятно, эта дневниковая запись сделана 13 января. М. родился 12 января 1910 г.

16

Далее в ркп. зачеркнутый текст: Судя по себе и некоторым товарищам, я был убежден в этом.

17

Далее в ркп. зачеркнутый текст: все жаждали.

18

В ркп. мытарствовали *зачернуто*.

19

Лейбенкрафт Константин Александрович — скрипач, родился в г. Слуцк (Белоруссия) 6 июня 1899 г. В 1933–1939 гг. играл в оркестре Ленинградской филармонии. С 1939 г. — концертмейстер первых скрипок в оркестре Филиала Театра оперы и балета им. Кирова (там же, где работал Маргулис). С 24 июля 1941 г. — музыкант оркестра БСО. Умер от дистрофии 10 февраля 1942 г. Цитируемые письма написаны жене и сыну в эвакуацию. Представлены Л. К. Лейбенкрафтом, сыном музыканта. Л. К. Лейбенкрафт пошел по стопам отца, стал скрипачом, вся его творческая жизнь связана с оркестром Филармонии.

20

Подробнее о музыкальной деятельности Радиокомитета, а также о других событиях музыкальной жизни осажденного города см. в Комментариях /В файле — комментарии А. Н. Крюкова к «Дневнику» — *прим. верст./*.

21

Астров В. Д. — дирижер оркестра Театра КБФ (Краснознаменного Балтийского флота). В конце 1941 г. оркестр был расформирован. Зимой Астров умер.

22

Айдаров Жавдет Караматулович (1918–2000) — исполнитель на ударных инструментах. Перед войной учился в Музыкальном училище им. Мусоргского и играл в оркестре Кировского театра, затем служил в Образцовом оркестре Ленинградского военного округа. Был прикомандирован к БСО, в 1943 г. переведен в штат. Участвовал в исполнении Седьмой симфонии Шостаковича. Главная тема писем — голод. Они писались с оглядкой на военную цензуру, и все же между строк легко уловить состояние молодого музыканта. Среди его коллег бытовал рассказ о том, как К. И. Элиасберг, отправившись искать отсутствовавшего на репетиции Айдарова, обнаружил его в глубоком обмороке и чуть ли не подготовленным к отправке в морг. Кусок хлеба вернул его к жизни.

Письма адресованы матери — Л. Д. Динмухаметовой и отцу — К. А. Айдарову. Как и другие материалы, хранятся в семейном архиве. Подготовлены к публикации Надимом Айдаровым — аспирантом Санкт-Петербургской консерватории, внуком музыканта-блокадника.

23

В письме указан адрес: «г. Ленинград 11. п/я 604а. Обр. Орк. Л. В. О. К-цу Ж. К. Айдарову» (то есть: Ленинград, 11. Почтовый ящик 604а. Образцовый оркестр Ленинградского военного округа. Красноармейцу Ж. К. Айдарову).

24

Заветновский Виктор Александрович (1875–1950) — скрипач, с 1910 г. был солистом и концертмейстером Придворного симфонического оркестра (с 1921 г. — оркестр Филармонии). После эвакуации Филармонии, с осени 1941 г., играл в БСО. Наталия Петровна Заветновская, его жена, умерла летом 1942 г. Письма адресованы Т. В. Заветновской, дочери, тоже скрипачке, находившейся в эвакуации с Кировским театром (играла в его оркестре). Ныне хранятся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

25

Часть писем пересылалась с оказией, минуя военную цензуру, чем и объясняется их предельная откровенность. Остальные написаны осторожно, многое сообщается лишь намеком. Под необходимостью «ремонта» Кировского театра подразумеваются разрушения от попадания в его правое крыло бомбы.

26

Во время дождя и в пасмурную погоду налетов на город было меньше.

27

Скрытый намек на начавшийся в городе голод.

28

Брик И. О. — виолончелист, профессор Консерватории. Умер первой блокадной зимой. Заветновский эвакуировался лишь после смерти жены.

29

Из-за нехватки электроэнергии хлебозаводы работали с перебоями. Случалось, вместо хлеба выдавали муку.

30

Матус Ксения Маркиановна (1916–2001) перед войной училась в Консерватории (класс гобоя), играла в ряде оркестров. С 1942 г. — в БСО. Участвовала в исполнении Седьмой симфонии Шостаковича 9 августа 1942 г. Дневник хранится в народном музее «А музы не молчали» Санкт-Петербургской средней школы № 235. Ознакомиться с его материалами удалось благодаря содействию директора музея О. Г. Прутт.

31

Профессор Ленинградской консерватории Р. И. Грубер вспоминал: «Педагоги консерватории ежедневно направлялись на рытье окопов у больницы Фореля (на подступах к Ленинграду)». Современный исследователь свидетельствует, что консерваторцы «рыли окопы на дальних и ближних подступах к городу» (см.: Музыка продолжала звучать. Ленинград. 1941–1944. Л., 1969. С. 151; Ленинградская государственная консерватория в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2005. С. 5). Психиатрическая больница имени О. А. Фореля — ныне здесь располагается культурно-досуговый центр «Кировец» (пр. Стачек, д. 158).

32

Своего рода прорывом блокады стала деятельность ледовой дороги через Ладожское озеро, благодаря которой действительно удалось постепенно улучшить положение дел в Ленинграде.

33

Лелюхина (Ершова) Галина Федоровна (1921–2012) — флейтистка, с весны 1942 г. — в БСО. Участвовала в исполнении Седьмой симфонии Шостаковича 9 августа 1942 г. Воспоминания хранятся в народном музее «А музы не молчали».

Приведенные документы сосредоточены в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.), частично — в архиве «ТРК „Петербург“ (Радио „Петербург“)».

Приказы, хранящиеся в архивах, как правило, объединены в хронологическом порядке в отдельное дело. Это освобождает от необходимости каждый раз давать ссылку на источник: зная дату, найти приказ не сложно. Другие документы снабжены необходимыми ссылками.

36

Середина февраля 1942 г. — начало перемен к лучшему. Появились возможности поддержать, подлечить тех, кто остался в живых и мог участвовать в восстановлении культурной жизни города. Параллельно повышалась требовательность к исполнителям.

Старосте общежития эти обстоятельства были «поставлены на вид».

38

Большой драматический театр.

Обеспечить дополнительным питанием каждого еще не было возможности. В этом одна из причин, почему некоторым оркестрантам приходилось, как выразился один из них, «зарабатывать» пропуск старательным отношением к делу.

Элиасберг находился в стационаре несколько сроков.

41

См.: *Крюков А.* Музыкальная жизнь сражающегося Ленинграда. Л., 1985. С. 34 и др.

42

Очерк Фадеева «Шестая симфония: Из ленинградского дневника» был опубликован в газете «Литература и искусство» 1 мая 1943 г. В отдельном издании «Ленинград в дни блокады: Из дневника» (вышло год спустя, в 1944 г.) Фадеев после слов «Вдруг нам говорят» в сноске добавил «Говорят, это сам Жданов сказал». О том, что замечание было высказано именно Ждановым, мне в свое время доводилось слышать и от сотрудников Радиокомитета. — *А.К.*

43

Элиасберг К. Единственный в городе: Симфонический оркестр в годы блокады // «Музыка продолжала звучать». Ленинград. 1941–1944. Л., 1969. С. 89.

Кондратьев Н. Из театрального дневника. Там же. С. 69.

Д. 353. Л. 63 об.

46

Берггольц О. Пьесы и сценарии. Л., 1988. С. 242. (В книге факсимильно воспроизведено письмо К. Элиасберга; дату обращения к Шостаковичу мне сообщила М. Берггольц, сестра О. Берггольц. — *А.К.*).

Крюков А. Н. Музыка в эфире военного Ленинграда. СПб., 2005. С. 95.

Музыка в эфире военного Ленинграда. С. 165.

Ольга. Запретный дневник. СПб., 2010. С. 84–85.

Там же. С. 77–78.

51

Там же. С. 81.

Музыка в эфире военного Ленинграда. С. 166.

53

Фадеев А. Ленинград в дни блокады: Из дневника. М., 1944. С. 146.

Фадеев А. Что я видел в Ленинграде // Ленинградская правда. 1942, 19 июня.

Подготовленный в июне, приказ был подписан 5 июля.

56

Названы фамилии пяти ведущих оркестрантов. Все они входили в пожарную команду, причем один являлся ее командиром.

57

ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 2. Д. 353.

58

Музыка продолжала звучать. С. 91.

59

Письма К. М. Ананяна предоставила его сестра, М. М. Ананян. Возможно, в том, что «работы была уйма», заключалась одна из причин, по которым М. не вел в это время свой дневник (симптоматично, что не отражена подготовка Седьмой симфонии и в дневнике К. М. Матус).

ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 2. Д. 406.

61

Один из оркестрантов получил на этот день вызов в военкомат. Председатель Радиокомитета в официальном ходатайстве просил не задерживать его, ибо тот «с 17 часов занят *на правительственном просмотре* 7-ой симфонии лауреата Сталинской премии Д. Шостаковича» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 2. Д. 353. Курсив мой, — *А.К.*).

Музыка в дни блокады. С. 204.

63

Музыка в эфире военного Ленинграда. С. 287.

Е. Л. Шах не включил в свой список съемку для кинохроники и считает поэтому концерт 15 августа третьим исполнением симфонии.

В отмеченный В. М. Орловским день исполнялась первая часть симфонии.

66

Строго говоря, Виктору Елисееву следовало объединить в монограмме буквы E и V (Victor), но можно допустить, что он этого не знал.

Перечислены девять человек.

68

Первоначальное, авторское название оперы — «Жизнь за царя». А. Атлантов — отец ныне знаменитого певца Владимира Атлантова.

Музыка в дни блокады. С. 258.

70

В осажденном Ленинграде жила и работала мать Бариновой — пианистка М. Н. Баринова.

71

Юдина до середины 1930-х гг. была профессором Ленинградской консерватории. Перед войной работала в Москве. Она дважды прилетала в осажденный город и позже, вспоминая те дни, писала: «Господи, как я стремилась в Ленинград — „умереть у стен Ленинграда“, как минимум»; «я счастлива, что хоть краешком коснулась великой сей эпохи, смогла передать какие-то символические посылочки <…> дорогим-дорогим, любимым друзьям — уцелевшим — всех возрастов и формаций, лицезреть их просветленные лица („святые от голода“, как сказано у Велемира Хлебникова в стихах „Голод“), облобызать эти одухотворенные лица, поплакать с ними о бесчисленных умерших <…>» (Российская гос. библиотека. Отдел рукописей. Ф. 527).

Именно это означают слова отчета о том, что произведения исполнялись впервые.

73

Музыка продолжала звучать. С. 92.

74

Приводится по сб.: Музыка продолжала звучать. С. 290–292.

comments

Комментарии

1

Альбова Мария Михайловна (Муся) — жена Л. Маргулиса, флейтистка, работала в оркестре Театра оперы и балета им. С. М. Кирова (Кировский театр, Мариинский театр, Мариинка). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

2

За восемь дней до начала войны газета «Известия» опубликовала сообщение ТАСС, которое, возможно, имело своей целью снизить градус тревожных настроений в обществе: «По данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям <…>» (Известия. 1941, 14 июня). — /Комментарий А. С. Романова/.

3

В Сочи должны были пройти гастроли Кировского театра. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

4

Соломон и *Люба* — родственники М. Проживали на улице Марата. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

5

В выступлении народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова, в частности, говорилось: «Сегодня, в 4 утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек». Речь завершалась словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» (Цит. по: *Богданов И. А.* Ленинградская блокада от А до Я. СПб., 2010. С. 13–14). — /Комментарий А. С. Романова/.

6

Первую попытку прорваться к Ленинграду немецкая авиация предприняла в ночь на 23 июня 1941 г. Первая воздушная тревога была объявлена в 1 час 45 минут, но ни один вражеский самолет не смог прорваться к городу (*Буров А. В.* Блокада день за днем. Л., 1979. С. 12). — /Комментарий А. С. Романова/.

7

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации, первым днем мобилизации считалось 23 июня 1941 г. Мобилизации подлежали граждане, родившиеся с 1905 по 1918 г. включительно (*Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 492–493). — /Комментарий А. С. Романова/.

8

Имеется в виду Филиал Кировского театра, расположенный в помещении бывшего Народного дома (парк им. Ленина, д. 4, современный адрес: Александровский парк, д. 4, театр «Мюзик-холл»), М. играл в симфоническом оркестре Филиала. В июле 1941 г. Филиал был ликвидирован. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

9

В данном случае речь идет о сотрудниках, в предвоенные годы освобожденных от призыва в армию. Свидетельства об этом и понадобились с объявлением мобилизации. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

10

Шретер Александр Викторович (Саша) — режиссер. Работал в Филиале, затем в Кировском театре. Осенью 1941 г. участвовал в постановке оперных спектаклей. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

11

Сотрудница отдела кадров Филиала. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

12

Боярский Ф. Л. — директор Филиала. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

13

Дочь М. *(Сима, Симочка, Симуха)*. Предположительно, трех лет. Косвенным указанием на это является возраст дочери главного персонажа автобиографической пьесы «Голос осажденного города». — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

14

Первая воздушная тревога была объявлена в ночь на 23 июня: со стороны Финляндии приближалась группа самолетов. До города они не долетели. Зенитная батарея, установленная в районе железнодорожной станции Дибуны, открыла огонь, подбила один из самолетов, другие повернули обратно. Случилось так, что мы (родители и я — двенадцатилетний школьник) в то лето отдыхали как раз в Дибунах. Помню, как среди ночи вдруг началась оглушительная пальба: стреляли зенитные орудия. Наш домик ходил ходуном, дребезжали стекла, с кухонных полок свалилось несколько кастрюль. Все перепугались. У меня от страха начало двоиться в глазах (никогда в дальнейшем это не повторялось). Прогремел взрыв: подбитый самолет сбросил бомбу, и наступила тишина. Некоторое время мы еще оставались на даче, но были начеку: заслышав гул самолетов, родители отправляли меня в погреб. (Позволю себе и далее иногда обращаться к собственной памяти и к моему блокадному дневнику. — *А.К.*). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

15

В городе находился Ансамбль песни и пляски Военно-морского флота («Ансамбль пяти морей»), оркестром которого дирижировал Л. Юхнин. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

16

Радин Евгений Михайлович — директор Кировского театра. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

17

Центральный Дом Красной армии в Москве. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

18

Детское учреждение, то же самое, что детский сад. — / Комментарий А. С. Романова/.

19

Сотрудник Филиала. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

20

Моська, Мося Гольцман — работал в Филиале, потом доброволец в полковой музыкантской команде. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

21

Шер Вениамин Иосифович — скрипач, солист Филармонии, участник квартетов им. Ауэра и др., профессор Консерватории. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

22

Асланов В. Н. — режиссер, работал в Филиале. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

23

Печковский Николай Константинович — певец (тенор), солист Кировского театра. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

24

Беляков Александр Георгиевич — в дни блокады возглавлял оставшуюся в городе часть труппы Кировского театра. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

25

Концертные бригады создавались и в других культурных учреждениях Ленинграда. Так, например, из артистов Театра народного ополчения, созданного в июле 1941 г., были сформированы четыре концертные бригады. Их репертуар составляли сцены из довоенных спектаклей, музыкальные и танцевальные номера, сатирические интермедии. В августе 1941 г., в связи с приближением фронта к городу, все концертные бригады были отозваны с фронта *(Богданов И. А.* Ленинградская блокада… С. 147). Позже такие бригады тем не менее также работали и выезжали на фронт для выступлений. В частности, упоминание об этом можно найти в дневнике ленинградского актера Ф. А. Грязнова, в записи 25 октября 1941 г. (Доживем ли мы до тишины. Записки из блокадного Ленинграда. СПб., 2009. С. 69). — /Комментарий А. С. Романова/.

26

Опера К. Сен-Санса. Репертуар, содержащий мотивы борьбы с врагом, становился в те дни особенно актуальным. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

27

На фоне начавшейся мобилизации мужчина со скрипкой в руках выглядел противоестественно. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

28

Сотрудник администрации театра. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

29

Постановлением бюро обкома и горкома 27 июня была создана комиссия для руководства эвакуацией. Прежде всего эвакуировали детей, а также учреждения, оборудование предприятий и другие ценности (*Буров А. В.* Блокада… С. 15). — /Комментарий А. С. Романова/.

Сотрудник театра. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

31

Согласно постановлению СНК СССР от 28 июля 1941 г. № 1902, за добровольно вступившими в Красную армию сохранялась занимаемая ими жилплощадь, а за рабочими и служащими — также и должности, занимаемые ими по месту прежней службы. По возвращении рабочих и служащих из Красной армии их указывалось восстанавливать на прежнем месте работы (Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. Л., 1942. С. 143). — /Комментарий А. С. Романова/.

32

Жена М. подрабатывала в оркестре кинотеатра «Форум», участвовала в концертах перед началом сеансов. К/т «Форум» находился на 7-й линии Васильевского острова, рядом с домом М. (5-я линия В. О., д. 10). Позже переименован в «Балтику». Теперь на этом месте находится новый дом. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

33

Племянница (?) М. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

34

Лейбенкрафт Константин Александрович — скрипач. Концертмейстер оркестра Филиала, с осени 1941 г. — в Большом симфоническом оркестре (БСО) Радиокомитета. Умер в феврале 1942 г. См. выдержки из его блокадных писем в разделе «Документы и материалы». — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

35

«Эвакуация детей началась 27 июня в Ленинградскую, Ярославскую, Кировскую и Свердловскую области. Дети вывозились без родителей, в составе дошкольных детских учреждений или школ и сопровождались педагогическим и медицинским персоналом. За первые десять дней эвакуации (с 27 июня по 5 июля) было вывезено свыше 200 тыс. детей <…>» (*Дзенискевич А. Р., Ковальчук В. М., Соболев Г. Л., Цамутали А. Н., Шишкин В. А.* Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Второе издание, переработанное и дополненное. Л., 1974. С. 92). — /Комментарий А. С. Романова/.

Родственница жены М. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

37

Домработница (няня дочери?) в семье М. Вероятно, приехала в Ленинград на заработки из деревни. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

38

То же самое, что пассажирский вагон. Устаревший речевой оборот. — /Комментарий А. С. Романова/.

39

Тимофеев Михаил Михайлович — музыкант, коллега М. по Филиалу, доброволец в полковой музыкантской команде. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

40

Коврами Маргулис называл маскировочные сетки. Их изготовлением занимались многие учреждения города. Балерина Кировского театра О. Г. Иордан вспоминала: «С 1 июля всех нас мобилизовали на оборонные работы: в декорационном зале на улице Писарева мы трепали мочалку, связывали ее пучками и нашивали на сетки» (Без антракта: актеры города Ленина в годы блокады. Л., 1970. С. 231). Ныне в этом помещении находится Концертный зал Мариинского театра. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

41

Имеется в виду маскировочная сеть. Как отмечали авторы коллективной монографии «Непокоренный Ленинград»: «Маскировке и светомаскировке десятков тысяч зданий, промышленных предприятий, научных учреждений и ценных исторических памятников уделялось особое внимание. <…> К маскировочным работам в первые недели войны были привлечены тысячи ленинградцев» (*Дзенискевич А. Р. и др.* Непокоренный Ленинград. С. 70). Работа горожан заключалась, в том числе, и в изготовления светомаскировочных и маскировочных сетей, которые автор дневника называет «коврами». — /Комментарий А. С. Романова/.

42

Музыкант оркестра «Пяти морей». — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

43

Порядок эвакуации из сельских районов Ленинградской области был согласован 4 июля 1941 г. (Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995. С. 32). — / Комментарий А. С. Романова/.

44

«26 июня, на заседании Военного совета Северного фронта, было решено построить три оборонительных рубежа. Основной — на всем протяжении реки Луга, и далее через Шимск до озера Ильмень. Второй — по линии Петергоф — Гатчина — Колпино. Третий — у стен Ленинграда, по линии Автово — Окружная железная дорога — станция Предпортовая — Средняя Рогатка — село Рыбацкое. С 27 июня решением Исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов трудящихся жители Ленинграда, Пушкина, Колпина, Петергофа и Кронштадта привлекались к трудовой повинности и были обязаны участвовать в строительстве оборонительных сооружений» (*Буров А. В.* Блокада… С. 14–15). Судя по записи от 17 декабря, М. работал под Кингисеппом — на Лужской линии обороны. — / Комментарий А. С. Романова/.

45

Работал в театре, затем поступил на завод. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

46

Шукман Григорий — музыкант, приятель М. Ушел добровольцем на фронт. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

47

Одно из свидетельств о качестве обучения оставил блокадник В. Даев: «Многим добровольцам никогда раньше не приходилось стрелять, а учиться из боевого оружия в большом городе сложно, к тому же курс молодого бойца должны были проходить сразу 100 тысяч человек. Но никакой „стрельбы“ и не было — учились „на сухую“, прицеливаясь в какой-нибудь кирпич и щелкая курками» (Цит. по: *Богданов И. А.* Ленинградская блокада… С. 71). — /Комментарий А. С. Романова/.

48

В СССР до 1943 г. военные не носили погон. Знаками различия воинских званий были петлицы. — /Комментарий А. С. Романова/.

49

Как писал в своей хронике А. Буров: «Ополченцы получают гранаты и патроны. Винтовок на всех пока не хватает. Ощущается недостаток опытных командиров. Из 1824 командиров всех степеней в дивизии Кировского района насчитывается только 10 кадровых военных» (*Буров А. В.* Блокада… С. 18). — / Комментарий А. С. Романова/.

50

Крытый товарный вагон с печкой, переоборудованный для перевозки людей и/или животных. — /Комментарий А. С. Романова/.

51

Исторический район Санкт-Петербурга. Место на въезде в город, где нынче расположена пл. Победы и построен Монумент героическим защитникам Ленинграда. — /Комментарий А. С. Романова/.

52

В оборонных работах участвовали тысячи мирных жителей. Возведенные укрепления и препятствия затрудняли продвижение врага. Есть возможность дополнить дневник М. дневником другого музыканта — композитора Л. А. Портова. Привожу в моем пересказе несколько написанных его рукой страниц.

Группу Портова собрали на улице Плеханова позади Казанского собора, посадили в специальный трамвай и отвезли на Витебский вокзал. Вскоре поезд доставил всех в город Пушкин — одно из любимых мест отдыха ленинградцев в мирное время. Собралось человек 700–800. Ждали других. Вражеские самолеты заметили скопление людей. Они летели на бреющем полете, стреляли из пушек и пулеметов, бросали бомбы. Народ прятался кто куда. Вскоре выяснилось, что железнодорожный путь разрушен и следующий поезд не сможет дойти до Пушкина. Дождавшись темноты, все двинулись к месту назначения.

Их разместили в бараках. Фронт был где-то близко: кругом виднелись зарева пожаров, доносилась перестрелка. Через головы летели дальнобойные снаряды (не наш ли район обстреливают? — думалось каждому). В небе то и дело вспыхивали воздушные бои. Трассирующими пулями был подожжен аэростат воздушного наблюдения, и он рухнул на землю. Наблюдатели спаслись на парашютах.

Сначала занимались разметкой трассы, затем начались земляные работы. Портову очень понравился бригадир — Иван Егорович Дедюлин (полотер из кинотеатра «Аврора»), «очень симпатичный и милый человек, замечательный мастер на все руки».

Работать было трудно. Обед удавалось приготовить не каждый день — в таком случае выдавали кипяток, сахарный песок и хлеб. Ели с удовольствием, макая ломоть в песок.

Первое время мины и снаряды рвались в стороне — стреляли, видимо, не в их бригаду. Сильно напугал однажды свой же товарищ: нашел капсюль, стукнул по нему лопатой, раздался взрыв. Все решили, что на трассу упал снаряд. Виновник был ранен. Вскоре появились новые раненые — уже в результате вражеского обстрела. Шальная мина разрушила кипятильник. Пришлось перейти на новое место работы.

Удивительно, как сдержанно описывает все это Портов! Непривычный к физическому труду, он очень уставал. Нервное напряжение было очень сильным. Но самое большее, что можно прочитать в дневнике, это фразы такого рода: «Усталость и

разбитость еще больше дают себя чувствовать. На трассе было сравнительно тихо. Ночью — три воздушные тревоги». У него не возникала мысль об освобождении от работ, о том, что его могли бы сменить раньше срока, и, когда кто-то из работающих попытался преждевременно уйти, он кратко отреагировал: «Противно».

Последние дни своей смены Портов с группой мужчин дорабатывал совсем недалеко от передовой. Им повезло. «По нам был открыт сильный огонь из минометов, но никто не был ранен, хотя мины рвались довольно близко: я чувствовал воздушную волну». А на следующий день, уже от товарищей, он узнал, что очередной обстрел оказался более прицельным: на трассе были убитые и раненые… — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

53

Соседка М. по коммунальной квартире на 5-й линии Васильевского острова, д. 10. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Коллеги М. по Филиалу. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

55

Скрипач БСО, доброволец, играл в военном оркестре. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

56

Хотя проводилась массовая мобилизация, власти города все же учитывали потребность в музыкантах, которые должны были выступать на мобилизационных пунктах, на вокзалах. Музыкальные подразделения имелись в армии (оказаться в них стремились многие призванные музыканты). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

57

Руководитель оркестра в кинотеатре «Форум». — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

58

Возможно, автор ошибся с датировкой, восстанавливая события по памяти. Согласно справке военного отдела ГК ВКП(б), «работа по отбору женщин медицинскими сестрами и сандружинницами в части армии народного ополчения, в истребительные батальоны, партизанские отряды и в части Ленфронта» началась с 30 июня 1941 г. (Ленинград в блокаде… С. 132–133). — /Комментарий А. С. Романова/.

59

«Большой объем работы, а также вскрывшиеся в первые же дни недостатки в организации учета военнообязанных, контроля за вручением повесток, нераспорядительность отдельных работников приводили в ряде случаев к затягиванию мобилизационной работы, нарушению сроков мобилизации» (*Дзенискевич А. Р. и др.* Непокоренный Ленинград… С. 33). — /Комментарий А. С. Романова/.

60

Орехов Павел Константинович — валторнист. Служил в Комендантском управлении. С весны 1942 г. прикомандирован к БСО. В автобиографическом эпизоде пьесы «Голос осажденного города» М. воспроизвел информацию, полученную от Орехова (по пьесе — Кедрова): «Он рассказал о беспорядочном отступлении многих воинских частей. О расстреле не сумевших удержать фронт генералов и полковников». — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

61

Для поддержания общего порядка и проверки документов у граждан органы милиции Ленинграда выделили специальные пешие и конные патрули. Вместе с милицией для решения этих задач работали и другие органы, в частности сформированный ГК ВЛКСМ комсомольский полк по охране революционного порядка (*Дзенискевич А. Р. и др.* Непокоренный Ленинград… С. 81–82). — /Комментарий А. С. Романова/.

62

Плетеная сдобная выпечка из дрожжевого теста. — / Комментарий А. С. Романова/.

63

Канкарович Анатолий Исаакович — дирижер, скрипач, музыкальный критик. Сотрудничал в Областной филармонии. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

64

«Культурное обслуживание» армии как своего рода знак признательности было в среде артистов давней традицией (существовала еще в годы Первой мировой войны). В данном случае речь идет о деятельности Областной филармонии. Ее коллективы включились в концертную жизнь осажденного города — обслуживали призывные пункты, госпиталя, выезжали с концертами в окрестности. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

65

О том, что собой представляла шефская работа, говорится в «Непокоренном Ленинграде»: «Каждая фабрика, завод, учреждение, институт, школа Ленинграда шефствовали над какой-либо частью. Они собирали для бойцов подарки, направляли в подшефные части свои делегации. Осенью 1941 г. ленинградский комсомол послал на фронт более 200 комсомольско-молодежных делегаций, которые вручили бойцам свыше 30 тыс. индивидуальных подарков» (*Дзенискевич А. Р. и др.* Непокоренный Ленинград… С. 172). Скорее всего, оркестр, в котором играл Л. Маргулис, шефствовал над частью ПВО, и их шефская работа заключалась в выступлениях перед бойцами. Далее в дневнике неоднократно упоминаются шефские концерты, в которых автор дневника принимал участие. — /Комментарий А. С. Романова/.

Противовоздушная оборона. — /Комментарий А. С. Романова/.

67

В июле на оборонных работах принимало участие до полумиллиона человек гражданского населения Ленинграда. Было построено около 700 км противотанковых рвов *(Богданов И. А.* Ленинградская блокада… С. 15). — /Комментарий А. С. Романова/.

Как отмечал в своем исследовании историк Н. А. Ломагин: «Проблема антисемитизма стала настолько серьезной, что заставила Жданова высказаться по этому вопросу 20 августа 1941 г. на ленинградском партактиве, посвященном задачам ВКП(б) в связи с обороной города. Было заявлено, что „… необходимо скрутить голову пятой колонне, которая пытается поднять ее, начинает шевелиться“, что необходимо „… решительно покончить с профашистской агитацией насчет евреев. Это конек врага: бей жидов, спасай Россию! Бей евреев и коммунистов!“» (Цит. по: *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. СПб., 2002. С. 243). — /Комментарий А. С. Романова/.

69

Коллега М. по Филиалу. Ушел на фронт добровольцем. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

70

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., в СССР был установлен 8-часовой рабочий день. http://www.defree.ru/publications/p01/p40.htm#0731 (01.08.2012). Право на введении обязательных сверхурочных работ «продолжительностью от 1 до 3 часов в день» было предоставлено «директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли» в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». http://his95.narod.ru/doc06/3.htm (01.08.2012). — /Комментарий А. С. Романова/.

71

Геронимус Александр Ефимович — пианист. Ушел на фронт добровольцем. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Похожие настроения на начальном этапе войны были достаточно распространены. Один из примеров подобных настроений привел в своих воспоминаниях главный механик Металлического завода Г. Кулагин: «Пожилой инженер дореволюционной школы, он говорит убежденно…: — А я так думаю, что сейчас наши им так всыплют, что через неделю все будет кончено… — Ну, за неделю, пожалуй, не кончишь: надо до Берлина дойти… Недели три-четыре понадобится, — вносит поправку кто-то из рабочих» (*Кулагин Г. А.* Дневник и память. О пережитом в годы блокады. Л., 1978. С. 17). — /Комментарий А. С. Романова/.

73

О подобных настроениях в конце лета 1941 г. писал Н. А. Ломагин: «В конце августа 1941 г. настроения населения продолжали ухудшаться. Заведующий отделом пропаганды и агитации Кировского РК ВКП(б) вспоминал, что в домохозяйствах района женщины открыто начали вести агитацию, заявляя, что „всем коммунистам скоро будет конец, что с приходом немцев они помогут уничтожить коммунистов“» (Цит. по: *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада… С. 243). — /Комментарий А. С. Романова/.

74

Летом 1941 г. в общей сложности в налетах на Ленинград участвовало 4600 самолетов, было объявлено 128 воздушных тревог. Но до 6 сентября все попытки немецкой авиации прорваться к Ленинграду были безрезультатны (*Буров А. В.* Блокада… С. 52). — /Комментарий А. С. Романова/.

Выпускник Консерватории, дирижер. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

76

Радиокомитет с довоенных лет располагал Большим симфоническим оркестром, который вел активную концертную деятельность. С началом войны, после эвакуации Филармонии, Кировского театра и других концертно-театральных учреждений, БСО остался единственным симфоническим коллективом высокого профессионального уровня. Вместе с городом он пережил блокаду и вошел в историю, подготовив в условиях вражеской осады исполнение Седьмой (Ленинградской) симфонии Д. Д. Шостаковича. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

77

Горелик Семен Борисович (Мотя) — музыкант, играл в театре, затем военнослужащий. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

В эти дни не до музыки стало даже былым ее почитателям. Потребовалось какое-то время, чтобы публика стала постепенно возвращаться в концертные залы. Лето и начало осени — период *наименьшей за всю войну* посещаемости культурных мероприятий. Балетоман Н. А. Кондратьев пришел в Кировский театр (коллектив завершал свой сезон). В дневнике он потом написал: «У меня не было настроения идти в театр… <…> Как-то странно звучала увертюра к „Дон-Кихоту“, казавшаяся холодной, случайно проникшей в зал, как проникает ветер в дымоход». В последних словах даже слышится раздражение. И позже, возвращаясь мысленно к началу войны, Кондратьев вновь повторил: «Странно звучала музыка в те дни». Сведения о музыкальных впечатлениях исчезли из его дневника, но лишь до конца сентября 41-го (Кабинет рукописей Российского института истории искусств. Ф. 85).

Еще несколько строк из воспоминаний артистки Театра музыкальной комедии Л. А. Колесниковой о начале войны: «Настроение тяжелое, томящее. И зрителей мало. Совсем мало, спектакли идут при полупустом зале — не до развлечений. А ведь недавно билеты доставали с трудом» (Музыка продолжала звучать. Л.: «Музыка», 1969. С. 102). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

79

Согласно постановлению правительства от 18.07.1941, основные продовольственные товары продавались по карточкам. По продовольственным карточкам продавали хлеб, крупу и макароны, мясо и рыбопродукты, жиры, сахар и кондитерские изделия (900 героических дней: Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л., 1966. С. 227). — /Комментарий А. С. Романова/.

Автор по привычке называет служебное помещение в доме жактом, хотя по постановлению ЦИК и СНК СССР «О сохранении жилищного хозяйства в городах» от 17 октября 1937 г. жакты упразднялись, а дома передавались местным советам и государственным предприятиям. http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssr6496.htm (01.08.2012). — /Комментарий А. С. Романова/.

81

Кинотеатр находился в здании Радиокомитета. Фасад здания выходит на ул. Ракова, 27 (Итальянскую). Боковая сторона на ул. Пролеткульта, д. 2 (Малую Садовую ул.). Ныне это здание принадлежит Дому радио, здесь располагается ОАО «Телерадиокомпания „Петербург“ (Радио „Петербург“)». — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

82

В июле — августе проводилась эвакуация некоторых учреждений, театров, научно-исследовательских институтов и т. д. Например, во второй половине августа на восток страны отправились коллективы театров, концертных организаций и художественных учебных заведений. В Пермь выехали Театр оперы и балета им. С. М. Кирова (Мариинский театр), в Новосибирск — Академический театр драмы им. А. С. Пушкина и Государственная филармония, в Киров — Большой драматический театр им. А. М. Горького, в Ташкент — Консерватория, в Оренбург — Малый оперный театр (*Дзенискевич А. Р. и др.* Непокоренный Ленинград… С. 95). — /Комментарий А. С. Романова/.

83

Филармония эвакуировалась 21 августа (*Буров А. В.* Блокада… С. 43). — /Комментарий А. С. Романова/.

84

С начала войны М. хотел эвакуироваться. Он искал учреждение, к которому смог бы примкнуть, но безрезультатно: безработный, «неорганизованный» житель не мог покинуть город. В то же время многие — в том числе люди из окружения М. — не хотели покидать город, уезжать в неизвестность.

В городе осталось много музыкантов: кто-то осознанно, кто-то вынужденно. Случалось, отправив сотрудника на оборонные работы, учреждение в срочном порядке эвакуировалось. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

85

Согласно хронике А. Бурова, Мариинский театр был эвакуирован 19 августа (*Буров А. В.* Блокада… С. 41). — /Комментарий А. С. Романова/.

86

Как отмечалось в отчете городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда, одной из особенностей первого периода эвакуации, продолжавшегося с 29 июня по 27 августа 1941 г., было нежелание населения эвакуироваться из Ленинграда (Ленинград в осаде… С. 301). По мнению профессора С. В. Ярова, «многое тогда оценивалось блокадниками по фронтовым меркам. Покинуть город означало, по их мнению, проявить трусость и подлость, а уехавшие иногда даже назывались дезертирами. Нежелание блокадников покидать город, возможно, в какой-то мере обуславливалось плохо скрываемым презрением к тем, кто стремился уехать» (*Яров С. В.* Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде 1941–1942 гг. СПб., 2011. С. 513–514). — / Комментарий А. С. Романова/.

87

Речь идет об институте «Гипрошахт», созданном в 1928 г. по решению Правительства СССР для разработки проектов строительства горнодобывающих предприятий. В настоящее время ОАО «Гипрошахт» расположен по адресу: набережная канала Грибоедова, 6/2. http://www.gpsh.ru/company/history.html (01.08.2012). — /Комментарий А. С. Романова/.

88

Имеется в виду Управление по делам искусств Исполкома Ленгорсовета. Его начальником длительное время был *Б. И. Загурский.* — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

89

Мерович Адольф Бернгардович — пианист-ассамблист, профессор Консерватории. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

90

Ратнер Михаил Исаакович — виолончелист. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

91

Кессельман Б. С. — пианист, преподаватель Консерватории. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

92

Лев Георгий Абрамович — пианист, сотрудник Управления по делам искусств. В 1943 г. погиб на фронте. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

93

Тарасенко Г. Я. — директор Малого оперного театра. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

Сотрудник Малого оперного театра. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

95

Для оформления эвакуационных документов необходимо было сдать продовольственные и промтоварные карточки. Владельцы стремились предварительно «отоварить» их, то есть использовать все талоны и сдать лишь корешки карточек. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

96

Промтоварные, как и продовольственные, карточки были введены с 18 июля 1941 г. На них населению продавали хлопчатобумажные ткани, кожаную и резиновую обувь, мыло, швейные товары. В карточке было определенное количество купонов, которые вырезались при продаже товара. Например, для рабочих и ИТР в промтоварной карточке было 120 купонов; при покупке брюк или шерстяной юбки вырезалось 40 купонов, полотенца — 5 купонов (Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. Л., 1942. С. 191–192). — /Комментарий А. С. Романова/.

Т. е. представители администрации, партийной и профсоюзной организаций. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

98

Юфит Яков Самойлович — артист оркестра Малого оперного театра, ушел на фронт добровольцем. С осени 1943 г. в БСО. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

99

Данскер Исаак Матвеевич — гобоист, до 1941 г. солист оркестра Кировского театра, с 1943 г. солист оркестра Свердловской филармонии. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

100

«13 сентября 1941 г. УНКВД ЛО в спецсообщении, адресованном Военному Совету Ленфронта, упомянуло о проявлениях антисемитизма. Участники одной из раскрытых организаций рассылали „в адреса еврейского населения письма погромного характера“, а инициаторы создания в домохозяйствах города „Домовых комитетов“ намеревались собирать сведения о проживавших в домах коммунистах, комсомольцах и евреях, чтобы в случае занятия немцами Ленинграда передать им эти сведения» (*Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада… С. 251). — / Комментарий А. С. Романова/.

101

Сотрудник Областной филармонии. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

102

Администратор Областной филармонии. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

103

Таким уменьшительным именем ленинградцы традиционно называли Александринский театр (с 1920 г. по 1990 г. — Государственный академический театр драмы им. А. С. Пушкина). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Сотрудник Областной филармонии. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

105

Директор Областной филармонии. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

106

В 1941 г. директор Областной филармонии. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

107

Сотрудница Областной филармонии. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

108

Руководитель концертной бригады в Областной филармонии. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

109

Сотрудник Областной филармонии. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

110

Театр юного зрителя с 1922 г. по 1962 г. занимал здание бывшего Тенишевского училища на Моховой улице, д. 33–35. Сейчас расположен по адресу: Пионерская пл., д. 1. Носит имя А. А. Брянцева. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

111

Кларнетист, работал в ТЮЗе. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

112

Ерманок Соломон Леонтьевич (Моня) — скрипач, работал в БСО и в ТЮЗе. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

113

Вероятно, имеется в виду Областной театр оперетты, который в начале блокады был переименован в Ленинградский театр оперетты и давал спектакли в помещении Дома культуры им. Первой пятилетки. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

114

Один из руководителей театра оперетты. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

115

Райцын А. М. — пианист в Областной филармонии. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

116

В одном из блокадных дневников читаем: «Выселяют из Ленинграда всех поляков, финнов, эстонцев, латышей и немцев. Выселяют в 24 часа. Довозят на казенный счет до Званки (с 1940 г. г. Волховстрой. — *А.К.*), а оттуда — куда хочешь» (из частного собрания). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

117

О выселении из города писал Н. А. Ломагин: «В спешном порядке в конце августа 1941 г. в городе было произведено „изъятие контрреволюционного элемента“. Кроме того, в результате трех массовых облав с целью выявления дезертиров и лиц без прописки в Ленинграде и пригородах в период с 26 августа по 5 сентября 1941 г. было задержано 7328 человек. Таким образом, к моменту блокады в городе с населением в 2 457 608 человек не должно было остаться политически неблагонадежных лиц» (*Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада… С. 248). — /Комментарий А. С. Романова/.

118

Имеется в виду Управление Северо-Западного речного пароходства. Одно из ведущих транспортных объединений в системе речного флота СССР. Находится по адресу: Большая Морская ул., 37 (с 1918 по 1993 г. — ул. Герцена) (Ленинград. Адресно-справочная книга. Л., 1940. С. 257). — /Комментарий А. С. Романова/.

119

Концертно-эстрадный коллектив Областной филармонии был переправлен за блокадное кольцо в течение января-февраля 1942 г. Выехали три бригады (55 человек). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

120

Из всех учреждений, в которые пытался устроиться на работу М., ТЮЗ для него оказался относительно стабильным, М. проработал в нем до декабря. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

121

Ленинградец-фронтовик вспоминал события, развернувшиеся вскоре с участием сибирского подкрепления. Группа этих войск включилась, как свидетельствует автор, «в одну из кровопролитнейших битв Ленинградского фронта» среди лесов и болот у полустанка Погостье. Необходимо было перевалить через железнодорожное полотно, однако участок простреливался врагом, и столь интенсивно, что его назвали долиной смерти. «Ползем туда вдесятером, а обратно вдвоем, и хорошо, если не раненые». Убитые лежали вдоль насыпи слоями. Один из слоев составляли «сибиряки в полушубках и валенках, шедшие в атаку в январе-феврале сорок второго». Перевалить через насыпь и продвинуться в конце концов удалось, однако главная задача — прорыв блокады Ленинграда — выполнена не была (*Никулин Н. Н.* Воспоминания о войне. СПб., 2008. С. 55–56). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

122

Распространенный слух, ходивший в блокадном Ленинграде. Из воспоминаний блокадника: «Говорили о том, что кто-то из знакомых слышал от какого-то незнакомца, что к Ленинграду двинута Сибирская армия, которая должна прорвать блокаду не сегодня, так завтра, во всяком случае, на днях…» (Голоса из блокады. СПб., 1996. С. 363). «В первые недели осады Ленинграда ходило много слухов о том, что на прорыв блокады идет 54-я армия под командованием известного генерала Г. И. Кулика, — вспоминает В. В. Васильев. — Только и было разговору: „Кулик идет! К нам на прорыв блокады, блокада будет прорвана! Кулик выручит“. Однако Кулик промедлил с наступлением, а немцы значительно укрепили место прорыва, и все атаки наших войск были отбиты. Вскоре ленинградцы стали говорить, что „Кулик застрял в болоте“» (*Васильев В. В.* Блокада — далекая и близкая: воспоминания участника обороны Ленинграда. СПб., 1993. С. 24, 25). — /Комментарий А. С. Романова/.

123

Передовые части противника были в 4–5 км от Колпина. Но полного окружения города еще не было. Муки оставалось на 17 дней, крупы — на 29, рыбы — на 16, мяса — на 25, масла животного — на 28 дней. 30 августа врагом была захвачена Мга, железнодорожная связь со страной прервалась. С захватом Ивановского была перерезана шоссейная дорога (*Буров А. В.* Блокада… С. 46, 48). Окончательно Ленинград оказался в блокаде 8 сентября, с потерей Шлиссельбурга. — /Комментарий А. С. Романова/.

Черкасова Ольга Михайловна — артистка ТЮЗа. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

125

ТЮЗ продолжал работать, давал спектакли. Из артистов были созданы агитбригады, выступавшие в воинских частях и в городе, и за его пределами. Программы были разнообразны. В них входили и музыкальные номера — был певец-солист, исполнявший песни советских композиторов, певица пела жанровые песенки, балетная пара демонстрировала молдавский и цыганский танцы, исполнялся также русский танец-лубок. В конце августа был организован квартет.

На шефских концертах всегда остро стояла проблема аккомпанемента. Найти солиста было не сложно, но кто будет сопровождать его, а в случае надобности выступит и самостоятельно? Неизменным участником концертов академического толка был рояль. Но рояль или пианино в воинскую часть не повезешь. Квартет — ансамбль четырех инструментов (две скрипки, альт и виолончель) — представлял собой оптимальный вариант. Он использовался в концертных бригадах многих организаций города.

В новый квартет, помимо М., вошли С. Л. Ерманок, В. И. Шер и Л. Е. Шифман. Это были хорошие, как говорят, «крепкие» музыканты. Шер в 1920-е гг. был солистом Петроградской филармонии, играл в квартете имени Л. Ауэра. В отчете ТЮЗа конца ноября 1941 г. указано, что квартет исполнял классические произведения и советскую музыку и выступил пятьдесят четыре раза (см. Музыка в дни блокады: Хроника. СПб., 2002. С. 65). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

126

Брянцев Александр Александрович (1883–1961) — актер, режиссер, педагог, основатель и первый руководитель первого в стране театра для детей (ТЮЗа). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

127

Площадь Труда была одной из зон, подвергавшихся наиболее интенсивным артиллерийским ударам немецкой артиллерии, стоявшей от нее лишь в 13–14 км. На Неве, у площади Труда, стояли боевые корабли Балтийского флота, отсюда они вели огонь по вражеским позициям у южных рубежей Ленинграда (*Канн П. Я.* Площадь Труда. Л., 1981. С. 100). — /Комментарий А. С. Романова/.

128

«Ленинград обстреливался дальнобойной артиллерией с целью разрушения военных объектов и жилых кварталов, электростанций, водопровода, памятников архитектуры и пр. с 4 сентября 1941 г. по 22 января 1944. <…> Всего за этот период огонь по городу вели 44 орудия калибра 203–305 мм и 8 орудий калибра 420–800 мм. <…> С 4 сентября по 30 ноября 1941 г. город обстреливался 272 раза общей продолжительностью 430 часов» (*Богданов И. А.* Ленинградская блокада… С. 102–103). — /Комментарий А. С. Романова/.

129

Имеется в виду Николаевский дворец, построенный в 1853–1861 гг. как трехэтажная резиденция великого князя Николая Николаевича. После революции был передан Петроградскому совету профсоюзов и получил название Дворец Труда. — /Комментарий А. С. Романова/.

130

Первая бомбардировка Ленинграда была 6 сентября 1941 г. Но массированная бомбардировка города 8 сентября произвела на ленинградцев гораздо более сильное впечатление. Профессор М. М. Кольцова, работавшая тогда врачом в детской больнице на Васильевском острове, пишет, что «тогда казалось, что вокруг все рушилось и громыхало. Выли сирены… Каждому из нас казалось, что это именно около него рушится мир, настал конец света». На город было сброшено свыше 6000 зажигательных и 48 фугасных бомб (Цит. по: *Ковальчук В. М.* 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. СПб., 2005. С. 67). — /Комментарий А. С. Романова/.

131

Эвакуация населения водным путем осуществлялась с июля 1941 г. до начала блокады в сентябре 1941 г. Эвакуировали на баржах по Неве, Ладожскому озеру, Свири, Онежскому и Белому озерам, Рыбинскому водохранилищу (*Богданов И. А.* Ленинградская блокада… С. 309). Водным транспортом было эвакуировано 33 479 человек (Ленинград в осаде… С. 301). — /Комментарий А. С. Романова/.

132

Первое снижение продовольственных норм в Ленинграде произошло 2 сентября. Рабочие и инженерно-технические работники стали получать 600 гр. хлеба в день вместо 800, служащие — 400 вместо 600, иждивенцы и дети — 300 вместо 400 гр. С И сентября были установлены новые нормы продажи продовольственных товаров по карточкам: хлеба (в день) — рабочим и ИТР — 500 гр., служащим — 300 гр., иждивенцам — 250 гр., детям до 12 лет — 300 гр. Хлебовыпекающие организации были обязаны использовать при выпечке хлеба в качестве примеси ячменную, овсяную, соевую и солодовую муку (Ленинград в осаде… С. 187). Продажа хлеба производилась ежедневно (речь идет о начале осени. — *А.Р.*), и покупатель имел право получить свой паек на один день вперед, однако отпускать хлеб за прошедший день запрещалось (*Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде. М., 1969. С. 118). — /Комментарий А. С. Романова/.

133

Такое странное заявление вполне понятно. Наступил период интенсивнейших бомбежек города. Сирены, возвещавшие о приближении вражеской авиации, отвратительно выли по несколько раз в день. Звуки чрезвычайно угнетающе действовали на психику жителей, уверенный гул чужих самолетов означал, что сейчас начнут падать бомбы (впрочем, случалось и так: сначала рвались бомбы, а потом звучал сигнал воздушной тревоги). Люди устремлялись в укрытия, нередко сидели там часами. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

134

«В этот день город шесть раз подвергался воздушным налетам. Первый начался в 8.14, последний — в 23.00. На город было сброшено 528 фугасных и 1435 зажигательных бомб, выпустили 497 снарядов» (*Ковальчук В. М.* 900 дней блокады… С. 69). — /Комментарий А. С. Романова/.

В домах, где не было укрытия, вставали под лестницей, — считалось, что если рухнут этажи, то лестница может устоять.

В дополнение к тому, о чем рассказывает М., приведу несколько строк из собственного блокадного дневничка (откуда я брал цифровые данные — не помню).

> «**30 сентября.** Последнее время тревоги стали очень часто. Только что ходили в бомбоубежище. С начала войны было 177 тревог (это слово приобрело новый смысл и однозначно понималось как начавшийся авианалет. — А.К).
>
> **4 октября.** Ночь со вчера на сегодня прошла очень плохо. Первая тревога началась в 8 часов вечера, кончилась в 11 часов. Были сброшены бомбы. Через час снова завыла сирена, пришлось встать и пойти в убежище. После отбоя пришли домой, не успели заснуть — опять тревога. Мы спустились вниз и провели там остаток ночи. <…> Всю ночь сыпали бомбы, и мы за ночь спали часа три с половиной — четыре, но зато выспались утром.
>
> **6 октября.** Спокойно спали до 2-х часов, а остаток ночи провели в бомбоубежище. Сегодня вечером понесем в бомбоубежище походную кровать, а то на доске шириной в полметра очень трудно заснуть. Если ночи будут такие же, то будет очень тяжело. Многие этого не вынесут.
>
> **7 октября.** Сегодня мы побили рекорд: самая длинная тревога в Москве продолжалась пять часов, а у нас шесть часов тридцать минут — с 20 минут 8-го до 2-х часов. Еле высидели в убежище: горела одна лампочка и было очень душно».

До сих пор я помню отдельные эпизоды. При каждом толчке (упала бомба) и взрыве соседка хваталась за голову и вскрикивала. В дальнем конце убежища находился лаз, напоминавший о том, что рухнувшее от бомбы здание может нас засыпать, и тогда, чтобы выбраться или — спасателям — подобраться к нам, он окажется необходим. Помню момент паники, вспыхнувшей при близком взрыве, когда дом заходил ходуном: все вскочили и почему-то бросились к двери. Громкий голос дежурного «осадил» толпу.

Одной из жертв того налета был Кировский театр. Бомба «взломала» его правое крыло, обнажив внутренности. Были убитые и раненые. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

136

Осколки зенитных снарядов представляли реальную опасность для людей, находившихся на улице. Подчас достаточно крупные, они падали с большой высоты и могли не только травмировать, но и убить. Мальчишки собирали их и потом сравнивали, у кого крупней. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

137

Это была типичная ситуация. После спектакля «Летучая мышь» в Театре музкомедии поэтесса В. Инбер записала: «В антракте между первым и вторым действиями началась воздушная тревога. В фойе вышел администратор и тем же тоном, каким, вероятно, сообщал о замене исполнителя по болезни, внятно произнес: „Просьба гражданам встать как можно ближе к стенам, поскольку здесь (он указал рукой на громадный пролет потолка) нет перекрытий“. Мы повиновались и стояли у стен минут сорок. Где-то вдали били зенитки. После отбоя спектакль продолжался, хотя и в убыстренном темпе: были опущены второстепенные арии и дуэты» (*Инбер В.* Собр. Соч. М., 1965. Т. 3. С. 141). С началом интенсивных бомбежек публику из Театра музкомедии стали переводить в находившееся рядом бомбоубежище Филармонии. И в других театрах при объявлении тревоги зрителей уводили в укрытия. Случалось, там же доигрывали спектакль или «досказывали» его содержание. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

138

Речь идет о Ленинградском металлическом заводе им. И. В. Сталина. Был основан в 1857 г. До 1918 г. — Санкт-Петербургский металлический завод; с 1918 по 1924 г. — Петроградский металлический завод; 1924–1930 гг. — Ленинградский металлический завод крупного машиностроения; 1930–1933 гг. — Государственный завод-втуз им. Сталина. 1933–1939 гг. — ЛМЗ им. Сталина; 1939–1944 гг. — завод № 371 им. Сталина; 1944–1962 гг. — ЛМЗ им. Сталина; 1962 г. — ЛМЗ им. XXII съезда КПСС. Завод занимается проектированием, изготовлением и сервисным обслуживанием паровых, гидравлических и газовых турбин. С 2000 г. — филиал ОАО «Силовые машины». Историческое здание расположено на Свердловской набережной, 18. http://www.city-walls.ru/house8350.html (01.08.2012). — /Комментарий А. С. Романова/.

139

Сокращение от «политический руководитель»; заместитель командира по политической части. Политрук вел политико-воспитательную работу среди солдат воинских соединений численностью до роты. — /Комментарий А. С. Романова/.

140

«Авиагородок — местность в южной части Ленинграда, между Пулковскими высотами на юге и линией Окружной ж.д. на севере. На западе ограничена ж.-д. линией Ленинград — Псков. Строительство Авиагородка началось в 1931 г. К лету 1941 г. были построены аэродром и аэровокзал, несколько жилых домов, школа, магазин и медпункт. В годы Великой Отечественной войны большинство построек было разрушено. В 1972 г. в южной части Авиагородка построен аэровокзал „Пулково“», http://www.peterlife.ru/travel/saint-petersburg/petersburg-0723.html (01.08.2012). — /Комментарий А. С. Романова/.

141

Кунтышев Константин Сергеевич — артист ТЮЗа. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

142

Пенюгалов Георгий Пантелеймонович — артист ТЮЗа. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

143

Правильное название — Большеохтинский мост. Соединяет центр города с районом Малая Охта. — /Комментарий А. С. Романова/.

144

В «Инструкции по обезвреживанию и уничтожению неразорвавшихся немецких авиационных бомб», изданной Главным Управлением МПВО НКВД СССР, отмечалось, что немцы сбрасывали в кассетах (по 36–1000 шт.) килограммовые электронно-термитные зажигательные бомбы, а также двухкилограммовые осколочные бомбы (в кассетах по 28 шт.). http://pirotek.info/Fail/obezvrnemeckixbomb.htm (01.08.2012). — / Комментарий А. С. Романова/.

145

Широко применявшийся метод: освещенный зажигательными бомбами объект позволял точнее бросить фугасный «гостинец». Разрушить Охтинский мост врагу не удалось. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

146

Волкова Татьяна Сергеевна — артистка. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

147

См. примечание 3 к с. 50 /В файле — см. ниже комментарий А. С. Романова № 156 — *прим. верст.*/. — /Комментарий А. С. Романова/.

148

Похожее восприятие опасности ленинградцами можно найти и в других воспоминаниях блокадников. Так, Л. Г. Охапкина вспоминала: «Тревоги и воздушные налеты продолжались, и я с детьми бегала в подвал, где было устроено бомбоубежище. Но потом перестала туда ходить, так как убедилась, что если случится прямое попадание, то все равно не спастись. И потом тревоги начинались больше вечером, часов в 8–10, дети уже спали, и их трудно было собрать. Толик спал одетым, как и я, даже в зимнем пальто, в ботинках. Его трудно было поднять. Один раз я его будила, чтобы скорей бежать. Он только что заснул и не хотел вставать и сквозь слезы говорил: „Не пойду я, пусть меня сонного убьют, мне будет не больно. Не хочу я, не хочу никуда“. Мне слышать это было невыносимо… С тех пор я перестала ходить в подвал» (Цит. по: *Адамович А. Гранин Д.* Блокадная книга. М., 1982. С. 254). — /Комментарий А. С. Романова/.

149

Схожую информацию о предельной массе разрешенного к вывозу можно видеть в дневнике Н. П. Горшкова в записи за 15 февраля 1942 г.: «В городе идет массовая эвакуация населения. Не занятые работой люди, домохозяйки, жены военнослужащих и все уволившиеся с работы могут записаться на эвакуацию в местных райсоветах в особых комиссиях и выехать из города с багажом 35 кг на человека» (Блокадные дневники и документы. СПб., 2007. С. 71). — /Комментарий А. С. Романова/.

150

Дом Красной армии (ДКА) был главным организатором культурной жизни армии, располагал коллективами и бригадами, выступавшими в воинских частях (самый известный из них — ансамбль, в котором пела Клавдия Шульженко. М., выступавший перед бойцами с первых дней войны, состоял на учете в ДКА). Располагался по адресу: Литейный пр., д. 20 (в настоящее время Дом офицеров). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

151

Кильпио Борис Николаевич — заместитель директора ТЮЗа. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

152

То есть освободили от мобилизации. Вероятно, сыграло роль активное участие М. в шефских концертах и ходатайства солидных организаций: сначала Кировского театра, ДКА, позже — Радиокомитета. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

153

А. В. Буров в своей хронике также не упоминает о бомбардировках Ленинграда с 18 по 28 октября (*Буров А. В.* Блокада… С. 76–80). — /Комментарий А. С. Романова/.

154

Согласно сводке штаба МПВО Ленинграда о результатах воздушных нападений и артиллерийских обстрелов с 4 сентября 1941 г. по 1 марта 1942 г., «…интенсивность артиллерийского огня беспрерывно увеличивалась и от 550 снарядов в первой половине сентября дошла до 2859 снарядов во второй половине ноября. Несколько снизилась интенсивность артиллерийского огня в период с декабря 1941 г. по 15 февраля 1942 г. и с этого времени снова значительно повысилась. <…> В октябре — ноябре противник интенсивно обстреливал густонаселенные центральные районы — Октябрьский, Куйбышевский, Фрунзенский и Дзержинский» (Ленинград в осаде… С. 373–374). — /Комментарий А. С. Романова/.

155

7 ноября ежегодно торжественно отмечался день Октябрьской революции. Неприятель «отмечал» подобные общегосударственные праздники усилением огневых налетов. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

156

Как отмечал в своем исследовании С. В. Яров, «угасание эмоций можно отметить в самых разных блокадных эпизодах, но, пожалуй, наиболее характерным было безразличие к бомбежкам. Первые обстрелы в начале сентября 1941 года вызвали бурный отклик в Ленинграде. Горожане без всяких отговорок шли в бомбоубежище, пытались узнать, сколько людей пострадало и какие дома разрушены. Потом бомбежки стали частью повседневности, и месяц спустя, в октябре 1941 г., в дневнике инженера В. Кулябко мы встречаем такую запись: „…Сейчас… мало интересует, где разбомбило, сколько жертв. Ко всему привыкают, даже к ужасу“. Безразличие явилось следствием крайнего истощения и усталости, где-то было и способом самосохранения» (*Яров С. В.* Блокадная этика… С. 19, 21). — /Комментарий А. С. Романова/.

157

Поселок городского типа в Ленинградской области, был подчинен Колпинскому райсовету. Ныне муниципальный округ в составе Колпинского района. — /Комментарий А. С. Романова/.

158

Английский пр., с 1918 по 1994 г. пр. Маклина. — / Комментарий А. С. Романова/.

159

В доме № 38 по Моховой улице с 1824 г. размещалась Глазная больница. В разные годы в здании размещалась Санкт-Петербургская глазная лечебница, Ленинградский государственный научно-исследовательский институт глазных болезней им. Л. Л. Гиршмана со стационаром для больных, Ленинградская городская глазная больница № 7 и кафедра офтальмологии ГИДУВа им. С. М. Кирова. С 1997 года здание глазной лечебницы на Моховой, 38, занимает Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Диагностический центр № 7» (глазной) для взрослого и детского населения, http://mohovaya38.ru/about/ (01.08.2012). — /Комментарий А. С. Романова/.

160

На полуострове Ханко располагалась военно-морская база. С первого дня войны она подвергалась вражеским атакам. Гарнизон героически оборонялся несколько месяцев. Осенью, после того как был оставлен Таллинн, стратегическая обстановка в этом районе Финского залива изменилась, к тому же начинался ледостав. Последовал приказ об эвакуации. Она проводилась с 26 октября по 2 декабря в исключительно тяжелых условиях. После войны в честь защитников Ханко в Ленинграде была установлена памятная доска. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

161

Оборона полуострова Ханко (Гангут) длилась с 1 июля по декабрь 1941 г. По приказу командования последние его защитники покинули базу 2 декабря вместе с вооружением, техникой и запасом продовольствия (Ленинград в осаде… С. 601). — /Комментарий А. С. Романова/.

162

На протяжении всей блокады и перед рядовыми жителями, и перед руководителями всех рангов, вплоть до самых высоких, стоял вопрос: как соотнести военную действительность с довоенными устремлениями, сохранявшимися в людях, с традиционной тягой к культуре, искусству. Сталкивались разные точки зрения. Сформировались две тенденции: 1) с учетом обстановки все же содействовать этим устремлениям; 2) ввиду непредсказуемости обстановки сдерживать такого рода инициативы.

Благодаря первой тенденции пульс культурной жизни продолжал биться. Самое яркое свидетельство тому — исполнение Седьмой симфонии Шостаковича. В то же время известны и трагические случаи. Одна из агитбригад готовилась выступить в помещении клуба стрелкового полка. Военнослужащие стремились заранее попасть в зал, но дневальный никого не пускал, ожидая приказа командира. Начался обстрел. На территории части разорвалось шесть снарядов, один из них — в помещении клуба. Был убит руководитель агитбригады, а также дневальный. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

163

Здание театра им. Пушкина в те дни было заселено деятелями искусства. Здесь они находились в большей безопасности (массивная постройка, к тому же укрепленная, была способна противостоять артиллерийским обстрелам), в относительно благоприятных бытовых условиях (поступали вода, электроэнергия). Имелось надежное бомбоубежище. Им могли пользоваться и посторонние. Те, кто не рисковали после работы из центра отправляться домой, проводили здесь ночи. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

164

«Интересен был блокадный язык и новые его запреты. Никто не говорил „фашист“, „немец“, „враг“, а говорили „он“. Например: „Что-то нынче он затих“, „Опять он завел“, „Он свое время знает“» (*Гречина О.* Спасаюсь, спасая // Нева. 1994. № 1. С. 251). — /Комментарий А. С. Романова/.

165

В одной из сброшенных на города немецких листовок были такие слова: «Седьмого будем вас бомбить, восьмого будете хоронить». Но советская авиация уже 6-го ноября нанесла массированный удар по вражеским аэродромам, сорвав предполагавшийся налет на Ленинград (*Буров А. В.* Блокада… С. 86). По всей вероятности, поэтому автор и пишет, что бомбежек не было. — /Комментарий А. С. Романова/.

166

Крупнейший кинотеатр Ленинграда. Был построен в 1934–1936 гг. На момент постройки был самым большим кинотеатром города. В настоящее время в здании находятся казино «Конти» и «Гигант-Холл». Здание расположено по адресу: Кондратьевский проспект, 44. http://www.citywalls.ru/house6976.html (01.08.2012). — /Комментарий А. С. Романова/.

167

«С 20 ноября рабочие стали получать в сутки 250 граммов хлеба, служащие, иждивенцы и дети — 125 <…>. Теперь суточный расход муки (вместе с примесями) составлял 510 тонн, то есть был самым минимальным за все время блокады. <…> Хлеб был почти единственным продуктом питания в это время. Урезка пайка за короткий срок более чем на одну треть пагубно сказалась на здоровье людей. Рабочие, служащие и особенно иждивенцы стали испытывать острый голод. Мужчины и женщины на глазах друг у друга блекли, передвигались медленно, говорили тихо, их внутренние органы разрушались» (*Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде. С. 174–175). Это было начало массовых смертей от голода — «смертного времени». — /Комментарий А. С. Романова/.

168

Схожее восприятие артобстрелов можно найти в строках письма В. Мальцова М. Д. Мальцову 15 декабря 1941 г.: «По радио объявили артиллерийскую тревогу. Это все так знакомо, что не производит впечатления. Обыкновенное дело. Даже разбитый дом, мимо которого ты прошел, обычен» (Цит. по: *Яров С. В.* Блокадная этика… С. 19). — /Комментарий А. С. Романова/.

169

Ленинградский Дом Красной армии им. С. М. Кирова (далее в тексте — ДКА). Был создан в 1918 г. как клуб для военнослужащих. Разместился в здании Офицерского собрания Армии и Флота, построенного в 1895–1898 гг. Ныне Окружной Дом Офицеров имени С. М. Кирова, расположен по адресу: Литейный проспект, 20. http://pangorod.ru/maps/posmotret-gorod/okruzhnoi-dom-oficerov-inieni-s-m-kirova.html (01.08.2012). — / Комментарий А. С. Романова/.

170

Возможно, знакомая (родственница?) М. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

171

Административное лицо в ТЮЗе. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

172

Как отмечалось в разделе «Похоронное дело» отчета городского управления предприятиями коммунального обслуживания за год войны с июня 1941 г. по июль 1942 г.: «Далеко не удовлетворялся и не мог быть удовлетворен спрос населения на гробы. Население вынуждено было прибегать к частным способам изготовления гробов, чем воспользовались спекулянты и мародеры, требовавшие от заказчика хлеб… а те, кто не имел хлеба для уплаты за изготовление гроба, или сами сколачивали ящик из дверей, старых досок, фанеры, или просто труп покойника зашивали в простынь, одеяло (куклой). Этот последний способ, как самый легкий и простой, особенно широко применялся. Только в одиночных случаях населению удавалось воспользоваться транспортом учреждений и предприятий для транспортировки покойников на кладбища, а в основном покойники транспортировались на саночках, ручных тележках, детских колясках, на листах фанеры и т. д. По городу двигалось множество своеобразных похоронных процессий…» (Ленинград в осаде… С. 324). — /Комментарий А. С. Романова/.

173

Это первый покойник, отмеченный в дневнике. Пока сторонний. Вскоре появятся другие, уже поблизости, знакомые. Люди вокруг поразительно изменились — сохли от голода и опухали от избытка воды, которой они пытались заглушить голод. Итог, как правило, был один. Историки до сих пор спорят о том, сколько людей погибло в блокаду. Одни говорят — около миллиона, другие — более миллиона. Вряд ли можно установить истину. Тем не менее бесспорно доказано, что подавляющее большинство из них умерло первой блокадной зимой и были жертвами голода. Бомбы и снаряды принесли меньший урон. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

174

Горлов Петр Петрович — драматург. Умер в эвакуации. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Сотрудник ТЮЗа. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

176

Шоколад в те дни можно было получить по карточкам вместо сахара. В моих блокадных бумагах хранится записка: «Мама, можно я съем кусочек шоколадки?» Когда я показывал ее кому-нибудь, случалось, мой собеседник говорил: «Какой же это голод, если у вас был шоколад?!» Приходилось разъяснять, что общее количество пищи было ничтожно и продолжало стремительно уменьшаться. Словно предвидя подобные расспросы, на той же записке моим детским почерком пояснено: «Я был очень голоден». — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

177

Шоколад был большой ценностью в блокадном Ленинграде и большой редкостью. Блокадник В. Я. Айнбиндер рассказывал: «В ноябре 1941 года мать выменяла у того-то летчика за швейцарские золотые часы несколько плиток трофейного шоколада (кажется, немецкого). И каждый день мы с сестрой (мне шел седьмой год, сестре — одиннадцатый) получали по квадратику…» В декабре 1941 г. стограммовую плитку шоколада «Спорт» можно было купить за 130–160 руб., одну шоколадную конфету — за 5 руб. (Цит. по: *Богданов И. А.* Ленинградская блокада… С. 290). — /Комментарий А. С. Романова/.

178

«Эгмонт» — трагедия И.-В. Гёте. Л. ван Бетховен написал к ней увертюру и несколько музыкальных номеров. Как можно понять из дальнейшего, Л. Ф. Макарьев (он был одним из создателей ТЮЗа, а затем руководил его студией) хотел подготовить литературно-музыкальную композицию, используя героические страницы произведений поэта и композитора. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

179

Построено в 1902–1904 гг. как здание для немецкой фирмы по производству швейных машинок «Зингер». После Октябрьской революции здание было предоставлено в распоряжение Петрогосиздата. Два нижних этажа передали Дому книги, а на остальных разместились редакции различных журналов. 19 декабря 1919 г. магазин открылся. В настоящее время — Санкт-Петербургский Дом книги. Расположен по адресу: Невский проспект, 28. http://www.spbdk.ru/zinger/ (01.08.2012). — / Комментарий А. С. Романова/.

180

Наличие горячей воды в банях в то время было редкостью, было немало противоположных словам М. свидетельств. Так, 22 ноября 1941 г. мемуарист А. А. Грязнов записал в дневнике: «… пошел в баню на 2-ю Советскую: поганенькая, грязная, тесная, но так как в городе с движением транспорта — трамвая и троллейбуса, обстоит плохо за отсутствием топлива, то пришлось остаться и мыться, причем холодной водой, и только перед самым концом пошла вода потеплее» *(Грязнов А. А.* Дневник 1941–1942 // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 48). — /Комментарий А. С. Романова/.

181

Охитина Александра Алексеевна — актриса ТЮЗа. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

182

О подобном способе эвакуации упоминается и в других источниках. «Было получено указание райкома партии об организации людей для отправки на ту сторону Ладожского озера пешим порядком, т. е. эвакуировать людей на Большую землю пешком, через Ладожское озеро. Составляются списки на массовый уход, но одновременно с этим есть и второе указание, что люди пойдут не пешком, а поедут на машинах», — вспоминал в апреле 1944 г. заместитель директора завода им. Молотова Г. Я. Соколов (Стенограмма Сообщения Г. Я. Соколова. НИА СПбИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 117. Л. 3). Всего походным порядком через Ладожское озеро и неорганизованно автотранспортом с конца декабря 1941 г. по 22 января 1942 г. было эвакуировано 36 118 человек (Ленинград в осаде… С. 302). — /Комментарий А. С. Романова/.

183

В 1941–1942 гг. в гостинице находился эвакогоспиталь № 911, где прошли лечение более 4000 раненых. В настоящее время — гранд-отель «Европа». Адрес: Невский пр., 36 / ул. Михайловская, 1 / Итальянская ул., 7. — /Комментарий А. С. Романова/.

Хряков Михаил Константинович — член бригады ТЮЗа. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

185

Люди слабели, и даже такие сравнительно небольшие музыкальные инструменты, как скрипка или альт, становились тяжелой ношей. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

186

Курлянд Виктор — музыкант, приятель М. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

187

Несколькими днями ранее в тех же местах оказался композитор Л. Портов. «Зашел к букинисту, — пишет он. — Только начал рыться в книгах, как объявили воздушную тревогу. Всех попросили выйти. Я ожидал под аркой Гостиного двора. Здесь меня довольно сильно подбросило и оглушило близким разрывом бомбы. Многие большие зеркальные стекла в окнах магазинов выскочили, в том числе одно около меня» (Музыка продолжала звучать. С. 233). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

188

«С начала войны повсеместно стали создаваться новые группы самозащиты в домохозяйствах, расширяться и укрепляться старые. В группы самозащиты привлекалось население по месту жительства: рабочие, служащие, домашние хозяйки. Группа самозащиты состояла из нескольких звеньев: пожарное, медико-санитарное, химическое, связи и т. д. <…> 4 сентября 1941 г. в более чем трех с половиной тысячах групп самозащиты состояло свыше 120 тыс. ленинградцев» (*Дзенискевич А. Р. и др.* Непокоренный Ленинград… С. 75). — /Комментарий А. С. Романова/.

189

Хейф Р. И. — композитор. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

190

Сотрудник Областной филармонии. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

191

Запольский Виталий Васильевич — композитор. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

192

В здании Фондовая биржи с 1939 г. по 2010 г. располагался Центральный Военно-Морской музей. Здание находится по адресу: Биржевая пл., 4. — /Комментарий А. С. Романова/.

193

Здание Академии наук располагается на Университетской наб., 5. — /Комментарий А. С. Романова/.

194

Ранее до М. дошло сведение о том, что во время налета «разбомблена вся Моховая». — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

195

Из спецсообщения Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду 10 декабря 1941 г.: «Последние дни в Ленинграде распространяются слухи, что проходящая частичная эвакуация населения является подготовкой к сдаче города немцам. Высказывания сводятся к тому, что <…> блокаду Ленинграда частям Красной армии не прорвать. Военные и советские органы из-за отсутствия продовольствия вынуждены сдать город. Служащий городской конторы Промбанка Эйдлер: „…Мне известно от одного из ответственных работников Облисполкома, что есть решение сдать Ленинград. Ленинград ждет судьба Киева, который тоже пал в результате блокады, после того как населению и армии начали выдавать по 50 грамм хлеба“» (Цит. по: *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада… С. 720). — /Комментарий А. С. Романова/.

196

Тейх Георгий Николаевич — артист ТЮЗа. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

197

В сводках с фронта не указывалось прямо, где ведут бои те или иные части, эти сведения не позволялись к печати военной цензурой. Было несколько расхожих фраз, используемых в сводках, как, например: «Наши войска вели бои с противником на всех фронтах», «Наши части, действующие на одном из участков Западного/Южного/Ленинградского фронта…», «Наши позиции в районе В.». В качестве конкретики могли упоминаться только названия освобожденных населенных пунктов («Жители села Гребцова, освобожденного от фашистских войск…») (Ленинградская правда. 28 ноября 1941 г.). — /Комментарий А. С. Романова/.

198

Немецкая авиация сбрасывала на Ленинград бомбы замедленного действия весом от 1 до 3 тонн. Обезвреживанием этих бомб занимались офицеры подрывной службы. — /Комментарий А. С. Романова/.

199

Схожее описание очередей можно найти в дневнике школьника Ю. Рябинкина: «9 и 10 ноября… У нас не выкуплено на эту декаду 400 граммов крупы, 615 граммов масла, 100 граммов муки… а этих продуктов нигде нет. Где они выдаются, возникают огромные очереди, сотни и сотни людей на улице, на морозе, а привозят <…> чего-нибудь в этом роде человек на 80–100. А люди стоят, мерзнут и ни с чем уходят. Люди встают в 4 часа утра, стоят до 9 вечера по магазинам и ничего не достают. И больно, а ничем не поможешь. Сейчас тревога. Она уже длится часа два. Нужда, голод заставляют идти в магазины, на мороз, в длинную очередь, в людскую давку…» (Цит. по: *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга… С. 305–306). — /Комментарий А. С. Романова/.

Соседка (?). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

201

Герман Александр — сотрудник ТЮЗа. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

202

Ср. с отрывком из интервью с блокадницей К. П. Дубровиной: «Ну, а ночевали вы где? — Дома, здесь. <…> — И не раздеваясь? — Да, не раздевалась абсолютно. — Что, и в валенках? — Нет, это я снимала. Вот с ног снимала, пальто снимала, а остальное не снимала, и так до весны не снимала» (Цит. по: *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга… С. 67–68). — /Комментарий А. С. Романова/.

203

«В августе по заданию командования фронта в Ленинграде и пригородах было начато формирование рабочих батальонов. Рабочие батальоны создавались для охраны фабрик, заводов, учреждений и являлись одним из важных звеньев общей системы обороны города. Всего в Ленинграде и пригородах было организовано 79 рабочих батальонов с общим числом бойцов свыше 40 тыс. человек. Однако напряженная обстановка под Ленинградом и новые мобилизации резервов привели к значительному сокращению личного состава рабочих батальонов. Поэтому в сентябре 1941 г. из числа лиц, оставшихся в рабочих батальонах, были созданы мелкие рабочие отряды (общее число 16 тыс. человек). Позднее, в ноябре 1941 г., эти отряды были сведены в 5 рабочих бригад» (*Дзенискевич А. Р. и др.* Непокоренный Ленинград… С. 52–53). — /Комментарий А. С. Романова/.

204

Соседи М. по коммунальной квартире в доме № 10 на 5-й линии Васильевского острова. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

205

Под Финской кампанией подразумевается советско-финляндская война 1939–1940 гг. — /Комментарий А. С. Романова/.

206

Возможно, имеется в виду статья «Ожесточенные бои в районе Волхова». В статье говорилось: «Стремясь парализовать действия наших частей, пробивающих дорогу на Ленинград с востока, немецкое командование в начале ноября предприняло крупное наступление на Волхов и Тихвин. <…> Несмотря на большие потери, враг осатанело рвется вперед. По показаниям пленных, Гитлер дал приказ еще 15 ноября занять Волхов. В своем приказе он обещал солдатам теплые квартиры, длительный отдых и славу. Пьяные обовшивевшие фашистские орды лезут к Волхову через горы своих трупов. Положение в районе Волхова остается напряженным. Бои продолжаются» (Ленинградская правда. 29 ноября 1941 г.). — /Комментарий А. С. Романова/.

207

Имеется в виду Ростов-на-Дону. Был захвачен немцами 20 ноября 1941 г. и отбит 29 ноября, в ходе Ростовской операции, советскими войсками под командованием генерала Ф. Н. Ремизова (Ленинградская правда. 30 ноября 1941 г.). — /Комментарий А. С. Романова/.

208

Соседка родственников М., живших на ул. Марата. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

209

Стрешнева Вера Родионовна — артистка Александринского театра. В период блокады играла в труппе Городского театра (теперь Театр им. В. Ф. Комиссаржевской). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

210

Ананян Корюн Михайлович — виолончелист, концертмейстер виолончелей БСО. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

211

Лыжин Аркадий Сергеевич — оперный певец. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

212

Основные оперно-балетные коллективы были эвакуированы (Кировский и Малый оперный театры, Оперная студия Консерватории). Однако не все артисты уехали. Среди оставшихся были первоклассные мастера, вокалисты, любимые публикой, удостоенные высоких званий и наград. Они активно включились в военно-шефскую работу. Возникла мысль организовать оперно-балетный коллектив. Управление по делам искусств поддержало энтузиастов, сумело преодолеть сопротивление скептиков. Первый спектакль — опера Чайковского «Евгений Онегин» — прошел 20 ноября 1941 г. в помещении Филиала Кировского театра (основное здание, как мы знаем, было выведено из строя вражеской бомбой). И по качеству исполнения, и по количеству зрителей начало было вполне успешным. Правда, блокадные условия сказывались: не удалось подвезти декорации, поэтому спектакль шел, как говорят в таких случаях, в сукнах. Все прочее (костюмы, бутафория и т. д.) было на месте. В зале было холодно, и публика не раздевалась. Подмерзали и артисты. «Было холодно, неуютно, но зал дал 14 000 рублей. Татьяна в летнее время была в беличьей накидке», — сообщал один из зрителей (Музыка в дни блокады: Хроника. С. 62). В этот день в очередной и последний раз сократились нормы выдачи хлеба, достигнув своего минимума. Большинству отныне полагались те самые «125 блокадных грамм с огнем и кровью пополам». Общая ситуация стремительно ухудшалась. Театр показал еще два спектакля (обещали «Травиату» и «Пиковую даму», но в результате дважды прошла «Травиата»), На этом его деятельность прервалась. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

213

Об открытии этого театра писала «Ленинградская правда»: «В середине ноября в помещении филиала Театра оперы и балета им. С. М. Кирова открывается организованный управлением по делам искусств исполкома Ленгорсовета Театр оперы и балета. Художественный руководитель — народная артистка РСФСР А. Ваганова. Репертуар — оперы „Пиковая дама“, „Евгений Онегин“, „Кармен“ и др.; отдельные акты из балетов „Лебединое озеро“, „Спящая красавица“, балетные дивертисменты» (Ленинградская правда. 11 ноября 1941 г.). — /Комментарий А. С. Романова/.

214

Официальное лицо, решавшее вопросы эвакуации. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

215

Прессер Александр Романович — скрипач, инспектор БСО. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

216

Передачи детской редакции радиовещания. Включали в себя рассказы о героических поступках детей, обращения к школьникам с призывом помочь взрослым и т. п. — / Комментарий А. С. Романова/.

217

Кончус Петр Иванович — БСО, трубач. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Так для Маргулиса начался самый важный этап его блокадной жизни. Успешно пройдя испытательный срок, он был зачислен в БСО Ленинградского радиокомитета — коллектив, позднее прославившийся исполнением Ленинградской симфонии Шостаковича и самоотверженной работой на протяжении всей блокады. Свою деятельность коллектив развернул не сразу. В начале войны руководство Радиокомитета решило, что теперь не до музыки, и резко сократило ее звучание в эфире. Оркестранты использовались как рабочая сила. Однако Управление по делам искусств, задумавшее открыть в Филармонии концертный сезон, решило привлечь оркестр для выступлений. 12 октября 1941 г. состоялось открытие симфонического сезона. Ленинградцы приветствовали продолжение этой культурной традиции. «Билеты были распроданы, и много желающих попасть в зал стояло у дверей Филармонии», — читаем в блокадном дневнике Н. А. Кондратьева. Оркестр доказал свою необходимость. И хотя работать с каждой неделей становилось тяжелей, голос оркестра продолжал звучать. В одной из своих передач радио известило о первом концерте так: «На стене яркая, свежая афиша, — сообщал диктор. — Сегодня, 12 октября, в Филармонии состоится концерт. И ленинградец, занятый войной и трудом, с благодарностью смотрит на эту афишу. „Нет, я не могу выделить целый свободный день — он нужен фронту, — говорит ленинградец, — но я сумею найти один час, чтобы послушать концерт. Сумею потому, что мне это нужно. Я буду отдавать все силы защите Ленинграда, чтобы отстоять свободу и честь нашего города, его независимость, жизнь и свободу жителей города, чтобы отстоять его заводы, его искусство, его музыку…“» В этом анонсе можно уловить некоторую осторожность: еще не ясно, как отнесутся в верхах к идее концерта. Не скажут ли — «несвоевременна эта идея»? Не дадут ли «по шапке»? Как бы предусматривая эти упреки и заранее отвечая на них, кто-то осторожно составлял текст анонса. На следующий день, когда концерт уже состоялся, радио говорило о нем смелее. Прочитанная диктором заметка переносила слушателя в Филармонию: «Это был праздник, — читал диктор. <…> Нет, ничто не изменилось в этом зале. Только мешочки с песком, сложенные у подножия колонн, напоминали о том, что всего лишь прошлой ночью фашистские варвары сбросили на город дождь зажигательных бомб». Появление на эстраде оркестра было встречено аплодисментами. Они усилились, когда к своему пульту вышел В. Заветновский —

в недавнем прошлом первая скрипка филармонического коллектива. Проводив в эвакуацию коллег, он не захотел оставаться не у дел и вошел в оркестр Радиокомитета. Завсегдатаи Филармонии хорошо его знали. «Зал, — сказано далее в заметке, — приветствовал этого человека, которым гордился, как гордятся своими бойцами, своими академиками, своими инженерами». Музыка Глинки и Чайковского, утверждал автор заметки, по-особому звучала «среди людей, познавших и свист бомб, и гулкий разрыв снаряда, и стон ребенка и все же сохранивших в час испытания и мужество, и спокойствие». (Материалы радиопередач блокадных лет хранятся в ЦГАЛИ. Ф. 293. Оп. 2.). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

219

«Продажа продовольственных товаров в магазинах по карточкам в период с июля по декабрь 1941 года… производилась по карточкам на соответствующий месяц в любом магазине без прикрепления. <…> С 1 декабря по решению Ленгорисполкома был установлен обязательный порядок прикрепления населения к магазинам на получение продовольственных товаров, кроме хлеба. Это мероприятие должно было привести к лучшей организации розничной торговли и ликвидации очередей. На самом деле в декабре очереди у магазинов не уменьшились, т. к. объявленные декадные нормы продажи продовольствия не обеспечивались реальными запасами и были рассчитаны на подвоз в город продовольствия, а планы завоза товаров не выполнялись» (Ленинград в осаде… С. 263). — /Комментарий А. С. Романова/.

Схожий пример поведения, вызванный, вероятно, уже сформировавшимся к тому времени безразличием к смерти, можно найти в дневнике поэтессы В. Инбер: «21 декабря. <…> Едва мы тронулись, начался обстрел. <…> Наш двенадцатый номер шел по гремящей улице, словно по дну ущелья. <…> Внезапно вожатая сказала: — Дальше не еду. Боюсь. — Не останавливайтесь! — закричали ей. — Езжайте вперед. И мы проскочим. Та было послушалась; одну остановку мы промчались вихрем. Но на второй… снаряд упал так близко, что вожатая бросила управление. Вагон стал. Уж не помню, как мы выскочили из него, перебежали улицу и влетели в булочную на углу. И в то мгновение, когда мы переступали порог, снаряд попал в наш трамвай» (*Инбер В. М.* Почти три года… С. 43). — /Комментарий А. С. Романова/.

В схожей ситуации за несколько дней до этого едва не пострадала группа музыкантов, возвращавшихся после выступления. Один из музыкантов вспоминал: «…только мы перешли Дворцовый мост, как оказались под сильнейшим обстрелом. Забежав в какой-то переулок, мы спрятались в подворотню первого попавшегося дома, где и простояли несколько часов». И музыкант, и его коллеги были удивлены: считалось, пишет он, что Васильевский остров «обстреливают меньше, чем другие части города, так как якобы многие дома на острове в прошлом принадлежали немцам» (из воспоминаний А. С. Соболева в моем собрании. — *А.К.*). Заблуждение скоро развеялось. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

222

Вот несколько выдержек из документов Радиокомитета осени и зимы 1941 г. «До 1 октября сего года имеющаяся в Доме радио столовая обслуживала работников, находящихся на казарменном положении полным дневным питанием (завтрак, обед и ужин), а теперь предоставляет только один обед» (10 октября 1941 г. ЦГАЛИ. Ф. 293. Оп. 2. Д. 88. Л. 77). «В столовой при Ленинградском радиокомитете, обслуживающей 400 работников радиовещания, с 17 декабря нет вторых блюд. В результате, питаясь одним супом, работники радиовещания, ведущие с первого дня войны напряженную круглосуточную работу, не имеющие выходного дня, начинают выбывать из строя. <…> В нашей столовой изъята посуда, не работает мойка (каждый моет свою посуду сам), подачи на стол нет — каждый получает из раздачи сам» (29 декабря 1941 г. ЦГАЛИ. Ф. 293. Оп. 2. Д. 88. Л. 2; см. также раздел «Документы и материалы» данного издания). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

223

Имеется в виду Управление по делам искусств, которым в то время руководил П. И. Рачинский. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

224

5 декабря ежегодно торжественно отмечался так называемый «День Сталинской конституции». Как уже упоминалось, неприятель по красным датам советского календаря усиливал огневые налеты на город. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

225

Причиной сокращения выработки электроэнергии в блокаду был надостаток топлива, а также то, что Волховская, Свирская, Дубровская электростанции оказались за кольцом блокады. С 17 ноября пользоваться электроэнергией согласно установленным лимитам энергопотребления разрешалось только в зданиях Смольного, Главного штаба, отделений милиции, райкомов партии, райисполкомов, райвоенкоматов, штабов МПВО, телеграфа, почтамта, телефонных станций, городской пожарной охраны, судебных органов, в госпиталях и больницах, конторах домохозяйств, здании Ленэнерго. — /Комментарий А. С. Романова/.

226

По мере отключения электричества и ввиду дефицита свечей наступал момент, когда в каждый семье появлялся самодельный светильник. Он «дохленьким» огоньком освещал вокруг себя небольшое пространство и к тому же коптил. Блокадники называли его коптилкой. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

227

Так наз. «коптилка», примитивный осветительный прибор. Как отмечал в своем дневнике в записи за 5 января Н. П. Горшков: «Жгут все, что может гореть: машинное масло, олифу, скипидар, скупают в аптеках беленое масло, репейное, камфарный спирт, разные капли и многое другое. Многие пользуются просто лучиной, как в древние времена. Настоящие записки пишутся при свете самодельной лампочки-мигалки силою света не более ½ свечи» (Блокадные дневники и документы… С. 51–52). — /Комментарий А. С. Романова/.

228

Концерты, адресованные зарубежному слушателю, начались 28 сентября. Было важно рассказать миру о героической обороне Ленинграда. Фашистской пропаганде, утверждавшей, что судьба блокированного города находится в руках немецких войск, необходимо было противопоставить яркие факты, опровергающие эти утверждения. Наряду с передачами политико-публицистического характера было решено подготовить выступление симфонического оркестра. 28 сентября состоялся концерт для Англии. Под управлением Карла Ильича Элиасберга прозвучала Пятая симфония Чайковского. Позже дирижер вспоминал, что в этот день были сильные налеты и, пробираясь в Радиокомитет, скрипач В. Скибневский получил легкое ранение осколком зенитного снаряда, а альтист И. Ясенявский, дежуривший после концерта на крыше, потушил две зажигательные бомбы (добавлю, что спустя несколько месяцев В. Скибневский был, в числе «неблагонадежных», выслан из города). Затем последовали концерты для Швеции, для Норвегии. В них участвовал уже и М. Упомянутые в дневнике Пятая симфония Бетховена и увертюра «1812 год» Чайковского подготавливались к ближайшему концерту в Филармонии. Как свидетельствовал Элиасберг, репетиции оркестра проводились ежедневно, и каждые два-три дня проходили, в дополнение к филармоническим, выступления на Радио (см.: *Элиасберг К.* Единственный в городе: Симфонический оркестр в годы блокады // Музыка продолжала звучать: Ленинград. 1941–1944. Л.: «Музыка», 1969. С. 84–86). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

229

Заведующая сектором культуры горкома партии. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

230

Имеется в виду статья, описывающая выступление английского премьер-министра Уинстона Черчилля в Палате общин по вопросу мобилизации рабочей силы. В своем выступлении Черчилль говорил о том, что «кризис оборудования в значительной степени был преодолен, и теперь уже обеспечен все растущий поток продукции. Но мы находимся перед лицом кризиса рабочей силы — как мужской, так и женской, и этот кризис будет довлеть над нами в 1942 году. <…> Мы должны обеспечить расширение наших военно-воздушных сил в 1942 году и в большей степени увеличить их в 1943 году». В речи также говорилось об английских местных отрядах самообороны, военной промышленности и двух актуальных для Англии опасностях — вторжении и воздушных налетах (Ленинградская правда. 6 декабря 1941 г.). — /Комментарий А. С. Романова/.

231

После нескольких месяцев блокады, с 8 декабря 1941 г., из-за нехватки электроэнергии и массовых разрушений контактной сети начало прекращаться движение городского электротранспорта, в первую очередь трамваев. 9 декабря Ленгорисполком своим постановлением упразднил 8 трамвайных маршрутов (2, 11, 26, 28, 29, 34, 37 и 39) и снял с линии 90 трамвайных вагонов (900 героических дней… С. 239). — /Комментарий А. С. Романова/.

232

Липин Иван Николаевич — БСО, скрипач. Умер в январе 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

233

Чудненко Дмитрий Федорович — БСО, трубач. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

234

Обыкновенный сахар принято считать скоромным, потому что при его приготовлении применяется осветление раствором альбумина, извлекаемого из крови, и процеживание через костяной уголь. Так называемый постный сахар приготовляется из этого же скоромного сахара. Для этого берут обыкновенный рафинад, растворяют его в воде, уваривают до консистенции утфеля (густая, вязкая масса темно-желтого цвета, состоящая из кристаллов сахара), прибавляя при варке красящих или душистых веществ, а затем разливают в соответственные формочки, в которых он и затвердевает, http://www.hleb.net/ingred/410/proizvodstvo/end19/end19.html (01.08.2012). — /Комментарий А. С. Романова/.

Сотрудник ТЮЗа. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

236

Ал. Липатьевич — сотрудник ТЮЗа. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

237

В Бадаевских складах хранился значительный запас продуктов, главным образом муки и сахара. Помещения были деревянными. В результате действий немецкой авиации возникли грандиозные пожары. Сахар плавился, тек и смешивался с землей. Часть его была собрана, очищена и пущена в кондитерское производство. Жители города копалась на пожарище, извлекая остатки. Наступивший вскоре голод связывался в сознании ленинградцев именно с этими пожарами. Но историки установили, что хранившегося могло хватить (по тем нормам) лишь на несколько дней. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

238

Как писали авторы «Блокадной книги», рассматривая опыт работы пищевика А. Д. Беззубова: «В блокадном Ленинграде использовали и перерабатывали остатки горелого сахара на Бадаевских складах. Этот сахар, растопленный огнем, залитый водой пожарных брандспойтов, смешанный с землей, песком, <… > его извлекли десятки тонн. Это были глыбы черной сладкой земли; их промывали сверху водой и перерабатывали на кондитерской фабрике. Из черного этого творога, который долго еще продолжали копать ленинградцы на горелом пустыре, стали производить леденцовую карамель» (*Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга… С. 32). — /Комментарий А. С. Романова/.

239

Среди слушателей была поэт В. Инбер. В дневнике она описала запомнившееся: «Адский холод. Люстры горят в четверть силы. Оркестранты — кто в ватниках, кто в полушубках. <…> Барабану теплее всех: он согревает себя ударами. Первая скрипка была густо не брита: наверное, не на чем было согреть воду или света не было» (*Инбер В.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1965. Т. 3. Здесь и далее выдержки из дневника приводятся по этому изданию). Поистине удивительно, что люди нашли в себе желание и силы, чтобы явиться в любимый концертный зал. Такова была сила ленинградской культурной традиции. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

То есть устроить их эвакуацию. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

241

Контрбатарейную борьбу с немецкой артиллерией вели фронтовая, армейская, дивизионная и береговая артиллерия, а также артиллерия кораблей Балтийского флота. Из Кронштадта вражеской артиллерии отвечала «Красная Горка», форт в системе Кронштадтской военно-морской крепости (*Богданов И. А.* Ленинградская блокада… С. 62–63). — /Комментарий А. С. Романова/.

242

«Последние известия» — информационная радиопрограмма ленинградского радио; выходила три раза в день. В нее включались как лаконичные заметки о действиях на Ленинградском фронте (например, «Последние известия» за 20 сентября: «По предварительным данным, нашей авиацией и зенитной артиллерией сбито 17 самолетов противника» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 2. Д. 116. Л. 82)), так и заметки, содержащие различные, излагавшиеся достаточно пафосным языком описания действий фронтовиков («Не щадя своей жизни, защищают воины Красной армии город Ленина от немецко-фашистских полчищ, беспощадно уничтожают врага, его живую силу, его боевую технику. Отважные сыны народа — пехотинцы и артиллеристы, танкисты и минометчики, покрыли себя неувядающей славой в боях за Родину» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 2. Д. 129. Л. 51). — /Комментарий А. С. Романова/.

243

Из интервью с блокадницей В. А. Опаховой: «По-моему, самое страшное — это когда человек все время хочет есть, а есть ему нечего совершенно»; «Есть приходилось что попало. Помню, приходила домой, и мне так хотелось кушать! <…> У меня там дрова лежали около печки, полено или два. И вот я взяла это полено (сосновое, помню) и стала грызть, потому что молодые зубы хотели что-то кусать. Есть хотелось страшно! Вот грызу, грызу это полено, смола выступила. А этот запах смолы мне какое-то наслаждение доставлял, что хоть что-то я погрызу. Надо было что-то кушать, иначе неминуема смерть от голода, а это еще хуже, чем от обстрела. От голода очень тяжелая смерть» (Цит. по: *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга… С. 15, 24). — /Комментарий А. С. Романова/.

244

«Из-за недостаточной выработки электроэнергии централизованное отопление домов прекратилось. Город вымерзал, зима 1941 года началась рано. В отдельные дни (14–15 декабря) температура опускалась до минус 20 градусов, хотя в основном в течение месяца она колебалась от минус 5 до минус 15. Впрочем, для ослабленных людей любое похолодание казалось страшным. Как писал Д. С. Лихачев „холод был каким-то внутренним. Он пронизывал всего насквозь. Тело вырабатывало слишком мало тепла“» (Цит. по: Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект / Отв. ред. Дзенискевич А. Р. СПб., 2001. С. 52). — /Комментарий А. С. Романова/.

245

7 декабря 1941 г. японская авиация совершила налет на базу Тихоокеанского военно-морского флота США Перл-Харбор. Это нападение послужило поводом для вступления США во Вторую мировую войну. — /Комментарий А. С. Романова/.

246

Город Волхов, до 1940 г. — Волховстрой. Место расположения Волховской гидроэлектростанции. — /Комментарий А. С. Романова/.

247

«Дуранда — то же, что жмыхи: остатки семян масличных растений после выжимания из них масла» (*Буров А. В.* Блокада… С. 101). — /Комментарий А. С. Романова/.

Топленое коровье масло, http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/65374/Macro (01.08.2012). — /Комментарий А. С. Романова/.

249

Распространенный в то время способ звукозаписи с помощью больших восковых дисков. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

250

Алайцев Андрей Васильевич — БСО, виолончелист. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

251

13 сентября 1941 г. Постановлением Военного совета Ленинградского фронта были выключены телефоны индивидуального и коллективного пользования (за исключением особо оговоренных), телефоны-автоматы общественного пользования на улицах города, в ресторанах, телефоны общего пользования в учреждениях. В районах города в пятидневный срок указывалось оборудовать по 4–5 переговорных комнат с телефонами-автоматами для пользования граждан. Часть абонентов могла, с санкции Ленгорсовета депутатов трудящихся, сохранить в индивидуальном пользовании свои телефоны (Ленинград в осаде… С. 55). — /Комментарий А. С. Романова/.

252

Должность управдома вводилась постановлением ЦИК СССР и СНК СССР «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» от 17 октября 1937 г. Этим постановлением дома из ведения жилищно-арендной кооперации (жактов) передавались местным советам и государственным предприятиям. Непосредственное управление отдельным домом (группой домов) возлагалось на управляющего домом, назначаемого жилищным управлением местного совета. Управдом отвечал за «правильное ведение домохозяйства», «своевременный ремонт дома и надлежащее качество ремонта», «содержание в порядке дома и его санитарно-технических устройств и мест общего пользования в квартирах (отопление, освещение, кухни, лестницы, уборные, газ, ванны, лифт и пр.)». http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssr6496.htm (01.08.2012). — /Комментарий А. С. Романова/.

253

«На улицах Ленинграда было темно: в целях светомаскировки в домовых фонарях ввинтили синие лампочки вместо обычных. Но гасли и они: „Когда погасли и синие лампочки, то приходилось ходить по памяти. Когда ночь светлая, то ориентируешься по крышам домов, а когда темная, то хуже. Машины не ходили, натыкаешься на людей, у которых не было на груди значка-светлячка“ (из дневника О. П. Соловьевой, работницы прядильно-ниточного комбината имени Кирова). Темнота действовала угнетающе. К этой морозной темноте трудно было привыкнуть, приспособиться» (*Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга… С. 62). — /Комментарий А. С. Романова/.

254

О перебоях в работе радио писал исследователь А. И. Рубашкин: «Сохранилось немало свидетельств о молчании радио. О молчащем репродукторе писала в своем дневнике В. Инбер — „25 декабря. Радио не работает из-за отсутствия тока, газета появляется на стенах домов только на второй, а то и на третий день…“ (*Инбер В. М.* Почти три года… С. 44). Подобные свидетельства могут создать впечатление, что радио умолкало надолго, и по всему городу не было радиопередач, что не совсем верно. Бывшие работники Радиокомитета П. Палладии, В. Ходоренко, лучше знавшие действительное положение, утверждали, что аккумуляторные батареи позволяли вести передачи из погруженного во мрак Дома радио даже в те дни, когда их не слышали П. Лукницкий, В. Инбер и другие очевидцы событий. Не было дня, когда город полностью оставался без радио. Работали радиостанции, шли по городской трансляционной сети „Последние известия“. И там, где оставалась электроэнергия (на некоторых заводах, в ряде госпиталей), голос диктора был слышен. Верно другое: целые районы, отдельные дома и улицы по разным причинам (отсутствие энергии, обрыв сети) отключались на более длительные сроки» (*Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда. Ленинградское радио в дни блокады. Л., 1980. С. 50). — / Комментарий А. С. Романова/.

255

Мелодией «Интернационала» начиналась и завершалась суточная программа радиопередач. — /Комментарий А. С. Романова/.

256

«Метроном — прибор, способный производить произвольное количество тактовых долей времени на слух. Служит как вспомогательный прибор для установления точного ритма в музыкальном произведении. В блокадном Ленинграде, когда не было передач, в эфире стучал метроном; быстрый ритм означал воздушную тревогу, медленный ритм — отбой. Работа метронома была введена на ленинградском радио 26 июня 1941 г.» (*Богданов И. А.* Ленинградская блокада… С. 117). — /Комментарий А. С. Романова/.

257

Тихвин во время Великой Отечественной войны, с 8 ноября по 9 декабря 1941 г., находился в оккупации. Тихвинская наступательная операция 1941 г. явилась одной из первых побед Красной армии в Ленинградской битве. Возвращение Тихвина сократило продолжительность маршрута, по которому снабжался Ленинград. — /Комментарий А. С. Романова/.

Ясенявский Исаак Абрамович — БСО, концертмейстер альтов. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Сотрудник ТЮЗа. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Хухрин Аркадий Андреевич — начальник отдела музыкального вещания Радиокомитета. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

261

Ходоренко Виктор Антонович — и.о. председателя Радиокомитета с апреля 1941 г. по май 1945 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

262

СНК СССР принял постановление «О проведении денежно-вещевой лотереи» 27 ноября 1941 г. Были выпущены билеты достоинством в 10 руб. на общую сумму 200 млн. руб. Среди 1,5 млн. выигрышей значились каракулевые дамские пальто, ковры, часы золоченые и серебряные, отрезы на мужские и дамские костюмы, «обувь мужская и дамская», письменные приборы и др., а также денежные суммы от 100 до 50 000 руб. (См.: Бюллетень Ленинградского Городского совета депутатов трудящихся. 1941. № 43–44 (18 декабря 1941 г.)). В домохозяйствах, силами политорганизаторов, при проведении первой денежно-вещевой лотереи было выручено 1 млн. 689 тыс. рублей (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 334. Л. 6). Общесоюзные лотереи проводились в годы войны ежегодно. Кроме того, отдельные предприятия и учреждения сами могли организовывать для коллективов лотереи. — /Комментарий А. С. Романова/.

263

Возможно, имеется в виду один из инкассаторских пунктов при районных отделениях Ленкомбанка. В них принимали платежи за квартиру, электричество, газ и телефон. — /Комментарий А. С. Романова/.

264

Правильно — всевобуч, всеобщее воинское обучение (т. к. всеобуч — это всеобщее обучение). Как указано в отчете военного отдела ГК ВКП(б) Я. Ф. Капустину о работе за время с 1 января по 1 июля 1942 г.: «Начато в октябре 1941 года. 1-я очередь обучающихся закончила обучение в январе 1942 года. Из 26 600 охваченных обучением полностью закончили программу только 7000. Досрочно отправлены в Красную армию 9791. Обучение проходило в чрезвычайно трудной обстановке, свыше 6000 не смогли окончить обучение по болезни, около 800 умерло» (Ленинград в осаде… С. 98). — /Комментарий А. С. Романова/.

265

Употребление мяса домашних животных в блокадном Ленинграде стало одним из элементов обыденности и для многих горожан перестало быть чем-то невероятным. Ср. из дневника школьной учительницы К. В. Ползиковой-Рубец: «20 ноября. Я теперь отлично понимаю, что такое голод. Раньше я себе точно не представляла этого ощущения. Правда, меня немного тошнит, когда я ем мясо кошки, но т. к. я хочу есть, то и противное кажется вкусным. Да я ли одна так голодна? Кто же в этом виноват? Я никогда не была злой. Я всем старалась сделать что-нибудь хорошее. А теперь я ненавижу этих сволочей немцев за то, что они исковеркали нашу жизнь, изуродовали город» (Цит. по: *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга… С. 138). — /Комментарий А. С. Романова/.

266

Как отмечал исследователь В. Л. Пянкевич: «В сентябре свободная торговля на рынках Ленинграда была запрещена. Но, несмотря на противодействие администрации и милиции, на большинстве колхозных рынков (Сытном, Клинском и др.) стихийно возникали обменные толкучки. Масштабы торговли на стихийных городских торжищах были значительны — ежедневно на них бывали тысячи человек. Что из себя представлял рынок в осажденном городе, можно судить по воспоминаниям юного блокадника Б. М. Михайлова: „Сам рынок закрыт. Торговля идет вдоль Кузнечного переулка от Марата до Владимирской площади и дальше по Большой Московской. <…> Взад и вперед ходят людские скелеты, замотанные невесть во что, в свисающих с них разномастных одеждах. Они вынесли сюда все, что могли, с одним желанием — обменять на еду“» (*Пянкевич В. Л.* Рынок в осажденном Ленинграде // Жизнь и быт блокированного Ленинграда: сборник научных статей. С. 123–125). — / Комментарий А. С. Романова/.

267

В 1917–1923 гг. в Петрограде от недоедания скончались 19 516 человек (Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде… С. 49). Для сравнения см. примечание 1 к с. 146 /В файле — см. ниже комментарий А. С. Романова № 458 — *прим. верст.*/ о смертности в блокадном Ленинграде — к «Опыту историко-литературного очерка» (Данные о численности погибших в блокированном Ленинграде в 1941–1942 гг.). — /Комментарий А. С. Романова/.

268

Мост для горожан перестал быть только переправой. Он стал особо опасным местом. Ведь в случае обстрела на мосту невозможно укрыться. К тому же именно переправы были объектом повышенного внимания вражеских артиллеристов и летчиков. К счастью, им так и не удалось разрушить ни одну из них. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

269

Об этом концерте в дневнике М. ничего не сказано. М. был полностью поглощен хлопотами в связи с оформлением ухода из ТЮЗа и зачислением в штат Радиокомитета. Схожая ситуация и с моим дневником. Когда в 1942 г. возобновились занятия в школе, я подробно фиксировал, чем кормили, по каким нормам, сколько приходилось ждать обеда, как себя вели ребята. И ни слова об учебном процессе, не назван ни один предмет, ни один педагог.

Тем не менее рассказать о концерте 14 декабря все же важно. Программа состояла из произведений Чайковского: трагическая Шестая симфония, драматическая увертюра-фантазия «Ромео и Джульетта», праздничный Первый фортепианный концерт. Солировал пианист А. Д. Каменский, дирижировал И. С. Миклашевский (К. И. Элиасберг был основным дирижером оркестра, но не единственным). В тот день один из слушателей отметил «божественные звуки, которые берут за самое сокровенное, живое». Он же: «Атмосфера Филармонии не та — сидят в верхней одежде, многие музыканты в шапках, шубах, валенках. Но, как всегда, верен себе гренадер Филармонии Заветновский. Под гром аплодисментов вышел в униформе — черный пиджак, ослепительная манишка, и лишь перчатки отличают его костюм от нормального, мирновременного. <…> Игорь Миклашевский тоже в форме, и дирижерский облик его безупречен. Молодцы — старая гвардия умирает, но не сдается» (Дневник С. Пермута, копия хранится в моем собрании. — *А. К)*. В дневнике Н. А. Кондратьева сказано о том же, но со знаменательным отклонением: «Теперь помещение не отапливается и стоит низкая температура. Требуется известный героизм со стороны исполнителей, чтобы играть застывшими от холода пальцами. Публика сидит в верхней одежде, но все-таки холод настолько велик, что стынут руки и ноги. Зрительный зал был заполнен на 50–60 %. Дирижировал И. Миклашевский, которого я слышал впервые. Он произвел благоприятное впечатление своим артистизмом, подвижностью, плавностью и пластичностью жеста.

Небольшая подробность: слушая Шестую симфонию Чайковского, я вспоминал, как вместе с Миклашевским два года тому назад сидел за обеденным столом, а Наталья Николаевна угощала нас замечательными котлетами, которых мы съедали по четыре штуки. Какое это было славное время! Сидеть в тепле и есть досыта». Хотя, как видим, мысли слушателей порой отвлекались от исполняемых произведений, устремляясь к еде,

господствовали эмоции, связанные с музыкой. Каменскому даже пришлось играть на бис. Под впечатлением от увиденного и услышанного художник И. Серебряный задумал картину, позже получившую название «Концерт в Ленинградской филармонии. 1942 год». Первый эскиз ее он сделал «при двух коптилках», едва вернувшись домой (Музыка продолжала звучать. С. 51).

В тот день Миклашевский выступил в последний раз. Вскоре он скончался. Концерт тоже оказался последним — деятельность Филармонии прервалась. Оркестр некоторое время еще держался: проходили выступления по радио, проводились репетиции. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

Сотрудница ТЮЗа. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

271

Сотрудница бухгалтерии ТЮЗа. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Сотрудница бухгалтерии ТЮЗа, кассир. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Правильно: Симеоновский (до 1923 г.). Мост через реку Фонтанку, теперь мост Белинского. — /Комментарий А. С. Романова/.

Казарменное положение — положение, при котором обязательно безотлучное пребывание в воинской части, на предприятии или в учреждении лиц, переведенных на военное положение. — /Комментарий А. С. Романова/.

275

Оркестранты жили на шестом этаже здания Радиокомитета. Оказавшись на казарменном положении, М. с коллегами жил в комнате № 30. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Сергеев Михаил Николаевич — БСО, скрипач. Умер в январе 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

277

Срабов Александр Семенович — БСО, скрипач. Умер в январе 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

278

12 декабря Исполнительный комитет Ленгорсовета принял специальное постановление, согласно которому к расчистке улиц и дворов стали привлекать население. Раньше этим занимались дворники, до тех пор, пока их численность не сократилась (*Буров А. В.* Блокада… С. 103). — /Комментарий А. С. Романова/.

279

То же самое, что управдом. — /Комментарий А. С. Романова/.

280

В данном случае автор, видимо, имел в виду милиционера, следящего за порядком в данном квартале, употребив выражение по аналогии с дореволюционным термином «квартальный», которое означало полицейского, под надзором которого находилась определенная часть города. В схожем контексте термин «квартальный» упоминается в книге Н. А. Ломагина «Неизвестная блокада»: «Народ у нас стал, как звери — У. топором убил свою мать, а пока ходили за квартальным, он разрубил ее на части и положил варить» (Цит. по: *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада… С. 763). — /Комментарий А. С. Романова/.

281

Работник оперативной части Радиокомитета. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

282

Страшный голод доводил людей до крайней ситуации: ловили кошек, собак, уводили их обманом от знакомых, покупали. Свидетельства об этом встречаются в дневниках многих жителей блокадного города. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

283

Ср. с отрывком из интервью с блокадницей Н. А. Щелывановой: «Нина пришла ко мне в октябре. <…> Она все время такая странная ходила и говорила, чтобы собаку купить. Я говорю: „Чего это ты, Нина, собаку хочешь купить?!“ — „А я хочу ее съесть“» (Цит. по: *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга… С. 134). — /Комментарий А. С. Романова/.

284

В свое время велся дневник Большого симфонического оркестра Радио. В нем в этот день были отмечены репетиция и концерт (из студии). Благодаря этому документу можно будет дополнять (и уточнять) сведения М. (Выписки из дневника БСО находятся в моем архиве. — *А.К.*). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

285

Вероятнее всего, как и упоминающееся в дневнике комбинированное масло, это костяной жир. Смазочное масло животного происхождения. Упоминается в дневнике Н. П. Горшкова (Блокадные дневники и документы. С. 47). — /Комментарий А. С. Романова/.

Рубанчик М. М. — БСО, литаврист. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

287

Аркин Семен Аркадьевич — БСО, скрипач, концертмейстер оркестра. Выступал также как дирижер. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

288

Сладкое на вкус средство (по форме напоминает корицу), снимающее похмельный синдром и устраняющее неприятный запах изо рта. — /Комментарий А. С. Романова/.

289

«Хряпа — капустные верхние листья в кочане капусты, обычно не идущие в пищу» (*Буров А. В.* Блокада… С. 101). — /Комментарий А. С. Романова/.

290

«Только бы не в меня» — характерная мольба блокадников. Кто-то вспоминал, как в бомбоубежище старая женщина, заслышав гул самолетов, принялась шептать: «Лети на Васильевский, лети на Васильевский!» «Но там же тоже люди», — укорил ее сосед. «Там люди, а тут я!» — был ответ. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

291

Сысоев Борис Павлович — артист хора. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

292

Селение на правом берегу Невы. Это был район дислокации наших войск, призванных решить жизненно важные для Ленинграда задачи — не допустить форсирования немцами Невы (это грозило образованием вокруг города второй блокадной петли) и, опередив их, переправиться на левый, уже занятый врагом берег. Переправа удалась, был захвачен небольшой участок земли — примерно два километра по берегу и 800 м вглубь (получил название «Невский пятачок»). Началось длительное сражение. Немцы прилагали все усилия, чтобы ликвидировать «пятачок», наше командование направляло с Невской Дубровки все новые и новые силы. На позиции бойцов, на отряды, переправлявшиеся через Неву, сыпались бомбы, снаряды, мины, град пуль. И так — круглосуточно и изо дня в день. Это было одно из самых кровавых сражений войны. Оно длилось с конца сентября 1941 г. до конца апреля 1942 г. Второе кольцо вокруг Ленинграда создано не было, но прорвать блокаду не удалось. В музее, созданном на месте боев, ныне показывают кубический метр земли с «Невского пятачка». В нем около 10 кг металла — 38 пуль, гильза от снаряда, мина, граната и множество осколков. О количестве погибших специалисты спорят по сей день. Многие ленинградцы тогда считали, что боец, попавший в район Невской Дубровки, — обречен. Известно, что 9 декабря там был убит молодой композитор Виктор Томилин. Совсем недавно на притаившейся в земле бомбе подорвался житель Невской Дубровки. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

293

Поселок городского типа в Ленинградской обл. РСФСР. С названием поселка связана оборона легендарного «Невского пятачка». Невская Дубровка была плацдармом, с которого переправлялись на левый берег, «пятачок», советские войска. Плацдарм был захвачен 19 сентября 1941 г. Просуществовал, с небольшим перерывом, до февраля 1943 г. Войска пытались отсюда вести активные наступательные действия, но ни одна из попыток прорыва блокады с этого рубежа не увенчалась успехом. Его защитники ежедневно отражали по 12–16 атак противника. Происходившее на этой «пяди земли» нашло свое яркое отражение в окопном фольклоре: «Кто на пятачке не бывал, тот и горя не видал», «кого на пятачке смерть миновала, тот во второй раз рожден», «с трех сторон беда, а сзади вода», http://www.blockade.ru/press/770 (01.08.2012). — /Комментарий А. С. Романова/.

Носов Г. Н. — руководил ансамблем песни и пляски 23-й армии. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

295

Нечаев И. А. — был солистом Кировского и Малого оперного театров, любимцем публики. С начала войны выступал в составе концертных бригад. Много пел по радио. Блокадникам особенно запомнились его выступления с русскими народными песнями. Приведу одно из писем-воспоминаний, адресованных певцу: «Вижу себя, истощенного, бессильного, вижу дочь, сына, слышу стонущие звуки сирены, зловещее гуденье немецких самолетов, визг фугасных бомб. Это все смерть и разрушение. Но вот после отбоя воздушной тревоги мы вновь слышим живой голос диктора: „Слушайте Ивана Алексеевича Нечаева“. Нам полюбились песни „Коробушка“, „Меж крутых бережков“ и особенно „Стежки-дорожки“. Вы песней спасали нас от смерти, бодрили, вливали новую свежую струю жизни. И за это за все Вы нам дороги до конца наших дней. Такими чувствами благодарности полна не только моя семья, я знаю многих людей, перенесших блокаду» (*Крюков А. Н.* Музыка в эфире военного Ленинграда. СПб., 2005. С. 65). М. напрасно так мрачно смотрел на возможность совместных выступлений с Нечаевым. Довольно скоро они начнут встречаться на эстрадах концертных и театральных залов. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

296

Речь идет о сводках Советского Информационного бюро, созданного 24 июня 1941 г. с целью освещать в печати и по радио международные события, военные действия на фронтах и жизнь страны. Сообщения отличались краткостью, и основной упор в них делался на приведение фактов без подробного рассмотрения. Передавались утреннее и вечернее сообщения. — /Комментарий А. С. Романова/.

То есть не разрешал себе есть, откладывая продукты на следующий день. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

298

Как вспоминал профессор Д. И. Каргин: «газеты мы… перестали получать из-за постепенного сокращения почтой своей деятельности. Доставка корреспонденции на дом оказалась непосильной для изголодавшихся письмоносцев. Фактически обслуживание клиентов прекратилось. На „Ленинградскую правду“ я подписался на целый год. За январь она была доставлена 2 раза — 5 разрозненных <номер>ов. Я явился за недостающими <номера>ми на почту. Мне ответили, что этими <номера>ми исчерпывается получение газеты из редакции самой почтой» (*Каргин Д. И.* Великое и трагичное. Ленинград 1941–1942. СПб., 2000. С. 141). — /Комментарий А. С. Романова/.

299

Елисеевский магазин (Магазин купцов Елисеевых, в советское время — Центральный гастроном № 1, расположен по адресу: Невский пр., д. 56/8). Там М. и некоторые оркестранты прикрепляли свои продуктовые карточки. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

300

На тот момент Сясьстрой являлся поселком в Волховском районе Ленинградской области. В настоящее время это город. — / Комментарий А. С. Романова/.

301

Бронникова Надежда Дмитриевна — пианистка-концертмейстер Радиокомитета. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

302

Описания опухших людей часто встречаются в воспоминаниях и дневниках блокадников. Ср. с отрывком из интервью с блокадницей Е. Н. Аверьяновой-Федоровой: «22 января 1942 года. <…> Люди все опухшие, страшные, черные, грязные, тощие. Прошло семь месяцев. Кажется, что прошло семь лет. Все постарели. Молодые стали такие страшные, старые, что просто жутко смотреть». Из дневника В. Белякова: «16 января. <…> скушал одну тарелку щей, один суп-лапшу и один перловый суп. Много пил воды, лицо сильно опухло…» (Дит. по: *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга… С. 116, 122). Обычно опухание связывали с чрезмерным потреблением воды с солью — это несколько смягчало муки голода (*Яров С. В.* Блокадная этика… С. 32). — /Комментарий А. С. Романова/.

303

Помощник режиссера в ТЮЗе. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

304

Как сообщалось в «Ленинградской правде» в регулярной рубрике «Война на Тихом океане»: «Японский флот атаковал остров Джонстон и остров Бэйкеп. На обоих островах разрушена часть оборонительных сооружений. <…> Японский флот в операции против Гонконга потопил 1 подлодку и 6 торпедных катеров, а также сильно повредил 1 миноносец, 2 торпедных катера и торговый пароход» (Ленинградская правда. 19 декабря 1941 г.). — /Комментарий А. С. Романова/.

305

В «Докладной записке Управления коммунального обслуживания Ленгорисполкому о работе бань, прачечных и парикмахерских» от 14 марта 1942 г. указывалось, что бани «с января месяца из-за отсутствия подачи воды от городского водопровода и электроэнергии стали работать с большими перебоями. В конце января месяца бани все остановились из-за полного отсутствия воды и электроэнергии, и лишь с перебоями работали две бани в городе: одна Гаванская баня в Свердловском районе и баня по Международному пр., 55, в Ленинском районе» (900 героических дней… С. 255). Международным с 1918 по 1950-е гг. назывался Московский пр. — /Комментарий А. С. Романова/.

306

Альтерман Исай Моисеевич — дирижер, был связан с оркестром с довоенных лет. В дневнике БСО отмечен «концерт-запись». — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

307

Шах Евсей Леонтьевич — БСО, гобоист-солист. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

308

В качестве компонентов при выпечке хлеба использовалась овсяная мука, соевая мука, ячменная мука, жмыховая мука, отруби, обойная мука, солодовая мука, мучные сметки, кукурузная мука, рисовая мука, пищевая целлюлоза. Целлюлоза как примесь к хлебу применялась впервые. Процент примеси зависел от конкретного времени и уменьшался либо увеличивался (Ленинград в осаде… С. 199–200, 217). — /Комментарий А. С. Романова/.

309

В те дни Ананян писал сестре на Большую землю: «Принужден еще раз просить тебя систематически присылать мне съедобное, причем все, что хочешь. Пусть это будут черные сухари или корки хлеба, картошка, самая дешевая мука, жиры самые простые. Это все для нас составит радость и мечтания. Я должен признаться тебе, что таких тяжелых дней я никогда не переживал в жизни. <…> Прошу тебя, кроме продуктов, если можешь, пришли мне рыбьего жира. Рыбий жир самое главное сейчас для меня. И вообще пришли лекарства первой необходимости. А как с витамином „С“? Если найдешь — пришли. Против цинги очень полезно». За строками этого письма стоит настоящая драма. У Ананяна открылся туберкулезный процесс, было необходимо усиленно питаться. Сестра откликалась на письма, однако посланные ею посылки до адресата не доходили. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

310

Поселки и ж.-д. станции в Ленинградской области. — / Комментарий А. С. Романова/.

311

Аббакумов Зиновий Яковлевич — оперный певец. Исполнил в те дни по радио несколько новых песен на военную тему. Однажды он не явился на передачу и пришлось срочно искать другого исполнителя. Позже выяснилось, что он в тяжелом состоянии был вывезен из города. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

312

Желчегонное и слабительное средство. — /Комментарий А. С. Романова/.

313

Белый кристаллический порошок горьковатого вкуса, применяемый в медицине как дезинфицирующее средство при заболеваниях мочевых путей и кишечника. — /Комментарий А. С. Романова/.

314

Так как дом мог быть разрушен, некоторые горожане часть вещей распределяли по знакомым. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

315

Пиорковский Иосиф Иосифович — БСО, скрипач. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

316

Имеется в виду речь, произнесенная И. В. Сталиным на параде Красной армии 7 ноября 1941 г. на Красной площади. — /Комментарий А. С. Романова/.

317

Имеется в виду доклад И. В. Сталина «24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции», прочитанный 6 ноября 1941 г. на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы. — /Комментарий А. С. Романова/.

318

Обычно с объявлением воздушной тревоги радиопередачи прерывались, из репродукторов раздавалось лишь учащенное биение метронома. Во время речи Сталина трансляция продолжалась. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

319

Прокофьев Петр Иванович (Петя) — БСО, валторнист. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

320

Зачастую родственники не имели сил отвезти покойника в морг (и тем более на кладбище) и оплатить такую услугу (за нее требовали хлеб) им было нечем. Гробы в городе быстро кончились. Хоронили завернутыми в простыню или одеяло. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

321

Город Чудово был захвачен немецкими войсками 20 августа 1941 г. Вследствие этого была перерезана железная дорога, связывавшая Ленинград с Москвой (*Буров А. В.* Блокада… С. 42). — /Комментарий А. С. Романова/.

322

Иметь топор и пилу было необходимо. Дрова кололи прямо в квартире, не заботясь о состоянии пола. Большинство ленинградцев приобрело в этом значительный опыт. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

323

О возможности применения немцами газов власть предупреждала людей с самого начала войны. Проводились соответствующие учения. Люди в учреждениях, на производстве и даже в учебных заведениях обязаны были иметь при себе сумку с противогазом. В дни блокады эти сумки чаще использовались в хозяйственных целях: они были удобны — одевались через плечо, оставляя руки свободными. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

324

«Генерал Бранд докладывает о деятельности артиллерии на фронте группы армий „Север“. Получил задачу составить расчет на использование химических средств против Ленинграда». Такую запись сделал в своем «Военном дневнике» начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Франц Гальдер 25 декабря 1941 г. Тем не менее химическое оружие по Ленинграду не применялось. <…> Определенную ясность и отправную точку для дальнейших исследований дал немецкий специалист по Второй мировой войне Герд Юбершеер. <…> Касаясь вопроса о замыслах по применению химического оружия против Ленинграда, он пишет в статье «Наступление на Ленинград и блокада города германским вермахтом» (Сборник «Блокада Ленинграда 1941–1944 гг. Документы и очерки русских и немцев». Гамбург: «Ровольт», 1992) следующее: «…В конце декабря 1941 года одной из служб Генерального штаба сухопутных войск прорабатывался даже вопрос о возможной атаке с применением ядовитых газов против Ленинграда. Докладная записка с примерным расчетом потребностей в ядовитом газе была составлена 22 декабря 1941 года на случай, если город должен будет взят именно таким образом. По расчетам потребовались бы сотни тысяч снарядов с ядовитым газом. Для доставки такого количества боеприпасов к целям необходимо было задействовать более 330 батарей. И поскольку их в любом случае не было бы возможности получить, то этот план был отвергнут. По этой причине Ленинград избежал еще одной ужасной катастрофы, которым он и без того уже подвергался, начиная с блокады, установленной в сентябре 1941 года <…>». Хотя химическое оружие в атаках на Ленинград так и не было применено, в городе постоянно действовала служба ПВХО — противовоздушной и противохимической обороны, http://www.blockade.ru/press/7136 (01.08.2012). — /Комментарий А. С. Романова/.

325

Имеется в виду наблюдательная вышка МПВО (Местной противовоздушной обороны). Дежурные на вышке сообщали об очагах поражения, участвовали в разборе завалов после бомбежек и обстрелов. Как вспоминал известный литературовед, блокадник, а тогда сотрудник Радиокомитета Г. П. Макогоненко: «Дежурство на радио было для нас чрезвычайно важно — нас засыпали зажигалками, засыпали бомбами. Мы стояли ночами (не считая дня) по команде» (Стенограмма беседы с блокадником Макогоненко Георгием Пантелеймоновичем. ЦГАЛИ СПб. Ф. 107. Оп. 3. Д. 373. Л. 54). «…простудился на вышке здания Дома радио и умер концертмейстер скрипач И. Кузнецов…» (*Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда… С. 43). — /Комментарий А. С. Романова/.

Видимо, М. еще не был включен в команду местной противовоздушной обороны (МПВО), которая несла дежурство на крыше. Большинство музыкантов оркестра входили в пожарную команду. Были также санитарная команда, оповещения и связи, соцпорядка и др.

Приказ о зачислении М. в оркестр с 3 декабря появился лишь 22 декабря, и дополнительные нагрузки затрагивали его лишь время от времени. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

327

Шорохов Павел Кононович — артист хора Радиокомитета. Умер в феврале 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

328

Савельев Борис Владимирович — БСО, концертмейстер вторых скрипок. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

329

Прибавка рабочим и ИТР 100 граммов хлеба, служащим, иждивенцам и детям — 75 граммов (Ленинград в осаде… С. 209). — /Комментарий А. С. Романова/.

330

Табак для тех, кто привык курить, был почти так же необходим, как хлеб. Некурящие жители могли его выгодно обменять. Помню, у какого-то солдата мы с мамой обменяли нашу порцию табака на бутылку керосина, но потом оказалось, что это бензин, и у нас чуть не возник пожар. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

331

Из интервью с заместителем председателя Ленинградского городского совета (работал заведующим отделом торговли) И. А. Андреенко: «Когда с 21, 22, 23 декабря завоз муки стал превышать расход, тогда мы все у Андрея Александровича Жданова собрались. Потом перенесли рассмотрение этого вопроса на заседание Военного совета. И приняли там решение: с 25 декабря сорок первого года рабочим прибавить 100 граммов, значит, вместо 250–350 граммов, а остальным группам населения прибавить по 75 граммов. Я должен вам сказать, что прибавка, конечно, была небольшая, но как народ, понимаете ли, это встретит?! (Тогда занимались тоже тем, как народ на это реагирует.) Потому что люди не знали (это было вечером сделано), что они придут в булочную, магазин, а им не 125 граммов будут давать, а 200 граммов. Люди почувствуют в этом деле силу не столько оттого, что человек стал наедаться этими добавочными 75 граммами, нет, а веру в то, что дело идет все-таки к тому, что мы одолеем этого фашиста и справимся с вопросами, связанными со снабжением» (Цит. по: *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга… С. 104–105). — /Комментарий А. С. Романова/.

332

В «Ленинградской правде» описывались успешные действия английской армии в Ливии против немецкого генерала Э. Роммеля. «Германские войска генерала Роммеля в Ливии потерпели явное фиаско. <…> Роммель рисковал всем, пытаясь удержаться на линии дороги Тмими — Эль-Мекили… однако не имел достаточно танков и авиации для поддержки действий пехоты. Под губительным огнем английских и индийских войск немцы падали сотнями. Английские танковые взводы, прорвавшись за линию фронта противника, расстреливали вражеские моторизированные колонны и рассеивали подходившую к фронту пехоту врага» (Ленинградская правда. 24 декабря 1941 г.). — /Комментарий А. С. Романова/.

333

На Волхово-Мгинском направлении действовали войска генерала И. И. Федюнинского. В результате ожесточенных боев 23 декабря противник был выбит из населенных пунктов Малукса, Хотово, Теребочево, Чернецово, Замошье (Ленинградская правда. 25 декабря 1941 г.). — /Комментарий А. С. Романова/.

334

Следует сказать о составе мяса. Для выработки мясной продукции использовались соленые кишки, технический альбумин (альбумин — простейший природный белок), соевые шроты (дробленые выжимки, ранее шедшие на корм скоту) (Ленинград в осаде… С. 200). — /Комментарий А. С. Романова/.

335

Продовольственные карточки представляли собой прямоугольники, разделенные на ряд клеток. Каждая клетка обозначала определенное количество граммов того или иного продукта. Эти талоны и вырезали при покупке продовольствия или обеда. Как писал Д. В. Павлов: «До середины сентября в общественных столовых у обедающих вырезали талоны из карточек только на мясо и хлеб, в размере 50 % от установленной нормы на приготовление обеда, то есть, если на первое и второе блюда израсходовано 100 граммов мяса, удерживалось 50 граммов. Во второй половине сентября стали вырезать талоны из карточек в размере 100 % на мясо и хлеб, за исключением небольшого количества столовых закрытого типа (на оборонных предприятиях). <…> Карточки на октябрь и последующие месяцы печатались в несколько измененном виде — предусматривались мелкие купюры: на мясо — по 25 граммов, на жиры — по 10, на крупы и хлеб — по 25, на сахар и кондитерские изделия — по 50 граммов. Например, за бутерброд с мясом весом в 50 граммов вырезалось с карточки два талона: один на хлеб — 25 граммов и один на мясо — 25 граммов» (*Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде… С. 117–118). — /Комментарий А. С. Романова/.

336

Вопросы снабжения населения продовольствием, цены на продукты питания и т. п. составляли значительную часть содержания блокадных дневников ленинградцев. Так, А. Н. Болдырев отмечал в своем дневнике: «Если выбросить из Записи все, касающееся пищи (описание обедов, ужинов, упоминаний о том, что они состоялись, как, где и когда), то она похудеет на добрую треть» (*Болдырев А. Н.* Осадная запись (блокадный дневник). СПб., 1998. С. 225). — /Комментарий А. С. Романова/.

337

В. Заветновский писал дочери: «На радио ходим каждый день на репетиции, но их все отменяют — то из-за холода, то из-за отсутствия света. Вместо семидесяти человек приходит около тридцати — кто умер, кто болен». Жена Заветновского добавила интересную деталь: скрывая истинное положение дел, власти прислали киносъемочную бригаду — «хотели даже оркестр радио снимать, как будто концерт, да света не было» (Музыка в дни блокады. С. 111–112). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

338

Бывшая часовая мастерская «Павел Буре», до революции — крупная компания, производившая часы. Располагалась по адресу: Невский проспект, 23. — /Комментарий А. С. Романова/.

339

Вахрушев Иван Тимофеевич — БСО, литаврист, умер 7 января 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

340

Молочные продукты делали из сои и хлопкового жмыха (Ленинград в осаде… С. 200). — /Комментарий А. С. Романова/.

341

Новая экономическая политика, проводилась в Советской России и СССР в 1920-е гг. В период НЭПа произошел отказ от политики военного коммунизма, была частично разрешена частная торговля. Начался экономический рост и восстановление разоренной после Гражданской войны страны. — /Комментарий А. С. Романова/.

342

С 5 декабря немцы не совершали воздушные налеты на Ленинград. Всю свою авиацию они бросили под Тихвин. Следующая бомбежка Ленинграда была 21 декабря (*Буров А. В.* Блокада… С. 103, 106). — /Комментарий А. С. Романова/.

343

Полученный методом синтеза авиационный бензин В-4 (использовавшийся немцами для заправки бомбардировщиков) имел октановое число 72 и, согласно проведенным американцами исследованиям, терял свою текучесть при температуре -23–25 градусов по Цельсию, http://www.csef.ru/pdf/1430.pdf (01.08.2012). — /Комментарий А. С. Романова/.

344

Ситуацию середины декабря 1941 г. блокадник описывает в своем дневнике так: «На рынке купить ничего нельзя на деньги, идет только натуральный обмен. Меняют папиросы на хлеб, крупу, на дуранду и т. п. И обратно, в количествах „на глаз“ и по соглашению сторон»; «Прежде всего спрашивали хлеб, — вспоминает блокадница. — Это была единственная валюта и единица измерения всего вокруг, в том числе жизни человеческой. Только убедившись, что хлеба нет, начинали разговор о деньгах» (*Пянкевич В. Л.* Рынок в осажденном Ленинграде // Жизнь и быт блокированного Ленинграда: сборник научных статей. С. 125). — /Комментарий А. С. Романова/.

345

Большая Конюшенная улица. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

346

«Наступил 1942 г. В школах, где не прекращались занятия, были объявлены каникулы. И в январские дни в школах, театрах, концертных залах для детей были организованы, согласно решению Ленгорисполкома, новогодние елки с подарками и сытным обедом. Для маленьких ленинградцев это было настоящим большим праздником. Одна из учениц писала об этой новогодней елке: „6 января. Сегодня была елка, и какая великолепная! Правда, я почти не слушала пьесы: все думала об обеде. Обед был замечательный. Все жадно ели суп-лапшу, кашу, хлеб и желе и были очень довольны. Эта елка надолго останется в памяти“» (*Дзенискевич А. Р. и др.* Непокоренный Ленинград… С. 214–215). — /Комментарий А. С. Романова/.

347

Собственно производство пива было прекращено с 23 сентября 1941 г., а весь имеющийся на заводах солод, ячмень и другие хлебные продукты предполагалось размолоть в муку (Ленинград в осаде… С. 190). Тем не менее существующие в Ленинграде пивоваренные заводы использовали свои производственные возможности. На пивоваренном заводе «Вена» варили пиво из горелого зерна с Бадаевских складов; завод «Красная Бавария» осенью 1941 г. разливал готовое пиво; на заводе им. Степана Разина перерабатывали целлюлозу в пищевой продукт *(Богданов И. А.* Ленинградская блокада… С. 241–242). — /Комментарий А. С. Романова/.

348

Мелкие разноцветные леденцы. — /Комментарий А. С. Романова/.

349

Начальник радиовещательного узла П. А. Палладии вспоминал о первом знакомстве с этим продуктом: стало известно, что «на каком-то заводе изготовляют казеиновый сыр и отпускают по письмам-требованиям организаций. Составили письмо и отправили своих представителей за сыром. Вернулись они с большими кусками, принесли что-то около двадцати килограммов, очень похожего на настоящий, так называемого сыра. Радости не было предела. <…> Он оказался съедобным, хотя и чувствовался очень неприятный привкус. У рационализаторов открылось широкое поле деятельности: „сыр“ резали на куски, ломтики, их сушили, жарили, смешивали с кашей и т. д. <…> Попытка получить новую порцию успеха не имела. „Сыр“ начали отпускать столовым, включая в общую норму» (*Палладии П. А., Зегер М. Г., Вьюник А. А.* Ленинградское радио: От блокады до оттепели. М., 1991. С. 68). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Дневник БСО и другие документы Радиокомитета свидетельствуют о тех драматичных днях. 29 декабря был концерт, «Ленинградская правда» информировала о том, что оркестр «готовится показать программу из сочинений современных советских, английских и американских композиторов». И все же, судя по всему, это было последнее (перед трехмесячным перерывом) выступление коллектива. 2 января в дневнике помечено: «Репетиция не состоялась».

3 января в дневнике вновь отмечена несостоявшаяся репетиция. Указано, что умер скрипач Срабов. Та же картина и в ближайшие три дня. Названы заболевшие, умершие (литаврист И. Вахрушев, фаготист Б. Глебов). 8 января последняя запись: «БСО не работает». Приведу еще выдержки из последних записей в дневнике композитора Портова (выше цитировались «окопные» страницы этого документа): *«4 декабря.* Голод дает себя знать, и очень сильно. Дошел еле-еле до столовой. Там около кассы сделалось худо. *13 декабря.* Сусанна (дочь Портова. — *А.К.*) принесла дрожжевого супа (одна жидкость), который я выхлебал с жадностью в пару минут. Голод мучил до этого адски, после этого — почти так же. *29 декабря.* В комнате все прокопчено и грязно, и мы все похожи на негров. *10 января 1942 года.* Один хлеб и немного жидкого супа. *11 января.* Начинает развиваться апатия. Это плохо, но… кушать нечего, и холодно к тому же» (*Крюков А.* Музыкальная жизнь сражающегося Ленинграда. Л., 1985. С. 58).

Портов умер 7 февраля. Наконец, фрагмент из моего собственного дневника: *«в декабря* (накануне умер отец. — *А.К.*): утром я пошел в булочную за хлебом. Встал в очередь к продавцу. Потом помутилось в глазах. „Ну, — думаю, — получу хлеб и выйду на улицу подышать чистым воздухом“. Вынул и приготовил карточки. Вдруг чувствую, что меня приподняли, отнесли в сторону. Я спросил: „Где карточки?“ (так как из рук они выпали). Мне сказали, что у продавщицы. Какая-то женщина помогла сесть на подоконник. Отдохнув, получил хлеб и пришел домой».

Подобными свидетельствами блокадников можно заполнить не один книжный том. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

351

Из спецсообщения УНКВД по ЛО и г. Ленинграду 12 января 1942 г.: «Начиная с третьей декады декабря месяца 1941 года продуктовые карточки населения Ленинграда полностью не отовариваются. Кроме хлеба (350 грамм рабочим и 200 грамм служащим), население никаких других продуктов не получает. В связи с продовольственными затруднениями среди населения, особенно за последнее время, увеличились отрицательные и антисоветские настроения. <…> Служащий Трамвайного парка им. Скороходова Ельшин: „Нас кругом обманывают, а мы верим. Все обрадовались, что прибавили хлеба, а в действительности увеличение норм выдачи хлеба произошло за счет умерших от голода. Скоро норму хлеба опять уменьшат, т. к. железная дорога до сих пор не очищена“» (Цит. по: *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада… С. 745). — /Комментарий А. С. Романова/.

352

Брылев Федор Васильевич — артист хора Радиокомитета. Это первая смерть в ближайшем окружении М. Драма, переживавшаяся городом, сгустилась, вплотную приблизилась к музыканту. Страницы дневника М. отразили жизнь Радиокомитета в кульминационный период блокадной эпопеи: скованное холодом здание, выбывающие из строя коллеги, мизерные порции еды, перебои с водой и со светом, люди, теряющие человеческий облик, неделями не моющиеся, еле передвигающие ноги, теряющие надежду на обещанное властями скорое спасение. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

353

Как отмечено в справке горздравотдела заместителю председателя СНК СССР А. Н. Косыгину и председателю горисполкома П. С. Попкову об основных причинах смертности в Ленинграде: «Резкое изменение структуры смертности в Ленинграде наступает в декабре 1941 г. В декабре проявляется кумулятивное действие недоедания, начавшееся с сентября, резко повышается смертность от истощения (алиментарная дистрофия), и удельный вес умерших от всех причин резко сокращается, ибо число умерших от истощения повышается до 70 % из общего числа умерших. Данные, характеризующие смертность в первом квартале текущего года, показывают, что свыше трех четвертей из числа умерших имеют основной, если не единственной, причиной смерти — истощение (дистрофия)» (Ленинград в осаде… С. 295). — /Комментарий А. С. Романова/.

354

Ленинградец Кондратьев свидетельствовал: «Ведь вот какой вид имели мы, дистрофики, в декабре — январе — феврале: бледные, похудевшие, кожа да кости, вытянутые лица, особенно носы, малоподвижные невыразительные глаза, отсутствие мимики. Говорили обычно тихо, не интонируя, речь замедленная. Ноги передвигали волоча» (Музыка в дни блокады. С. 125). — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

355

Лейкин С. А. — БСО, виолончелист. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Верховский Николай — литературовед, возглавлял иностранный отдел Радиокомитета (вещание на немецком, финском и др. языках). Умер в январе 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

357

Таракан Николай Афанасьевич — БСО, контрабасист. Умер в марте 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

БСО, фаготист. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

359

Ульрих Владимир Петрович — пианист-концертмейстер, дирижер. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Висневский Александр Сильвестрович — пианист-концертмейстер Радиокомитета. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

361

Это была одна из лучших концертных бригад города. Получить ее в праздничный день стремились многие руководители госпиталей и политработники воинских частей. Н. Л. Вельтер и В. И. Шестакова — в довоенные годы солистки Малого оперного театра. Вельтер в дни блокады проявила себя также как режиссер и организатор. Муж Шестаковой, Я. А. Соколов, — певец-любитель. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

362

Из отчета городского управления торговли о работе с июня 1941 года по сентябрь 1943 года: «Истощение внутренних продовольственных ресурсов и слабый подвоз продовольствия в город через Ладожское озеро в осенний период привели к тому, что <…> в декабре население недополучило против норм сахар и кондитерские изделия, а в январе и феврале — мясо, жиры и сахар» (Ленинград в осаде… С. 262). — /Комментарий А. С. Романова/.

363

18 декабря работники треста «Похоронное дело» направили на имя П. С. Попкова письмо, в котором указывалось, что, вследствие отсутствия гробов, транспорта для доставки трупов на кладбище, спекуляции при захоронении, необходимо создать могилы типа братских могил: вырыть одну или несколько траншей в заранее отведенном месте. 25 декабря 1941 г. было разрешено производить массовое захоронение на новых участках при Большеохтинском, Серафимовском, Богословском и за Татарским кладбищах, на острове Декабристов и у Веселого Поселка. Для рытья траншей была выделена техника (Ленинград в осаде… С. 280, 327). — /Комментарий А. С. Романова/.

364

Из письма начальника гарнизона Ленинграда А. А. Жданову о тяжелом санитарно-эпидемиологическом состоянии города: «Исключительно тяжелое санитарно-эпидемиологическое состояние Ленинграда требует чрезвычайных мер для прекращения дальнейшего развития инфекционных заболеваний среди населения города. По сравнению с прошлым годом количество заразных заболеваний в апреле резко возросло. При расчете на 1000 чел. населения в апреле этого года количество заболевших дизентерией и брюшным тифом увеличилось в 5–6 раз и сыпным тифом — в 25 раз против апреля прошлого года. <…> Поквартирными обследованиями многих десятков тысяч граждан установлена значительная завшивленность населения, доходящая по отдельным районам до 30 %. <…> Из-за бездействия дворовой канализации население в значительной части нечистоты выбрасывает в сливные ямы. <…> Проводимые горздравоотделом мероприятия санитарно-предупредительного и лечебного характера являются далеко недостаточными для достижения перелома в санитарно-эпидемиологическом состоянии города и ликвидации вспышек заразных заболеваний среди населения» (Ленинград в осаде… С. 307–308). — / Комментарий А. С. Романова/.

365

Письма в Ленинград шли очень долго, иногда больше месяца. Телеграммы приходили с задержками на несколько недель. Автопарк связи во время блокады практически не существовал. Письма разносили в сумках, зимой развозили на санках. Зимой 1941/42 г. число городских почтовых отделений связи сократилось (*Богданов И. А.* Ленинградская блокада… С. 249–250). — /Комментарий А. С. Романова/.

Баннов А. И. — начальник управления Дома радио. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

367

Кутик Леонид Яковлевич — БСО. Погиб на фронте. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Бабаев Константин Иосифович — БСО, скрипач. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

369

Сафонов Андрей Николаевич (Андрей) — БСО, виолончелист. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

370

Печка была для блокадников не только источником тепла, но — в значительной степени — источником жизни. К ней относились с благодарностью, подчас с нежностью. «Наконец-то папа принес печку-„буржуйку“. Мы ее выложили кирпичом. Очень хорошая печка!» — такая эмоциональная фраза сохранилась в моем дневничке. М. и далее не один раз упоминает «печурку» — средоточие интересов его самого и его коллег. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

371

Играли в лото. Это был один из способов заполнить свободное время. При отсутствии основной работы (репетиции и выступления по радио сходили на нет) в обязанности сотрудников входило лишь дежурство на постах и разовые трудовые задания. Правда, к этому добавлялось стояние в очереди в столовой. Тем не менее безделье деморализовывало. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Баккара Георгий Георгиевич — артист хора Радиокомитета. Умер в апреле 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Поляк Натан Сергеевич — музыкальный редактор. Умер в январе 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

374

В конце концов Прокофьев сбежал. Узнав об этом, дирекция Радиокомитета обратилась в милицию с просьбой принять меры «для розыска» беглеца и направления по месту работы. Однако музыкант сумел эвакуироваться (Музыка в дни блокады. С. 124). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

375

Жители города неоднократно отмечали, насколько важное значение имела вода и какой проблемой было ее отсутствие. Блокадница А. И. Воеводская писала в своих воспоминаниях: «Проблемой была вода. Большой город превратился в глухую деревню без водопровода… к тому же деревня была многоэтажная. <…> Вода не поднималась на этажи…» Писатель П. И. Лукницкий отмечал в своем дневнике: «После 1-го <января 1942 года> везде замерзла водопроводная сеть» (Цит. по: *Богданов И. А.* Ленинградская блокада… С. 112). — / Комментарий А. С. Романова/.

376

Угроза штурма города оставалась реальной. С большей или меньшей интенсивностью в течение всей блокады на его улицах и площадях создавались оборонительные укрепления. «Подсобный материал» (кирпичи и др.) для них заготавливали — среди прочих — сотрудники Радио. О баррикадах в своем дневнике О. Берггольц писала еще 17 сентября 1941 г.: «Партия поставила вопрос о баррикадных боях, в Доме радио создан отряд… <…> Аж руки опускаются от немого удивления — да как же допустили до всего этого…» (Ольга. Запретный дневник. СПб., 2010. С. 61–62). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

377

Болеутоляющее и жаропонижающее средство; таблетки, содержащие пирамидон и кофеин. — /Комментарий А. С. Романова/.

378

Вскоре в лексиконе блокадников появилось новое слово — «стационар». Это были лечебные пункты, куда на краткий срок (примерно десять дней) помещали особенно истощенных людей. Питание давалось по повышенным нормам (это стало возможным благодаря налаженной работе ледовой трассы через Ладожское озеро, знаменитой «Дороге жизни»), Тем не менее и в стационарах люди погибали. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

379

Книга Генри Эрнста (Ростовский Семен Николаевич) «Гитлер против СССР. Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями». Впервые была издана в 1936 г. в Англии и переиздана в США, Франции и Голландии. В СССР вышла в 1937 г. http://lib.rus.ec/b/211036/read (01.08.2012). — / Комментарий А. С. Романова/.

Даже я был вовлечен в обменный процесс: 22 января 1942 г. я сделал в дневнике такую драматичную запись: «…когда шел домой, встретил мальчика лет 14–15. Он менял 250 г. овсянки на 250 г. муки, так как его мать не может открыть рот и ей приходится вливать жидкую кашу из муки». Я привел его домой и мама устроила этот обмен (муку — вместо хлеба — выдавали в те дни, когда из-за отсутствия воды и электроэнергии хлебозаводы не могли работать). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

381

Зингер (Енька) — сотрудник Московской консерватории. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

382

Этот коллектив находился на грани вымирания. Когда участников колектива повезли за блокадное кольцо и в одной из деревень предложили чугунок вареного картофеля, они мгновенно съели картошку вместе с кожурой, не стесняясь радостных слез, — рассказал один из артистов (Музыка в дни блокады. С. 82). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

383

Прудникова А. — комиссар объекта Дом радио. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

Соболев А. И. — БСО, ударные инструменты. Умер в январе 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

385

Музыканты-духовики получали карточки более высокой, первой категории. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

386

«Зимой и ранней весной 1942 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов неоднократно пытались прорвать кольцо блокады Ленинграда. Ударные группировки имели задачу после успешного прорыва соединиться в районе Любани (т. н. Любанская операция). <…> Начавшееся 7 января наступление развивалось медленно, противник оказывал упорное сопротивление, бои приняли тяжелый затяжной характер. <…> В результате январских боев войска 54-й армии Ленинградского фронта продвинулись незначительно. <…> Столь же ограниченными были и успехи войск Волховского фронта. За 15 дней его 59-я и 2-я ударная армии смогли продвинуться на 4–7 км. Войска понесли большие потери, многие дивизии и бригады необходимо было выводить в резерв и пополнять. <…> Результаты пятнадцатидневного наступления были незначительны. В конце января — начале февраля войскам 2-й ударной и части сил 59-й армий удалось прорвать вражеский фронт и в течение февраля вклиниться на 75 км. 28 февраля Ставка Верховного Главнокомандования уточнила задачи 2-й ударной армии Волховского фронта в 54-й армии Ленинградского фронта. Эти армии должны наступать навстречу друг другу и соединиться в Любани с целью окружения и уничтожения любань-чудовской группировки, но продвижение 2-й ударной и 54-й армий захлебнулось. Наши войска остановились, не дойдя до Любани 10–12 км. <…>» (*Богданов И. А.* Ленинградская блокада… С. 94–95). — /Комментарий А. С. Романова/.

Вернее, *не смогло* выкупить: продукты в магазины практически не поступали. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Сотрудник ТЮЗа (?). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

389

Строки из этой беседы: «Задача снабжения города топливом и продовольствием стала наиболее острой и трудной. <…> До недавнего времени <…> задача завоза продовольственных ресурсов в Ленинград была особенно тяжелой. <…> За последний период времени, <…> когда стало возможным восстановить ж/д сообщение между Тихвином и ближайшими станциями к Ленинграду, — завоз продовольствия в город теперь существенно облегчен. За последние дни завоз существенно увеличился по сравнению с концом декабря. Сейчас имеется уверенность в том, что, несмотря на большие трудности, доставка продовольствия в Ленинград с каждым днем будет увеличиваться, и это позволит улучшить снабжение продовольствием граждан нашего города» (Ленинградская правда. 13 января 1941 г.). — / Комментарий А. С. Романова/.

390

«Попков Петр Сергеевич (1903–1950), со 2 февраля 1939 г. по 5 июля 1946 г. председатель Исполнительного комитета Ленинградского городского совета. В Великую Отечественную войну один из руководителей обороны Ленинграда. С 24 июня по 16 июля 1941 г. член Совета по эвакуации при СНК СССР, с июля 1941 г. член Комиссии по вопросам обороны Ленинграда, с сентября 1941 г. член Военного совета Ленинградского фронта, с апреля 1942 г. член Военного совета Ленинградской армии ПВО. Председатель Чрезвычайной противоэпидемической комиссии Ленинграда. <…> Награжден двумя орденами Ленина, медалями. Осужден и 1 октября 1950 г. расстрелян по „Ленинградскому делу“» (*Богданов И. А.* Ленинградская блокада… С. 39). — /Комментарий А. С. Романова/.

391

Из информационной сводки А. А. Жданову о настроении населения в связи с сообщением П. С. Попкова о продовольственном положении Ленинграда: «На собраниях, состоявшихся вчера и сегодня на предприятиях, в учреждениях и некоторых домохозяйствах, трудящиеся горячо одобрили появление этой беседы, вселяющей уверенность и бодрость в эти тяжелые для города дни. <…> Рабочий 18-го цеха завода им. Марти т. Кроликов заявил: „Сообщение т. Попкова — радость для всех ленинградцев. Надо надеяться, что скоро положение с продуктами) будет лучше“. <…> Выступивший на собрании трудящихся завода „Красный выборжец“ служащий т. Шкловский заявил: „Мы и наши дети никогда не забудем заботы правительства, партии и лично т. Жданова в эти тяжелые дни о нас, ленинградцах“» (Ленинград в осаде… С. 470). — /Комментарий А. С. Романова/.

392

Ср. из дневника М. А. Бубновой: «13 января. Беседа по радио с Попковым. О продовольственном положении Ленинграда. Даже надоело, в сущности — ничего нового и существенного. А именно, грубо говоря — было тяжело, сейчас лучше, налажено снабжение, самое тяжелое пережили, но трудности будут, пока окончательно не прорвут блокаду» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 16. Л. 12). — /Комментарий А. С. Романова/.

393

Возможно, речь идет об арктических конвоях, доставлявших в СССР важные военные материалы из США и Великобритании. Пунктами прибытия этих конвоев были Архангельск и Мурманск. — /Комментарий А. С. Романова/.

394

Донорам, предоставляющим свою кровь для переливания не менее чем 2 раза в 3 месяца, с 10 декабря 1941 г. была установлена в дополнение к существующим нормам снабжения населения по карточкам ежедневная выдача по специальной донорской карточке ряда продуктов (в день): хлеба — 200 гр., жиров — 30, мяса — 40, крупы — 30, сахара — 25, кондитерских изделий — 30, рыбы, консервов — 25, яиц — 0,5 яйца. Количество доноров было ограничено цифрой 5000. Также сохранялось существующее разовое питание доноров в день выдачи крови в столовой Института переливания крови (Ленинград в осаде… С. 198–199). — /Комментарий А. С. Романова/.

395

Перед войной во многих домах еще оставалось печное отопление, но, по блокадным меркам, оно требовало слишком много дров. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

396

«Буржуйка», или, по документам блокадного времени, «временный отопительный прибор», или «времянка». Главное отопительное устройство блокадного времени. Многие ленинградцы мастерили их сами (например, из кровельного железа). С 8 декабря 1941 г. «буржуйки» выпускались местной промышленностью, исполнявшей специальное решение Ленгорисполкома; до конца декабря планировалось выпустить 10 тысяч «буржуек». Еще с конца ноября 1941 г. городские власти разрешили ленинградцам пользоваться «времянками». Эти самодельные железные печки стояли во множестве квартир, а также в учреждениях, на промышленных предприятиях, в больницах — везде, где находились люди. В «буржуйках» жгли все, что могло гореть, — мебель, ненужные вещи, книги, старую обувь. Главный недостаток «буржуйки» — она давала тепло, только пока топилась (*Богданов И. А.* Ленинградская блокада… С. 111–112). — /Комментарий А. С. Романова/.

Такая идея действительно обсуждалась. Подробнее см. в разделе «Документы и материалы» (с. 175–177) /В файле — раздел «Документы и материалы», подраздел «Из распоряжений и деловых писем…», письмо «В Управление Госрезервов от 4 февраля 1942 г.» и далее — *прим. верст./*. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

398

По секретному решению Ленгорисполкома от 29 декабря 1941 г. «О мероприятиях по медицинскому обслуживанию дистрофиков (истощенных)», Ленгорздравотделу предписывалось развернуть сеть стационарных лечебно-питательных пунктов, для которых выделялись сухари, чай, какао, сахар, шоколад, отпуск этих продуктов производился без вырезки талонов из карточек (Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде… С. 63). «Теперь при заводе оборудован специальный стационар, — писал в январе 1942 г. работник Кировского завода. — Сюда ложатся по особому ходатайству цеховых организаций люди, опухшие и требующие поддержки питанием и отдыхом. Лежа в стационаре, они сдают свои продкарточки, по которым получают в день три раза пищу: обед, завтрак и ужин в течение 8–10 дней, а затем поступают новые обессиленные товарищи» (Цит. по: *Дзенискевич А. Р. и др.* Непокоренный Ленинград… С. 192). — /Комментарий А. С. Романова/.

399

Шредер Георгий Георгиевич — БСО, скрипач. Умер в марте 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

400

В декабре 1941 г., когда произвольно выключались радиопередачи и в отдельных районах радио молчало по несколько часов, бюро горкома ВКП(б) приняло решение «Запретить управляющему Ленэнерго т. Карась производить отключение в снабжении электроэнергией радиокомитета» (Цит. по: *Куликова О. Ю.* Формирование патриотического сознания в блокадном Ленинграде: проблемы и решения. СПб., 2000. С. 60). — /Комментарий А. С. Романова/.

401

Наблюдение за бытовыми трудностями также находило свое отражение в записях ленинградцев. «Общественные уборные давно закрыты» — такую запись сделал 5 января 1942 г. ленинградец А. И. Винокуров. «Как найти выход из создавшегося положения? Придется подыскать укромное место в каком-нибудь соседнем пустующем здании, которое могло бы служит уборной». А 18 февраля он же записал в своем дневнике: «Водопровод и канализация не действуют уже полтора месяца, помойные ямы были заполнены еще осенью, жители города выливают помои и гадят, где попало, без стеснения, а потому квартиры, лестницы, дворы и улицы представляют собой свалку нечистот». Ленинградец В. С. Владимиров (запись от 15 января 1942 г.): «Все уборные в Доме Советов загажены до отказа. Пользуемся улицей… Так выглядит быт к середине января 1942 года» (Цит. по: *Богданов И. А.* Ленинградская блокада… С. 114–115). — /Комментарий А. С. Романова/.

402

Исследователь А. Р. Дзенискевич условно разделил участников преступлений на четыре группы. Первая — собственно каннибалы, то есть преступники, которые убивали ради поедания мяса жертв. Вторая — те, кто никого не убивали, они отрезали мышечные ткани у замороженных трупов и использовали их для еды. Каннибалов ждала в большинстве случаев высшая мера наказания. Трупоедов в зависимости от обстоятельств приговаривали к разным срокам лишения свободы. Третья группа — те, кто сам мог и не употреблять человеческое мясо в пищу, но продавал на черном рынке котлеты и холодец, якобы изготовленные из свинины. Четвертая — пассивные участники, те, кто покупал «котлеты» и «студни» из «свинины» на черном рынке. Милиция и суды не наказывали покупателей, у них лишь конфисковывали купленный товар. Продавцу, если анализ мяса подтверждал наличие преступления, грозил трибунал. В докладной записке военного прокурора города А. И. Панфиленко на имя секретаря горкома партии А. А. Кузнецова указано, что с декабря 1941-го по середину февраля 1942-го за каннибализм и трупоедство к уголовной ответственности было привлечено 886 человек. По подсчетам историка В. А. Иванова с октября 1941 г. по декабрь 1942 г. за подсобные преступления в городе и области было арестовано всего 1979 человек (*Дзенискевич А. Р.* Бандитизм (особая категория) в блокированном Ленинграде // История Петербурга. СПб., 2001. № 1. С. 50). — /Комментарий А. С. Романова/.

403

«25 января 1942 года Главная водопроводная станция не получила электроэнергии, что грозило оставить предприятия без воды. На помощь пришли военные моряки, которые в труднейших условиях смонтировали 4 дизеля аварийной станции» (*Дзенискевич А. Р. и др.* Непокоренный Ленинград… С. 182). — /Комментарий А. С. Романова/.

404

Здесь имеется в виду беседа с П. С. Попковым «О неотложных мероприятиях по бытовому обслуживанию трудящихся города», опубликованная в «Ленинградской правде» в конце января 1942 г. В беседе говорилось о том, что «как никогда необходима организация массовой самодеятельности населения по созданию и поддержанию элементарных санитарно-бытовых условий в домах, по сохранению в порядке домов, квартир и мест общего пользования. <…> Каждый житель Ленинграда должен понять, что забота о доме, о квартире, о чистоте и благоустройстве двора есть его элементарная гражданская обязанность, его долг. <…> В пятидневный срок силами жильцов надо очистить дворы, улицы, трамвайные пути от снега, мусора, нечистот. В тот же срок силами проживающих прювести тщательную уборку квартир, общежитий, лестниц, всех мест общего пользования» (Ленинградская правда. 30:января 1942 г.). — /Комментарий А. С. Романова/.

405

Так как туалеты из-за отсутствия воды не работали, в обязанности дежурного по комнате входил вынос по утрам ведер с нечистотами во двор. Делать это по парадной лестнице не рекомендовалось, а вскоре было запрещено специальным приказом. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Чобур Вольдемар Янович — артист. Участвовал в радиопередачах. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

407

Радлов Сергей Эрнестович — режиссер, педагог. Руководил организованной им Театром-студией и Театром им. Ленсовета. После эвакуации театра судьба его сложилась трагически. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

408

Большой дом — неофициальное название административного здания, в котором располагалось УНКВД (Управление Народного комиссариата внутренних дел; в настоящее время — Управление ФСБ). Расположен по адресу: Литейный пр., 4. Человек, вызванный в НКВД, мог ожидать чего угодно, вплоть до ареста. Могли предложить и сотрудничество: стать осведомителем. Маргулис вернулся благополучно, но не оставил записи о цели вызова. Вероятно, он, как и большинство вызывавшихся, давал так называемую «подписку о неразглашении». — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

409

Значение слова «дом» Маргулис теперь в равной мере распространяет и на комнату в коммуналке на Васильевском острове, и на общежитие в здании Радиокомитета. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

410

Бердников Владимир Николаевич — БСО, скрипач. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

411

Славентантор Д. — журналист, писатель. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

412

Район Ленинграда на правом берегу Большой Невки. — / Комментарий А. С. Романова/.

413

Сотрудник театра, руководимого С. Радловым. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

Скородумов В. Н. — пианист-концертмейстер Радиокомитета. Умер в январе 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

415

В январе 1942 г. в гостинице был открыт стационар на 400 чел. для работников трамвайно-троллейбусного управления (*Сорока М. Х.* Фронтовой трамвай. СПб., 2005. С. 42–43). — /Комментарий А. С. Романова/.

416

Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897–1968) — генерал армии, с 1944 г. — маршал Советского Союза. В начале войны был арестован по обвинению в измене, но 6 сентября 1941 г. освобожден. С 12 ноября по 17 декабря 1941 г. командующий 4-й армией Ленинградского фронта, сыгравшей главную роль в Тихвинской наступательной операции 1941 г. С 17 декабря 1941 по 23 апреля 1942 г., с 8 июня 1942 по 15 февраля 1944 г. командующий Волховским фронтом, войска которого совместно с войсками Ленинградского фронта осуществили прорыв блокады Ленинграда. — /Комментарий А. С. Романова/.

417

В принятом 22 января постановлении Государственного Комитета Обороны предлагалось эвакуировать из Ленинграда 500 тысяч жителей. Эвакуация велась и до 22 января. Но за все время существования ледовой дороги из Ленинграда было вывезено немногим более 36 тысяч человек. Теперь же начиналась массовая эвакуация (*Буров А. В.* Блокада… С. 129). — /Комментарий А. С. Романова/.

418

В каждом учреждении имелся орган, ведавший распределением на дежурства по МПВО, на трудовые работы и так далее. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

419

«Табачным фабрикам в годы блокады пришлось перейти на заменители. Вместо ароматных Табаков в машины пошли хмель, древесные листья, целлулоид, пропитанный никотином. Только в первой половине 1942 года фабрика им. Урицкого выпустила 30 млн. штук папирос, а фабрика им. Клары Цеткин за это время изготовила большое количество трубочного „табака“ из табачной пыли, смешанной с целлулоидом» (*Манаков Н. А.* В кольце блокады… С. 94). — /Комментарий А. С. Романова/.

Андронов Сергей — сосед М. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

421

«В спецсообщении 11 февраля 1942 г. УНКВД приводило ряд примеров положительной реакции населения на это событие — люди вновь заговорили о „заботе правительства, которое любит свой народ“. Самими ленинградцами эта прибавка хлеба расценивалась как результат успехов Красной армии, и некоторые рассматривали ее как „начало перелома“. Были и противоположные настроения: „…Сегодня по радио несколько раз сообщали о такой мизерной прибавке хлеба. Некоторые радуются, что им прибавили хлеба, не думая о том, что от голода погибли десятки тысяч людей. Неужели народ не понимает, до чего нас довели коммунисты?..“ (механик завода им. Энгельса Т.)» (Цит. по: *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада… С. 306). — / Комментарий А. С. Романова/.

422

Сосед в квартире родственников. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

423

Соседка в квартире родственников. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

424

Добавлю несколько строк из своего дневника (запись от 30 января 1942 г.): «Сегодня мы в первый раз ели заливное из столярного клея. Мама плитку клея мочила два дня в воде, четыре часа варила и дала остыть. С уксусом и горчицей совсем неплохо» (клей делался на костях и других отходах животного сырья). Мне представляется, что и в наши дни это было бы вполне съедобно. Но возможно, вкусовые воспоминания подводят. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

425

Блокадник Ю. Е. Александров вспоминал: «Среди единичных положительных блокадных воспоминаний помню чудесный вкус холодца из столярного клея… Сейчас такого столярного клея уже не продают. Он был в плитках темно-коричневого цвета, иногда слегка прозрачных, размером со стограммовый шоколад. Готовился из костных отходов скотобойни. Мы варили холодец из одной плитки в трех литрах воды, добавляли два лавровых листика, две крупинки гвоздики, и та вонь уже чудесно пахла. Варево застывало очень долго, часов пять. Ели этот холодец маленькими кусочками чайной ложкой» (Цит. по: *Богданов И. А.* Ленинградская блокада… С. 122). — /Комментарий А. С. Романова/.

426

Эдельштейн В. И. — БСО, служитель. Умер в январе 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

427

Белькинд О. Я. — БСО, флейтист. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

428

С января по март 1942 г. в городе было зарегистрировано 9880 случаев заболевания дизентерией. Ни одно другое инфекционное заболевание не показывало таких цифр (Ленинград в осаде… С. 296). — /Комментарий А. С. Романова/.

429

Страх был обоснованный. На очистку города было мобилизовано все население, включая людей преклонных лет. Эпидемий удалось избежать. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Савич Яков Соломонович — БСО, скрипач. На одном из дежурств по МПВО отморозил ноги и после ампутации пальцев обеих стоп был эвакуирован. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

431

Уборщица в Радиокомитете. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

432

Ср. из письма А. Кочетовой матери: «<…> Ляжешь спать, дак не спится, только думаешь об еде, а ты знаешь, как это тяжело. Ляжешь, дак не знаешь, о чем думать: старое вспоминать… и только еда, еда, еда. Все вспоминаешь, как хлеба я не ела, говорила, что он горький, а теперь мечта хлеба досыта поесть» (Цит. по: *Яров С. В.* Блокадная этика… С. 501). — /Комментарий А. С. Романова/.

БСО (?). — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Сотрудница Радиокомитета. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

435

Минаев Виктор Сергеевич — БСО, альтист. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Ныне Биржевой мост. — /Комментарий А. С. Романова/.

437

Ныне спортивный комплекс «Петровский». Построен в 1924 г. — /Комментарий А. С. Романова/.

Ныне Чкаловский проспект. — /Комментарий А. С. Романова/.

439

Салопница — женщина, ходящая в изношенном салопе (длинная широкая накидка с пелериной и небольшими рукавами), просящая на бедность. В переносном смысле — мелкая мещанка, вульгарная, склонная к сплетням женщина. http:// ushdict.narod.ru/200/w60 020.htm (01.08.2012). — /Комментарий А. С. Романова/.

440

М. перепутал набережную реки Ждановки с набережной реки Карповки. Расстояние от одной набережной до другой составляет примерно 2 км. — /Комментарий А. С. Романова/.

441

Храмов Николай Васильевич — БСО, виолончелист. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

442

Дорфман Моисей Яковлевич — БСО, альтист. Умер в феврале 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

443

Более или менее систематическое ведение дневника М. на этом, по существу, завершил. Перерывы случались и раньше, но ниточка все же тянулась. Дальнейшее — записи, хронологически далеко отстоящие одна от другой. Так же как и ранее, профессии в них уделено не много места. Между тем в музыкальной жизни города происходили важные события. Начиная с марта 1942 г. она начала возрождаться. Оркестр Радиокомитета принимал в ней самое непосредственное участие. Можно даже сказать, определял ее развитие. Основные моменты этого процесса представлены в материалах, вошедших во вторую часть данного издания. Естественно, что в музыкальной жизни города большое место заняло исполнение Седьмой (Ленинградской) симфонии Д. Д. Шостаковича. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Спрос на патефоны и пластинки, прежде всего со стороны военнослужащих, часто упоминается в дневниках блокадных лет. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

445

4 марта 1942 г. Ленинградский театр музыкальной комедии возобновил работу. Он давал спектакли (по два ежедневно) на сцене Александринского театра. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

446

Маратов Владимир Семенович — «хормейстер Радиокомитета, старейший работник ленинградских театров» (Из ходатайства об определении в стационар. ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 2. Д. 254. Л. 6). Умер в марте 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

447

Кацан Василий Васильевич — перед войной руководил оркестром русских народных инструментов Радиокомитета. Умер в феврале 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

448

Бухгалтер Радиокомитета. Умер в феврале 1942 г. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

449

Кузнецов Иосиф Николаевич — БСО, скрипач. Умер в феврале 1942 г. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

450

Крупное село в Нижегородской области. — /Комментарий А. С. Романова/.

451

Город в Мордовии. В советское время — столица Мордовской АССР. В настоящее время — столица Республики Мордовия. — / Комментарий А. С. Романова/.

452

В марте 1942 г. Управление по делам искусств организовало (в первую очередь для музыкантов Радиокомитета) столовую, где они питались без карточек (по специальным талонам). «Питание усиленное: утром в 10 час. и от 2-х обед. Порции очень небольшие, но разнообразное дается», — писала дочери Н. Заветновская. И далее вновь: «Обед иногда полезный, как винегрет, капуста кислая или картофель, студень, но порции очень маленькие» (Музыка в эфире военного Ленинграда. С. 89). Столовая находилась в здании Большого драматического театра. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

453

Возможно, имеется в виду одна из «столовых повышенного питания закрытого типа, созданных в апреле 1942 г. по решению Горкома партии и Исполкома Ленгорсовета, в которые направлялись главным образом больные дистрофией I и II степени сроком на 2–3 недели, а лица с самой тяжелой формой истощения — на месяц. <…> За три месяца работы столовых повышенного питания в них поправили свое здоровье около 260 тыс. человек»; либо речь идет о «получивших широкое распространение столовых общего типа, обслуживавших весной 1942 г. почти миллион ленинградцев. Взамен сданных карточек население получало здесь трехразовое питание, что позволяло равномерно распределять скудный продовольственный паек в течение всего рабочего дня» (*Дзенискевич А. Р. и др.* Непокоренный Ленинград… С. 257–258). — /Комментарий А. С. Романова/.

454

Музыкальное радиовещание постепенно оживлялось. Возродился как самостоятельная структурная единица музыкальный отдел (до того он входил в общую редакцию). Обращаясь к его сотрудникам, руководители Радиокомитета писали: «В оборонно-строительной работе, в восстановлении производственной и культурной жизни нашего города, в создании нового бодрого тона вещания музыкальному отделу предстоит сделать больше, чем какому бы то ни было отделу вещания» (Музыка в дни блокады. С. 129). Создавались новые музыкальные коллективы. Возник концертный ансамбль — своего рода камерный оркестр, «младший брат» симфонического коллектива. Он активно участвовал в радиопередачах, исполняя разнообразный репертуар. Возглавлял его С. Аркин. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

М. крайне скупо пишет в дневнике о своей профессиональной деятельности. Но он не только постоянный участник различных ансамблей (в дополнение к симфоническому оркестру), но и скрипач-солист с самостоятельным репертуаром. М. приглашают выступить в смешанных программах рядом с городскими знаменитостями и на самых престижных эстрадах. Его имя появляется в афишах. 9 мая 1942-го он участвовал в большом концерте Нечаева (наряду с артистами балета и драмы). На сделанной в тот день фотографии хорошо виден зал Филармонии, заполненный почитателями певца. Помещение еще не прогрелось — люди сидят в верхней одежде, в головных уборах. В июне М. — один из исполнителей на концерте известной в свое время певицы Лидии Вырлан в Зале камерных концертов. В июле в составе концертного ансамбля М. участвует в радиопередаче для детей.

Насыщен был август. После серии исполнений (в составе БСО) Седьмой симфонии Шостаковича, М. выступил в трех грандиозных концертах: 17-го и 19-го в Саду отдыха (пели Нечаев, Легков, Скопа-Родионова, выступали артисты оперетты, балета, другие исполнители), а 30 августа в Филармонии прошел вечер артистов Театра музыкальной комедии. Известно, что среди исполненных М. произведений были виртуозный «Полет шмеля» и «Песня индийского гостя» Римского-Корсакова. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

456

В этот день немцами была проведена операция «Айсштосс» (*нем.* Eisstoss — «Ледовый удар»), кодовое наименование операции 1-го воздушного флота нацистской Германии, проведенной в апреле 1942 г. с целью уничтожения кораблей Балтийского флота, скованных льдом на Неве. Первый налет произошел 4 апреля. После артиллерийского налета по стоянкам кораблей 191 самолет противника предпринял атаки с воздуха. Из-за активных действий ПВО и ВВС Ленинградского фронта расчет на легкий успех не оправдался. К кораблям удалось прорваться лишь отдельным бомбардировщикам. Встретив мощный отпор, немецкие летчики сбрасывали бомбы не на корабли, а на жилые кварталы Ленинграда. http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/2460/ (01.08.2012). — / Комментарий А. С. Романова/.

457

15 апреля 1942 г., согласно решению Ленгорисполкома от И апреля 1942 г., после четырехмесячного перерыва, было восстановлено движение трамвая по пяти маршрутам (№ 3, 7, 9, 10, 12) (900 героических дней… С. 270). Заработавший после долго перерыва трамвай произвел сильное впечатление на ленинградцев. «Я работала санитаркой в эвакогоспитале № 68 на углу Б. Пушкарской, — пишет Вера Ивановна Павлова из Тосно. — Ни воды, ни света, почти у всех был голодный понос. И вот в такой палате почти умирающие вдруг закричали: „Ребята, победа, ура, ура!“ Это был апрель 1942 года, по-моему, 15 апреля. И полезли кто как мог к окнам. Ура! Победа! Оказывается, зазвенел трамвайный звонок и прошел трамвай, который всю зиму стоял на Большом проспекте. Если бы вы видели, сколько было радости! Кто посильнее говорили: „Это уже победа!“ — убеждали, объясняли…» (Цит. по: *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга… С. 185). — /Комментарий А. С. Романова/.

Относительно численности человеческих потерь в блокаду следует привести материалы исследователя блокады, историка, профессора В. М. Ковальчука: «Данные о численности погибших в блокированном Ленинграде в 1941–1942 гг. (жертвы голода, холода, артиллерийских обстрелов, авиационных налетов) на протяжении ряда лет являются предметом споров. Первой опубликованной цифрой жертв блокады была цифра 632 253 человека. Она была определена в 1945 г. в результате работы Ленинградских городской и районной комиссий по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, созданных в мае 1943 г. <…> Эти данные не могли быть исчерпывающими. Установить в тех условиях, погиб человек в Ленинграде или находился в эвакуации, не всегда было возможно. Даже после войны в городскую комиссию поступали заявления от ленинградцев, у которых члены семьи погибли в годы блокады. А в более поздних материалах городской комиссии констатировалось, что от голода умерло 681 803 человека». В 1965 г. появились новые цифры. В. М. Ковальчук и Г. Л. Соболев на основании ряда подсчетов пришли к выводу, что «число жертв ленинградцев периода блокады составило не менее 800 тыс. человек. Тогда же в коллективном труде „На защите Невской твердыни“ утверждалось, что погибло от голода не менее миллиона человек. <…> Установление численности погибших наталкивается на ряд специфических трудностей. В начале блокады люди еще старались зарегистрировать смерть своих родных и близких, выстаивая много часов в очередях в ЗАГСы. Но с наступлением холодов ослабевшие люди, будучи уже не в силах похоронить умерших, перестали ходить в ЗАГСы. <…> Данные и подсчеты дают основание полагать, что в Ленинграде в период блокады погибло не 800 тыс., а примерно 700 тыс. ленинградцев. <…> Цифра 1 093 695 трупов, захороненных на ленинградских кладбищах, явно не соответствует их истинному числу. Она несомненно сильно завышена, вследствие имевших место приписок. <…> Но жертвы ленинградцев определяются не только цифрой 700 тыс. чел. Многие из них умерли и во время эвакуации — в дороге и в местах, куда они прибывали. <…> Так, в Ярославле и Ярославской области в 1942 г. умерло более 8 тыс. чел., эвакуированных из Ленинграда. <…> Таким образом, цифра 700 тыс. ленинградцев, погибших в блокированном городе, не исчерпывает жертв ленинградской блокады. Но сколько всего истощенных ленинградцев погибло в

процессе эвакуации — пока неизвестно. Из этого следует, что еще рано ставить точку в изучении вопроса жертв ленинградской блокады» (*Ковальчук В. М.* Трагические последствия блокады Ленинграда // Население России в XX веке. Исторические очерки: В 3-х т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 40, 44–46). — /Комментарий А. С. Романова/.

459

«Дорога жизни» — единственная военно-стратегическая транспортная коммуникация, связывавшая Ленинград со страной с 12 сентября 1941 г. до 30 марта 1943 г. Служила для эвакуации населения, доставки продовольствия и военных грузов. Осенью — посредством судоходства, а с 22 ноября, когда толщина льда на Ладожском озере достигла 180 мм, — посредством грузовиков. В ноябре — декабре 1941 г. по дороге было доставлено в Ленинград 16.5 тыс. т грузов. С 7 по 19 января перевозки увеличились почти вдвое, а 18 января усилиями работников дороги был впервые выполнен план доставки грузов в Ленинград. На 20 января город был обеспечен мукой на 21 день. Заметное увеличение продовольственных запасов позволило дважды — 24 января и 11 февраля 1942 г. — повысить нормы снабжения населения хлебом. Посредством «Дороги жизни» с 22 января по 15 апреля 1942 г. из Ленинграда было эвакуировано 554 186 человек. Официально «Дорога жизни» называлась Военно-автомобильная дорога № 101 (*Дзенискевич А. Р. и др.* Непокоренный Ленинград… С. 232, 241, 249). — /Комментарий А. С. Романова/.

460

«В целях предупреждения эпидемий исполком Ленгорсовета решил мобилизовать на работы по очистке все трудоспособное население. С 27 марта по 8 апреля трудящимся действующих предприятий предстоит отработать на уборке города по 2 часа во внерабочее время, рабочим законсервированных предприятий — по 8 часов, домохозяйкам и учащимся — по 6 часов» (*Буров А. В.* Блокада… С. 159). — /Комментарий А. С. Романова/.

461

Возможно, имеются в виду крупнокалиберные орудия, установленные на железнодорожных платформах. — /Комментарий А. С. Романова/.

462

«Блокада была прорвана в ходе военной операции советских войск под кодовым названием „Искра“, проведенной 12–30 января 1943 года. Войска Ленинградского и Волховского фронтов, взломав шлиссельбургско-синявинский выступ, прорвали блокаду Ленинграда, создав коридор шириной 8–11 км, позволивший восстановить сухопутные коммуникации города с территорией всей страны. Южное побережье Ладожского озера было очищено от противника. Инициатива ведения боевых действий на этом направлении перешла к Красной армии. Дальнейшее наступление советских войск развития не получило, тем не менее операция по прорыву блокады имела важное стратегическое значение и явилась переломным моментом в битве за Ленинград. <…>» (*Богданов И. Л.* Ленинградская блокада… С. 93). — /Комментарий А. С. Романова/.

463

Имеется в виду Большой драматический театр. — / Комментарий А. С. Романова/.

Леонтьев Александр Александрович — БСО, тромбонист, также руководил джаз-оркестром. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

465

Вид взрывчатого артиллерийского снаряда, предназначенный для поражения живой силы противника. Скорее всего, раз речь идет об осколках, то это был осколочный снаряд, ошибочно названный шрапнелью. — /Комментарий А. С. Романова/.

Ныне Академия русского балета им. А. Я. Вагановой, ул. Зодчего Росси, 2. — /Комментарий А. С. Романова/.

467

Серков Иван Васильевич — дирижер духового оркестра. Участвовал в оперных постановках осени 1941 г. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

468

В оркестре поддерживалась жесткая дисциплина. Элиасберг как дирижер был требователен и подчас резок с музыкантами. В соответствии с установленными в стране законами опоздание на работу влекло за собой разные (в зависимости от степени провинности) кары — вплоть до привлечения к суду. За несколько дней до данной дневниковой записи М. с группой музыкантов опоздал на 15 минут. Им был объявлен выговор (приказ от 15 января 1943 г.). В 1946 г. у М. снова возникла конфликтная ситуация. Ему предстояло играть соло в радиопередаче, совпадающей по времени с репетицией. Далее привожу выписки из находящегося в архиве ТРК «Петербург — 5-й канал» личного дела М. «Я имел основание, — разъяснял он в объяснительной записке, — учитывая серьезность выступления, надеяться, что дирижер освободит меня от первой половины репетиции (что, безусловно, сделал бы любой дирижер, кроме Элиасберга). <…> Я сказал дирижеру Элиасбергу, на что получил резкий ответ: „Быть к началу“». По словам М., он опоздал на 8–10 минут. В рапорте инспектора оркестра сказано, что Маргулис отсутствовал 25 минут. На рапорте резолюция: «Прошу привлечь к строжайшей ответственности. *К. Элиасберг*». Дело было передано в суд. Информации о разрешении конфликтной ситуации нет. Можно высказать предположение, что препятствия на пути творческого роста были одной из главных причин ухода М. из БСО: год спустя он стал солистом Концертного бюро Филармонии. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

469

Командиром бригады МПВО. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

Шор Елена Максимовна — музыкальный редактор. — / Комментарий А. Н. Крюкова/.

471

Скорее всего, М. хотел прослушать *свое исполнение* этой пьесы. Дело в том, что пьеса несколько ранее прозвучала в радиоконцерте симфонического оркестра и солистом был именно М. Цепь его сольных выступлений в канун и на протяжении 1943 г. можно (хотя бы пунктиром) наметить. — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

18 декабря он и несколько его коллег участвовали в радиопередаче, посвященной автору многих сочинений для детей композитору Ю. Вейсберг — звучали отрывки из опер «Зайкин дом», «Мертвая царевна», «Гуси-лебеди» (сама Юлия Лазаревна не пережила блокадную зиму, но музыка ее еще долго звучала в эфире). 15 января 1943 г. Радиокомитет организовал большой праздничный концерт в подшефном госпитале. Наряду с певцами (С. Преображенской, Г. Скопой-Родионовой) выступил и М. Аналогичный концерт с его участием прошел там же 18 февраля, в преддверии Дня Красной армии. Участвовал он и в передаче для детей 25 июля (посвящалась Дню Военно-Морского флота). Ранее, 10 июня, играл в Саду отдыха (концерт популярной исполнительницы рассказов и музыкальных фельетонов А. Егоровой).

7 октября в помещении Малого оперного театра опернобалетный коллектив показал премьеру — «Травиату» Верди. Соло скрипки исполнил М. 15 октября выступление М. вошло в число лучших передач этого дня. Буквально накануне решался вопрос — кого рекомендовать к участию в объявленном республиканском конкурсе молодых концертных исполнителей. В числе других была названа и фамилия М.

В этот день симфонический оркестр дал концерт для северо-восточных районов Ленинградской области, от которых ранее город был отрезан. Обращаясь к слушателям, К. И. Элиасберг рассказал о деятельности коллектива: «Мы делили с ленинградцами все трудности и превратности жизни в осажденном городе. <…> Особые условия Ленинграда заставляют нас работать с удвоенной энергией, наш оркестр призван систематически выступать не только по радио, но и на концертной площадке, и в оперном театре. <…> В условиях города-фронта нам удалось поставить такие фундаментальные произведения, как Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича, как Торжественная увертюра Чайковского „1812 год“, как Вторая симфония Скрябина, опера Чайковского „Евгений Онегин“ и многое другое» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 2. Д. 1192). Затем прозвучали Торжественная увертюра Глазунова и фрагмент из оперы Бородина «Князь Игорь». — /Комментарий А. Н. Крюкова/.

473

Так с 1938 по 1957 г. назывался город Оренбург. — / Комментарий А. С. Романова/.

Телеграмма-«молния» — телеграмма, пересылаемая адресату быстро, вне всякой очереди. — /Комментарий А. С. Романова/.